

АНДРЕЙ
МАРТЬЯНОВ



ВЕСТНИКИ ВРЕМЕН

ВЕСТНИКИ ВРЕМЕН

ДОРОГИ СТАРУШКИ ЕВРОПЫ

РОЖДЕНИЕ АПОКРИФА

БФ-коллекция

Андрей Мартьянов

**Вестники времен: Вестники
времен. Дороги старушки
Европы. Рождение апокрифа**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мартьянов А. Л.

Вестники времен: Вестники времен. Дороги старушки Европы.
Рождение апокрифа / А. Л. Мартьянов — «Издательство АСТ»,
2021 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-145922-2

Вальтер Скотт не прав. Диккенс тоже не прав. История средневековой Англии выглядела совсем по-другому! Никакого романтизма, сплошные серые будни, пересыпанные интригами, приключениями, крестовыми походами и прочими привычными для XII века забавами. Как ты себя поведешь в столь тихой обстановке? Верно! В правую руку меч, в левую вороненый «Вальтер», на голову шлем, на плечи — плащ с гербом своего сеньора! Говорят, такого не бывает. Неправда, очень даже бывает! Перед вами истинная история, случившаяся в 1189 году от Рождества Христова, история, происшедшая с тремя интересными людьми: сыном нормандского барона, германским летчиком Гунтером фон Райхертом и никому не известным русским по имени Сергей Казаков. Кто нам принц Джон Плантагенет? Кто нам король Ричард Львиное Сердце? Для маленькой компании русского, немца и француза эти благородные господа всего лишь те, кого надо за шиворот вытаскивать из неприятностей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145922-2

© Мартъянов А. Л., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Вестники Времен	7
Начало	7
Часть первая	16
Глава первая	16
Глава вторая	33
Глава третья	48
Глава четвертая	61
Глава пятая	76
Глава шестая	90
Часть вторая	105
Глава седьмая	106
Глава восьмая	120
Глава девятая	132
Глава десятая	147
Глава одиннадцатая	166
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Андрей Мартьянов

Вестники Времен

© Андрей Мартьянов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Вестники Времен

*Да не смущается сердце ваше;
веруйте в Бога и в Меня веруйте.
В доме Отца Моего обителей много.
А если бы не так, Я сказал бы вам:
«Я иду приготовить место вам».
И когда пойду и приготовлю вам место,
приду опять и возьму вас к Себе,
чтобы и вы были где Я.
А куда Я иду, вы знаете,
и путь знаете.*

Евангелие от Иоанна, 14:1–4

Начало

Здравствуйте, сэр рыцарь!

*Дорожная пыль под копытами вьется.
Мы вновь расстаемся. Что нам остается?*

*В далекие земли, в пустынные страны
Снискать себе славу, нажить себе раны.*

*Уйдет наше войско в железных одеждах —
Кто в шелковом платье, кто в светлых надеждах.*

*Проехать героем по дикой пустыне,
Отбить у неверных Господни святыни.*

*А также и золото, если случится,
А после вернуться, напиться, забыться...*

*А хочешь, и с места не трогайся смело:
Война и в Европе нехитрое дело.*

*Не все ли равно, сарацину ль, французу
Ты ткнешь от безделья копьем своим в пузо.*

*И это неважно – земляк благородный
Прервет твои годы иль турок безродный.*

*И даже не надо за море тащиться,
Чтоб славно сразиться, забыться, напиться...*

*А лучше не мучиться вовсе надеждой
И в сене душистом без всякой одежды*

*Все время делить меж вином и лежанкой
С услужливой, ласковой, сладкой служанкой.*

*Но жизнь дворянина – большое уродство;
Всяк должен быть рыцарь, являть благородство.*

*Мечом – иногда – и всегда словесами
Быть в битве, любви и вообще образцами,*

*Хранить свою честь, чтоб не звали растяпой
Пред орденом, кланом, страной, Римским Папой...*

*И значит, в дорогу собраться придется.
Мы снова уходим. Что нам остается?*

– Дети мои, заклинаю именем Святой Троицы и преподобного Бенедикта, уймитесь! Вы на земле, принадлежащей Матери нашей Святой Церкви! – Сейчас я его убью и сразу уймусь!

Первый возглас принадлежал отцу Теобальду, аббату монастыря, носившего имя только что помянутой Святой Троицы. Ответил же стоявшему на пороге странноприимного дома сухопарому пожилому священнику некий встрепанный молодой человек со светлыми волосами до плеч, серо-голубыми глазами и раскрасневшейся физиономией.

– Брат Корнелий! – тоскливо воззвал аббат, мелко крестясь. Немедля из темного дверного проема выскочил здоровенный рыжий монах и, быстро поклонившись, изобразил на своем лице почтение и внимание. Получилось, к слову, не слишком удачно. На небритой роже брата Корнелия отпечатались следы такого множества смертных грехов, что даже для самой захудалой добродетели места не оставалось. Любой добрый католик, узрев этакого разбойника, поспешил бы обратиться в бегство. Черная бенедиктинская ряса и старательно выстриженная тонзура благочестия Корнелию вовсе не добавляли.

– Разними их! – со слезами на глазах приказал аббат, указывая дрожащей рукой на двор. – Корнелий, ты ведь раньше воевал в Святой Земле! И знаешь, как...

– Сделаю, – пробасил монах и вдруг осекся: – Э, отец настоятель, у них же мечи! Железные!

Бенедиктинец был абсолютно прав. На широком, вымощенном гладкими темными камнями дворе монастыря сошлись в поединке двое. По виду – благородные рыцари. Первый был высок, темноволос и смугл, носил светло-синюю, многократно штопанную тунику с вышитым на груди белым львом, поднявшимся на дыбы, и добрую, поблескивающую начищенным металлом кольчугу. Второй рыцарь являлся печально знаменитым на все графство Аржантан сэром Мишелем, баронетом де Фармер.

Разумеется, оба дворянина сжимали в руках узкие мечи-бастарды. Острия клинков были направлены на грудь противника. Рыцари выглядели основательно подвыпившими, отчего их движения казались несколько аляповатыми, будто у кукол-марионеток из театра бродячих лицедеев.

– Сударь, – Мишель де Фармер, тот самый дворянин, что столь невежливо ответил священнику, обратился ко второму поединщику, – вы, кажется, изволили назвать меня... меня... Слушай, Горациус, как ты меня обозвал?

– Злобным норманном, – старательно выговорил рыцарь с белым львом. – И еще как-то... Не помню. Зато ты, пьянчуга, сказал, будто я трус!

– Да? – озадачился сэра Мишель. – А почему?

– Прекратите! – Пожилой аббат, поддерживаемый ухмыляющимся братом Корнелиусом, снова возвел очи горе. – Судари мои, идите в дом и, помолясь, мирно вкушайте отдых!

Оба сударя, выдыхая винные пары, словно и не услышали речей священника. Им было не до того.

– Черномазый сарацин! – Сэра Мишель бросил в лицо противника первое вывернувшееся на язык оскорбление. – Еретик!

– Почему это я – еретик? – уязвился Горациус. – Это ты весь вечер орал, будто являешься потомком какого-то одноглазого языческого божка! Как его там?..

– Одина! – рявкнул сэра Мишель. Услышав подобные речи, аббат еще больше ослабел и повис на руках брата Корнелиуса. Любому христианину должно быть известно, что языческих богов никогда не существовало, а поклонение им карается духовным судом и отлучением от церкви.

– Нехристь! – выкрикнул сэра Горациус и, едва не споткнувшись об валявшийся на дворе камень, ринулся в атаку. Его меч с почти неслышным уху шипением рассек воздух над головой сэра Мишеля, но почему-то вонзился не в противника, а описал крутую дугу и высек искры из устилавших двор булыжников.

– Промахнулся, – ядовито заметил сэра Мишель и некуртуазно рыгнул. – А вот тебе!..

Теперь клинок нормандца обрушился на Горациуса...

В трактатах знаменитейших мудрецов (как христиан, так и древних ромеев) стократно указывалась непреложная истина: «Безмерное питье вина не способствует остроте разума и точности движений». Что на своем примере и подтвердили два благородных сэра. Увы, но Горациус из Наварры и Мишель де Фармер из Нормандии, решившие задержаться в странно-приимном доме монастыря Святой Троицы, потребляли вино со вчерашнего вечера и к рассвету опьянели столь значительно, что позабыли о запрете Церкви обнажать оружие на освященной земле.

Аббат вновь попытался напомнить об этом рыцарям.

– Кому Церковь не мать, тому Бог не отец! – с рыданиями в голосе провозгласил отец Теобальд. И вдруг настоятель, глядя на блистающие среди двора обители отточенные мечи, воспрял духом, вырвался из сильных волосатых лап брата Корнелия, воздел над головой два перста и... – Пре-кра-тить! – Этот вопль священника совпал с несколькими звонкими ударами железом о железо. – Отлучу!

Это была серьезная угроза. Если ты живешь в последнем десятилетии XII века и знаешь, что Святая Церковь возвышается даже над императорами, королями и герцогами, направляя и указуя, ты, сколь бы ни был пьян, не станешь губить душу.

– Может быть, помиримся? – Горациус первым опустил меч. – И потом, я спать хочу...

– А я хочу отыграться! – воскликнул сэра Мишель. – Какой из меня рыцарь без лошади, доспеха и без денег?

– Знаю, какой! Ик... – пьяно кивнул Горациус из Наварры. – Странствующий!

И рек он истину. Сэра Мишель де Фармер, старший сын барона Александра де Фармер действительно был не просто рыцарем, но рыцарем странствующим. А если выражаться понятнее – бродячим искателем всяко разных чудесных приключений на свою голову.

* * *

Сэра Мишель ехал к папеньке.

Еще вчера вечером, остановившись на ночлег в бенедиктинской обители Святой Троицы, молодой рыцарь дал самому себе твердое и незыблемое слово: вина не пить, в кости не играть, в драки не вступать, а вовсе показать монахам самого себя благочестивым христианским паладином, каковой алчет лишь ночлега под крышей да малую толику хлеба насущного.

...Нельзя сказать, что папенька сэра Мишеля – уважаемый в округе барон Александр де Фармер – со слезами умиления ожидал прибытия в родовой замок старшего отпрыска. Да, разумеется, Мишель был любимым сыном барона, наследником и носителем славного имени Фармеров, обладателем дворянского герба и вассалом аржантанского графа. Однако монсеньор Александр де Фармер лишь тяжело вздыхал и бормотал молитвы при сообщении о том, что возлюбленное детище снова появилось у ворот маленького замка, выстроенного среди дремучих нормандских лесов. У всех дети как дети: занимаются хозяйством или идут на войну, к королю Ричарду, ну, или, на худой конец, женятся. А этот?

«За какие грехи Господь послал мне такого сына? – сокрушенно думал барон Александр. – Пьет, развратничает, шляется где ни попадя, дерется, а потом приходит и кланчит деньги!»

Да, господин барон с ошеломляющей точностью охарактеризовал образ жизни собственного сына. Мишель действительно любил вино, женщин, поединки и вольные странствия. И это несмотря на достаточно молодой возраст – Фармер-младший родился семнадцать лет назад, в 1172 году. Как раз тогда в королевстве Иерусалимском взошел на престол Балдуин IV, а сарацины пленили графа Раймунда Триполийского...

Для своего времени сэр Мишель был человеком особенным. Сами подумайте: как можно в просвещенном XII веке по Рождеству Христову изображать из себя странствующего палладина? Безусловно, легенды и куртуазные висы рассказчиков да менестрелей повествуют о благороднейших рыцарях, служащих Прекрасной Даме или Великим Королям, но когда это было? На дворе 1189 год, христианские венценосцы по воззванию Святейшего Папы Климента вновь идут в Палестину, мстить сарацинам за Иерусалим и Тивериадское поражение, государь Филипп Французский Август чтит высокое искусство литературы и стихосложения, возводятся прекрасные города и строгие храмы во имя Господа... Дикость, присущая варварским народам – готам, франкам и саксам, – безвозвратно ушла в прошлое. Равно как и сгинули дворяне, изыскивающие славу не под знаменами королей, а собственными силами!

* * *

...Жизнь свою Мишель де Фармер начал в родовом поместье отца, рыцаря, давшего вассальную присягу английскому монарху Генриху Плантагенету. Матерью Мишеля была немка, благородная девица из Саксонии. С Юлианой Оттенхайм барона Фармера-старшего познакомил его друг, рыцарь из Южной Германии по имени Дитрих фон Оттенхайм. Они вместе сражались в Святой Земле против сарацинского шейха Нуреддина в войске графа Раймунда Триполийского. Затем участвовали в походе к Египту, султанату фатимидов, и в штурме Александрии. По возвращении из Святой Земли, где было совершено друзьями немало чудесных подвигов, коими стяжали они себе славу христианнейших и благочестивых рыцарей, Дитрих пригласил барона Александра к себе в Оттенхайм – отдохнуть, а заодно и представить любимой сестре. Фройлен Юлиана оказалась светловолосой, богобоязненной и скромной девой, мечтающей лишь о Царствии Небесном (это в первую очередь) и о замужестве (во вторую).

Следует сказать, что многие воспоминания о пребывании в Святой Земле были не самыми светлыми. Хотелось за новыми впечатлениями избавиться от неприятного груза прошлого. Честь оставалась честью, добрая слава – доброй славой, однако в Палестине иногда происходили события, не соответствовавшие радужному представлению, сложившемуся в дворянских кругах Европы о доблестном воинстве Христовом. Великолепно, конечно, когда неверные

сарацины трусливо бегут, лишь только сверкнет твой клинок, но если в кармане ни гроша, на дне фляги плещется тухлая вода, а в седельных сумках нет ничего, кроме засохшей хлебной корки, приходится поступиться некоторыми добродетелями. К тому же богатые сарацинские и еврейские дома все равно были бы разграблены... Если не тобой, то другим. Не следует также забывать, что рыцарь, сколь много благонаравия он бы в себе ни нес, всегда остается мужчиной...

Впрочем, восточные красавицы зачастую оставались довольны франкскими господами. Жаль только, их не хватало на всех.

...Случилось так, что барон Александр де Фармер и молодая Юлиана однажды пошли собирать маргаритки. Неизвестно, был ли найден хотя бы один такой красно-бордовый цветок, но зато расцвела роза любви, да не среди жестких камней Саксонии, но в душах сих молодых людей. Плод высоких чувств появился на свет спустя девять месяцев, уже в Нормандии.

Немедленно после прогулки сестры «за маргаритками» Дитрих понял – скоро его сестра станет женой лучшего друга, а также полноправной хозяйкой богатого баронства. Что может быть замечательнее?

Влюбленные обвенчались в маленькой церкви в поместье Оттенхайм, где обряд проводил старенький подслеповатый священник, беспрестанно путавшийся в латинских песнопениях, чем очень смешил Юлиану, которая с трудом сдерживала совершенно не приличествующий данному месту и действию смех. Потом молодая чета отбыла из Германии в поместье Фармер. В Нормандию, королевство Английское.

Отец барона Александра к тому времени уже умер. Но, как это водится в старинных родах, на свет незамедлительно появился наследник, которому следовало передать титул, ленные права и все обязательства перед священной английской короной. Супруги окрестили своего первенца Мишелем-Робером де Фармер в церкви поселка Сен-Рикье, что находился в полумиле от замка.

Прижилось имя «Мишель» без упоминания имени святого Робера, призванного быть вторым небесным покровителем ребенка.

Разумеется, у четы Фармеров были и другие дети. Вначале появилась на свет девочка, названная в честь королевы Англии Элеонорой, потом второй сын – Хьюго – и самый младший, Эдмунд. Последний ребенок с трудом выжил, переболев оспой. К величайшему горю господина барона, жена умерла в родах. Случилось это в 1182 году, семь лет назад.

По смерти матери, умевшей сдерживать буйный нрав Мишеля, унаследовавшего горячую немецкую и скандинавскую кровь, старшенький вовсе распустился. Он с трудом терпел своих братьев, уважая лишь сестру. Пользуясь тем, что отец вынужден был все свободное время заниматься делами и хозяйством своего обширного лена, Мишель приходил в замок только на ночь.

Фармер-младший с детства любил играть с деревенскими мальчишками – бойкими, смышленными, легко соглашающимися на всяческие авантюры, в отличие от важных и нудных сынков знатных соседей, и даже организовал собственный «рыцарский» отряд, без всяких сомнений поставив себя во главе. Как-никак, благородный. Барон Александр, прослышав об этом, не стал возражать против игр своего сына с детьми арендаторов и свободных крестьян – пусть учится командовать войском, пригодится.

Все больше времени стал проводить Мишель со своим «отрядом», уходя на рассвете и являясь домой затемно. Чаще всего они играли в «крестовый поход», нередко оставались ночевать в лесу, совершали набеги на деревни, изображая нападение на сарацинские поселения, таскали кур и жарили их на костре в лесу.

Эти развеселые набеги продолжались в течение нескольких лет, несмотря на жалобы крестьян и следовавшие за этим порки как Мишеля, так и его «рыцарей». Конец веселью пришел в день, когда доблестный «коннетабль» был изловлен отцом Колумбаном и строго отчитан.

(Кто такой отец Колумбан? О, про него будет повествоваться ниже! Сейчас можно лишь сказать, что его в баронстве Фармер уважали не менее, но даже более монсеньера Александра. Отец Колумбан был святым отшельником. А кроме того, благообразный седовласый анахорет, принадлежавший к монашескому ордену святого Патрика, был своего рода покровителем баронского семейства, лекарем, учителем и толкователем Святого Писания.)

Старец вразумил молодого дворянина, презрительно оттягав Мишеля за ухо. После чего привел в свою землянку-хижину и раскрыл толстую книгу.

– Читать умеешь? – нахмутив седые брови, спросил отшельник одиннадцатилетнего Фармера. – Нет? Это плохо. Ты слышал о короле Артуре, сыне Утера Пендрагона?

– Да. – Мишель потрянул белыми волосами, поклонившись старцу. – А что?

– Хочешь узнать его настоящую историю?

– Ну-у... Да, конечно! – непонимающе ответил баронский отпрыск.

– Смотри. – Отец Колумбан ткнул в обрисованную сложным орнаментом буквицу. – Это буква «А»... Повтори, балбес!

– А-а-а... – послушно протянул Мишель. – А я вовсе и не балбес!

В общем получилось так, что святой Колумбан – отшельник, страстотерпец и мученик (а почему он стал мучеником, будет понятно вскорости) – за несколько лет обучил буйного потомка семьи де Фармер письму, чтению на норманно-французском и латинском языках, а также благородной куртуазии и вежеству. Но старец невольно превратился в виновника дальнейших приключений сына барона Александра.

Отец Колумбан, пребывая не столько в мире материальном, сколько в духовном, не совсем точно представлял, что происходит за пределами своей землянки и огорода. Посему Мишель, целые дни проводивший в жилище святого, впитал весьма устаревшие понятия и старался подражать не куртуазным соседям-дворянам, но вошедшим в легенды Ланцелоту, Гавейну и Тристану. Между прочим, благодаря канцонам о сэре Ланцелоте, вычитанным в книгах отца Колумбана, Мишель и влип в несколько неприятных историй.

Говоря вульгарными, плебейскими словами, Мишель, достигнув возраста пятнадцати лет, заинтересовался любовными похождениями помянутого рыцаря Круглого Стола и решил проверить, действительно ли это настолько интересно и угодно для плоти.

Оказалось, что да. Последствием хождений Фармера-младшего по крестьянским сеновалам окрестных деревень явились несколько бастардов – незаконнорожденных детей дворянина и крестьянки. Некоторое время барон Александр терпел выходки любимого сына, но когда некая дева (ах, простите, уже дама...) из близлежащей деревни Антрэн принесла в замок краснорожего и орущего благим матом ребенка...

Это была уже седьмая жалоба от дородных и привлекательных крестьянок. И каждой господин барон должен был заплатить виру.

Как раз в тот день Мишелю стукнуло шестнадцать полных лет. Замечательный подарок...

Барон Александр потребовал немедля прислать к нему сына. Настроение у владельца замка, кстати говоря, было не самое лучшее. По законам королевства, установленным Его величеством, королем Генрихом II, барон отдал обесчещенной девице целых пять фунтов серебром! Разорение! Нет, конечно, отец Мишеля понимал, что молодость есть молодость, да и саму девицу вовсе не брали силой, но... Хватит!

– Принимайся за ум, – с преувеличенной строгостью сказал барон де Фармер старшему сыну. – Женись, в конце концов!

– Не хочу, – честно ответил Мишель. – Я лучше уйду из дома. На какое-то время.

– Куда уйдешь? – всполошился отец. – А поместье? На кого я его оставляю? Я уже старик, мне целых сорок шесть лет!

– Все равно уйду, – угрюмо сказал наследник. – Вот, помню, сэра Лоэнгрин...

– Замолчи! – рявкнул барон. – Начитался дурацких книжек!.. А с отцом Колумбаном я буду сам говорить!..

Сколь долго папенька ни уговаривал Мишеля, неожиданно принятое решение тот изменять не собирался. Родительские занудства Мишелю изрядно надоели, все окрестности были знакомы донельзя, а вокруг молодого норманнского дворянина простирался такой большой и неизведанный мир...

Забрав дедову кольчугу, щит, два кинжала и полуторный норманнский меч, Мишель приказал конюху оседлать коня, а управителю замка – выдать пятьдесят цехинов на дорогу.

Барон Александр только плюнул, но в душе остался доволен. Хорошего сына вырастил.

Так Мишель де Фармер и покинул пределы баронства, отправившись путешествовать по Нормандии, Аквитании и Бретони.

Вскоре Мишель попал на самую настоящую войну.

Хотя Святейший Папа Римский и установил в Европе Божий Мир, в Нормандии и Аквитании дрались армии старого короля Генриха II и выступивших против него французов, возглавляемых Филиппом Августом и английским принцем Ричардом Львиное Сердце. Последний, подняв мятеж против отца, стремился захватить корону.

Случилось так, что Мишель – оруженосец, дравшийся вначале на стороне Ричарда, а когда надоело, перешедший на службу к старому королю, в дни этой войны и получил рыцарское посвящение. Причем обстоятельства церемонии были самыми трагичными. Впрочем, об этом будет рассказано позже.

Когда Ричард стал наконец полноправным монархом Англии, младший Фармер уехал в замок отца, некоторое время передохнул и вскоре снова покинул родовое поместье, надеясь присоединиться в Руане к Христовому воинству и отправиться с армией короля в Марсель, где собирались английские и французские крестоносцы. Однако дорожные обстоятельства как обычно ввергли его в очередную дурацкую авантюру. Приключение, сбившее норманна с истинного пути, и яйца выеденного не стоило – почудилось ему, видите ли, что некий сэр восхотел обидеть благородную даму. В действительности же выяснилось, что и дама, и рыцарь просто недавно поженились и обладали завидным темпераментом. Сэр Мишель ворвался с обнаженным мечом в их комнату на постоялом дворе, где пара остановилась на ночлег, превратно истолковав истошные женские вопли и грозный мужской рык. Рыцарь (здоровенный детина, подпиравший плечами потолок), коему нормандец испортил все удовольствие от общения с возлюбленной, в долгу не остался и так отходил ошеломленного своей ошибкой сэра Мишеля, что тот занедужил и провалялся в постели несколько недель.

Само собой, что покамест сэр Мишель отлеживался, а сопровождавший его слуга по имени Жак накладывал ему примочки на многочисленные синяки и ссадины, основная масса английских и нормандских рыцарей, не дожидаясь дутого защитника девичьей чести, уже отправилась на юг морем или сушей. При всем своем благочестии сэр Мишель не захотел догонять Воинство Христово в одиночку и продолжил странствие по Нормандии, надеясь отыскать приличных спутников и вместе с ними идти вслед Ричарду и Филиппу.

Но его планы так и остались планами, благо папенька выдал на дорогу достаточно много денег, а трактиры с элем, вином и красотками-прислужницами, никогда не отказывавшими благородным рыцарям, встречались в нормандских землях почитай через каждую лигу. Однако намерение двинуться в Палестину не избылось.

Всем, впрочем, известно, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями. Непосредственно сэра Мишеля она забросила, как ни странно, в монастырь Святой Троицы, в странноприимном доме коего он собрался заночевать, дабы с утра продолжить странствие. Оказалось, что милосердные монахи приютили у себя еще троих рыцарей, и те с радостью приняли в свою веселую компанию новоприбывшего.

Бурная ночь завершилась истинно рыцарской попойкой и последовавшим за ней маленьким турниром прямо во дворе монастыря, на освященной земле. Наиболее привыкшие к потреблению вин сэры Мишель и некий Горациус из Наварры поссорились (причем лишь ради собственного удовольствия) и, оставив отдыхать притомившихся собутыльников, вышли на двор. На колокольне обитатели тогда звонили к заутрене.

Благочестивая и душеспасительная служба была сорвана. Монахи, уставшие от не слишком насыщенной интересными событиями жизни анахоретов, высыпали на улицу и, окружив сошедшихся в поединке благородных сэров, начали подзуживать. Лишь появление аббата заставило братьев-бенедиктинцев покинуть место сражения и отправиться в церковь. – Убирайтесь прочь! – кричал отец Теобальд, топая ногами и пепеля взглядом Горациуса и Мишеля. – Нечестивцы!

Сэр Мишель, у которого из головы еще не выветрились винные пары, ответил:

– Какой же я нечестивец? Я добрый католик! А этот... этот... наваррец меня оскорбил!

Может быть, так и случилось. Это было известно лишь спорщикам да Господу Богу. Однако сэр Мишель был обижен на Горациуса вовсе не потому, что тот обозвал нормандца не принятыми в обществе словами. Молодой Фармер за время от вечера до заутрени проиграл в кости рыцарю с юга собственного коня, шлем, поножи и наручи, а что самое обидное – меч. И, будь Горациус убит норманном в поединке, эти вещи непременно вернулись бы к хозяину. Да еще с прибытком. По закону Мишель мог забрать себе доспех побежденного.

Само собой, аббат, сопровождаемый дюжим братом Корнелием, появился не вовремя, убив надежду на возвращение весьма ценного имущества.

– Что здесь происходит? – Этот вопрос задал низенький, очень толстый монах, выбежавший на крыльцо храма. – Отец настоятель, эти господа и являются нарушителями благочиния? Сейчас я их выставлю!

Фармер лишь тяжело вздохнул. Толстяк с отеком на лице Бахуса, принявшего монашеский постриг, был приором монастыря, известным своим склочным характером и дутой благочестивостью. И, кроме того, на пороге странноприимного дома появился неизменный слуга сэра Мишеля – Жак. Недавно отпраздновавший свое пятидесятилетие Жак – деревенский бобыль, приставленный бароном Александром надзирать за наследником – был настоящим цербером. Вдобавок он постоянно докладывал господину о выходках его старшего сына.

Отец приор, не понимая, что играет с огнем, шустрым колобочком скатился вниз, выстукав на ступенях церковного взохода дробь деревянными сандалиями, подошел к сэру Мишелю и надрывно прокричал ему в лицо:

– Во-он! Изыди!..

– Да пожалуйста, – с кривой ухмылкой ответил Фармер. Ему стало обидно до слез: доспех, лошадь, меч проиграны, в кошельке ни одной монеты, горло пересохло... Плохо. И сэр Мишель, не отдавая себе отчета в том, что делает, двинул кулаком в раскормленную физиономию приора. И, как ни странно, попал.

Бенедиктинец охнул, покачнулся и с размаху сел на каменные плиты двора. Аббат, задыхаясь от гнева, схватился за грудь, рыжий монах Корнелий улыбнулся довольно (наверное, он сам давно мечтал поколотить зануду приора), а сэр Горациус сказал:

– Монсеньор де Фармер, верните мне меч, пожалуйста. Вы его, кажется, проиграли. А кроме того, вас сейчас будут бить. Сильно. На вашем месте я бы немедленно покинул монастырь. И не забудьте – лошадь из конюшни забирать не следует, ее вы тоже проиграли.

Слуга Жак, приняв необычный для сиволапого крестьянина надменный вид, развернулся и ушел в дом. Обидеть монахов, это надо же! Все папочке расскажу!

– Вот как, да?! – Мишель бросил меч на землю и сталь отозвалась жалобным пением. – Да подавитесь! Пешком уйду!

Он круто повернулся на каблуке сапога, едва не упав, и зашагал к монастырской стене. Как на грех, прямо на его пути стоял колодезный сруб.

Сэр Мишель, будучи не в силах сдержать громадный пузырь, образовавшийся в утробе от огорчения и злости, сделал головой ныряющее движение в сторону открытого колодца, облокотился на изрубленные бревна и изверг мутное, воняющее перебродившим виноградом содержимое желудка прямехонько в чистые родниковые воды монастырского колодца. То, что отец-настоятель поныне стоял на крыльце, уничтожая яростным взглядом возмутителя спокойствия обители, его ничуть не смутило. По вполне банальной причине: отравленному дурным вином организму смущение неведомо.

В темной глубине колодца, выложенного покрытыми синеватым мхом камнями, громко плеснуло. Брат Корнелий откровенно заржал, но мигом осекся, поймав взгляд аббата. Если бы святой отец имел способности сказочного василиска, то рыжий монах превратился бы в статую, олицетворявшую Добродетель Смирения.

А сэр Мишель, подпрыгнув и уцепившись пальцами за верхушку невысокой стены, окружавшей монастырь, с натугой подтянулся и, перевалившись на другую сторону, упал в траву. Старая и проржавевшая кольчуга скрипнула колечками.

– Надоели! – рявкнул норманн, поднимаясь на ноги. – Не жизнь, а одно расстройство!

Лучи восходящего солнца позолотили стволы деревьев, заиграли бликами на влажных листьях. Почему-то оставаться под открытым небом сэру Мишелю не хотелось, тянуло в лес, к деревьям. И он поспешил пересечь луговину, раздвигая коленями густые высокие стебли со слипшимися от росы метелками.

Рыцарь не заметил, как земля на миг ускользнула из-под ног и тут же вернулась обратно. А высоко в небесах глухо пророкотал далекий раскат грома, будто над Великим Западным морем собиралась гроза. Нечто неуловимое, неощутимое человеческими чувствами случилось в Мире, и сэр Мишель, даже сквозь затуманенный похмельем разум, почувал, как Вселенная будто бы содрогнулась в краткой судороге. Содрогнулась и вновь застыла.

А вокруг все осталось неизменным – желто-оранжевое светило подымалось все выше и начинало пригревать, подул слабый ветерок, шевеля изрезанные листья на старых дубах; с густым жужжанием над самой травой пролетел мохнатый шмель и сел на розовую головку клевера.

Пугаться оказалось нечего. Прежний мир. Знакомые с первых дней жизни солнце, старый лес и прохладный воздух, отдаваемый остывшей за ночь землей Нормандии.

Часть первая Нормандия, королевство английское

Глава первая Шторм над проливом

*Пусть я давно, пусть я давно за Ахеронтом,
И кровь моя, и кровь моя досталась псам,
Орел Шестого легиона, Орел Шестого легиона
Все так же рвется к небесам!
Все так же быстр и беспечен,
И как всегда, и как всегда неустрашим,
Пускай солдат недолговечен, пускай солдат
недолговечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим!
И путь наш труден и ухабист,
На раны плюй, на раны плюй, не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август, нам дал приказ
Тиберий Август,
Умри, но выполни его!
Под знойным небом Палестины, в альпийских
северных лугах,
Манипул римских топот мерный, манипул римских
топот мерный
Заставит дрогнуть дух врага!
И вот в песках Иерусалима, водой Евфрата
закален,
За императора Рима, в честь императора Рима,
Шестой шагает легион!*

Битва за Британию началась тринадцатого августа.

А война с Британией продолжалась одиннадцать месяцев, предшествовавших этому дню. Почти год тянулось странное, небывалое доселе состояние, названное по ту сторону Ла-Манша «rhoney war» – фальшивой войной. Не слышно было грохота великих сражений, не прорывались через минные поля и оборонительные рубежи танковые клинья, сметавшие на пути любые преграды, не визжали сирены пикировщиков, и лишь изредка огрызались короткими влаиваниями орудия боевых кораблей, палившие больше для порядка да от тоски по настоящему делу... Две великие державы стояли друг против друга – вернее, враг против врага – подобно псам со вздыбленной на загривке шерстью, сверкая бешеными глазами и ощеря клыкастые пасти. Псы расхаживали, наблюдая. Ждали, когда противник даст слабину, не выдержав взгляда, отведет глаза, а то и вовсе, прижав уши и хвост, бросится в кусты, спасаясь. Пощады не будет. Второй пес прыгнет, и челюсти его сомкнутся на горле врага, вгрызаясь в живую плоть, ломая гортань и раздирая в клочья артерии с кипящей кровью. Не станет первый удар смертельным – и покатится по землям Старого Света рычащий клубок из двух сплетенных в беспощадной схватке тел, и победитель будет лишь один... Он уйдет с поля битвы хромя, с оторванным ухом и зияющими язвами кровавых ран, но уйдет, оставив за спиной смятый и

растерзанный труп соперника, что достанется его стае на съедение. Никакой лирики – или ты, или тебя...

Еще ждут своего часа иные силы – одна на востоке, с хитрым прищуром взирающая на готовых к драке оскалившихся волкодавов, ставящая то на одного, то на другого; великая сила с запада, надежно укрытая волнами Атлантики, сейчас вовсе замерла в остолбенении, словно удивляясь происходящему. Это – действительно Силы, и имена их следует писать с большой буквы, благо каждая из них, не взглянув, походя, способна перешибить хребет любому недругу... Силы сейчас притихли, наблюдая и выжидая. Молчат, но ох не сладко придется бедняге, против которого Восточный Медведь и Западный Орел обратят свои стальные когти.

Первой ударила Германия. Зверь прыгнул – тихо, неожиданно и стремительно. В 1940 году никто не закричит, что бесчестно не предупредить противника хотя бы кратким рыком. Сейчас не куртуазный восемнадцатый век и не благородное Средневековье. Да и время вежливой дипломатии миновало – сколько же можно вбивать в тупые англосаксонские лбы простую истину: пускай Британия властвует на морях, никто мешать ей не станет, но континент извольте оставить Рейху! Две мировые империи смогут ужиться довольно долгое время. А дальше... Это будут решать другие поколения.

Но нет! Островное королевство восстало! Безусловно, из окон Виндзорского дворца не видны сгущающиеся на востоке тучи, имеющие определенно красный оттенок. А вечно пьяный боров, занявший кресло на Даунинг-стрит, надо полагать, не осознает, что Германия – единственное спасение и последний барьер, отделяющий Виндзорскую монархию от гибели, подступающей с дальних равнин. Англия заступилась за Польшу и Францию? Тогда она должна пасть из-за собственной недалёковидности. А стоило Черчиллю только захотеть, и все решилось бы по-другому...

Так рассуждали в Берлине.

Военные не привыкли раздумывать над приказами или оспаривать их. Поэтому августовским утром восьмой авиационный корпус германских ВВС, подтянутый к побережью Ла-Манша еще в июне, был поднят по тревоге. Англия перестала быть неуязвимой и недосыгаемой. Подданным его величества короля Георга больше не придется отсиживаться в безопасности, надеясь, что война никогда не придет на их острова.

* * *

Лейтенант Гунтер фон Райхерт пребывал в дурном настроении с самого пробуждения. Во-первых, выспаться за четыре часа практически невозможно, а во-вторых, ему приснился очень нехороший и странный сон. Обычно сны забывались, да и посещающие человека по ночам видения зачастую абсурдны, запутаны и реализма в них даже меньше, чем в планах фюрера по перестройке Берлина. Сон пришел под утро, видимо в последние минуты перед подъемом, и запомнился так четко, что его можно было счесть дурным предзнаменованием.

«Определенно, нас сегодня собьют, – мрачно думал Гунтер, привычно защелкивая замки ремней кресла. – Или разобьемся при посадке. Что-то должно случиться просто обязательно!»

Сон был не особо страшным, но при этом неприятным до жути. Гунтера окружал вроде бы знакомый, но одновременно напрочь чужой мир. Мертвый мир. Откуда-то пришло знание, что его город – Кобленц – почти полностью разрушен одной огромной силы бомбой, и вдобавок в воздухе витает некая неизвестная зараза, погубившая почти всех уцелевших после чудовищного взрыва людей. Не рухнуло лишь несколько домов на Шлиссель-штрассе, где была городская квартира родителей. Он бродил по пустым заваленным битым кирпичом и прочим хламом улицам, заглядывал в опустевшие остовы жилищ, видел там жутковатые останки погибших – многие люди оставались в своих креслах или кроватях, но все до одного были мертвее мертвого. Серо-черный, словно присыпанный пеплом, и покрытый гарью пожаров мир пугал до

дрожи в коленях. Гунтер искал еду, потому что дома кончились все припасы, а мать была больна, но ничего не находил. Только один раз удалось обнаружить среди обгоревших обломков апельсин, который следовало немедленно отнести домой...

– Тьфу, чертовщина! – Гунтер выругался вслух и тряхнул головой, пытаясь отогнать преследовавшие его видения. – Не хватает теперь расстраиваться из-за дурацкого сна!

– Что ты говоришь? – возник в наушниках голос Курта, борт-стрелка – Извини, не слышал.

– Ничего, – буркнул Гунтер в ответ и лениво посмотрел через фонарь кабины на всю гудевший моторами самолетов аэродром. Практически все пикировщики были готовы к взлету. Еще несколько минут и первая группа эскадры StG1 поднимется в воздух и возьмет курс на запад. Гляньте-ка, машина капитана Браухича уже вырывается на полосу, значит наш черед пятый... Полетаем сегодня.

Да, собственно, дело вовсе не в плохом настроении и не в отвратительном сне. А предстоящая операция просто одна из многих, и вряд ли найдутся разительные отличия от боев за Польшу или Францию. Приказ – проще не придумаешь: взлететь, набрать установленную высоту, идти за ведущим к цели, сбросить груз, развернуться, лететь обратно. Сюда, на бывший французский, а теперь немецкий аэродром, рядом с городом, носящим очаровательное имя Бланжи-Сюр-Брель. Нормандия – Англия – Нормандия, вот и все путешествие. Если все будет хорошо (*а вот ничего хорошего не будет* – проскочила мысль, – *будет плохо. Не знаю как, но плохо*), так вот, если задание будет выполнено, а англичане, по своему обыкновению, продолжают хлопать ушами, то все дело займет часа три, не больше. Часть бомбардировщиков, как явствует из приказа, разнесет на куски аэродром берегового командования Дейтлинг, другие отправятся на свидание с объектами в Дуврском порту, а машина с бортовым номером 77 вместе со своей эскадрильей пощупает Рочестер – британскую базу в подбрюшье Лондона, у слияния Темзы и Медуэя. Меланхолия, охватившая никому не известного лейтенанта, сидящего за штурвалом «Юнкерса» с двумя большими белыми семерками на фюзеляже, в расчет сейчас не берется. Тут война, а не парижский бордель. И капитану Браухичу не порываешь в манишку, как девице из того самого борделя – не поймет. Сантименты и личные переживания подчиненных господина капитана интересуют меньше всего.

«Ну-ну, давай поспокойнее, – попытался взбодрить себя Гунтер, – двадцать пять лет и не возраст вовсе, и заявлять себе, что жизнь не удалась, совершенно не стоит. Если посмотреть трезво – все нормально. Дом, родители, служба в конце концов! Зачем себя изводить попусту? Давай плюнем на все проблемы и трудности, сосредоточимся на предстоящем деле и станем думать исключительно о нем. Согласен? Ну вот и молодец! Никаких дурных снов, пустых ублюдков, окружающих тебя на земле, начальства, грозных инспекций... Есть только ты, небо и добрая послушная машина, от которой не приходится ждать обид и разочарований. Самолет – не человек... Только ты и он. Все».

О сидящем за спиной унтер-офицере Курте Мюллере совсем не вспоминалось, но стрелок сам дал знать о собственном навязчивом бытии в идиллической вселенной, выстроенной Гунтером.

– Я никогда не бывал в Англии, – в наушниках послышалось веселое фырканье – Курт смеялся почти всегда, в отличие от частенько впадавшего в угрюмство командира. – Как думаешь, мы сумеем рассмотреть хоть что-нибудь? Потом стану рассказывать внукам, как я летал над Тауэром.

Гунтер тоскливо возвел очи горе, обдумывая, как отшить разговорчивого Курта, но тут сквозь шипение и болтовню бортстрелка прорвался голос руководителя полетов:

– Первая группа, взлет разрешаю.

Ответил Браухич, и его слова услышали все экипажи:

– Строим правый пеленг, в полете соблюдать радиомолчание!

– Вас понял, – хрипло отрапортовал Гунтер и вслушался в вой мотора. Двигатель уже достаточно прогрелся, никаких неполадок быть просто не могло, приборы в норме... Ну тогда – вперед!

Увидев сигнал к взлету – три красные ракеты, Гунтер медленно надавил на рычаг газа, и самолет, двинувшись с места, пополз вперед, развернулся вправо, почти упершись в хвост тридцать второй машине обер-лейтенанта Дитриха. Последняя вдруг резво побежала вперед, набирая скорость, и Гунтер, поддав газу и снова чисто автоматически проверив работу элеронов, устремил своего стального и безмолвного приятеля вслед. Мелькнули строения у края аэродрома, плиты взлетной полосы слились в единую сероватую ленту, а несколькими мгновениями спустя легкая вибрация, сопровождавшая движение по земле, прекратилась – машина плавно поднялась в воздух, к грязному облачному небу. Ну держитесь, англосаксы! Сегодня у вас будет неудачный день!

Операция «Орлиный налет» планировалась долго и серьезно, подготовка шла со всем тщанием и германской организованностью – еще бы, сейчас на карту поставлена судьба не одной лишь Европы, но и всей планеты! Если получится заставить англичан отказаться от своих непомерных амбиций и призвать к нейтралитету, на мировой карте останутся лишь три империи, способные оказывать влияние на ход истории, – Германия, Россия и Америка. Потому-то и наезжали из Берлина в эскадру нескончаемые проверки и комиссии, возглавляемые важными шишками. Последний раз, всего сутки назад, явились даже господа из ведомства адмирала Канариса. Словом, командование и правительство относились к войне с Англией исключительно серьезно.

...Руки действовали самостоятельно, почти без участия головы: штурвал на себя и потом чуть влево, щелкнуть тумблером, открывающим клапаны воздухозаборника двигателя, пальцы привычно лежат на штурвале... Резко ушла вниз земля, пронеслись под брюхом самолета деревья, остались за кормой холмистые гряды, окружавшие аэродром, и Гунтер выровнял самолет. Справа и чуть впереди шел ведущий, за ним еще три пикировщика с эмблемами эскадры StG1 – черным петушком на желтом щите с красными углами наверху. Семьдесят седьмая машина заняла свое место в строю, двигавшемся к свинцовому полю пролива.

Лейтенант Райхерт любил свой самолет. Иногда он даже казался Гунтеру немножко живым, способным отблагодарить за хорошее обращение или наказать за небрежность. Прошлой весной появилась возможность в этом убедиться. Пускай французы после начала наступления в Арденнах сопротивлялись больше для вида, нежели действительно надеялись остановить пришедших мстить им за Версальский договор германцев, но их авиация, конечно, изрядно потрепанная после внезапного нападения, действовала. «Семьдесят седьмая» показала себя прекрасно – за всю компанию машина получила всего несколько пулевых отметин, да шальная пуля случайно попавшая в двигатель заставила повозиться аэродромных техников, а на счету (это кроме наземных целей) даже были два сбитых француза...

«Юнкерс-87» не истребитель, а пикирующий бомбардировщик. Скорость у него поменьше, чем у английских «Спитфайеров» и «Харрикейнов», да и огневое вооружение не ахти какое – пулемет стрелка-радиста, прикрывающий заднюю полусферу да пара неподвижных пушек в консолях. Много не навоюешь. В воздушной войне все как на примитивной фабрике по производству кастрюль: всяк должен делать свое дело, не вмешиваясь в чужие функции. Бомбардировщики обязаны громить наземные объекты врага, а истребительная авиация прикрывать их и драться с чужими самолетами. «Юнкерс», безусловно, куда как пошустрее тяжелых бомбовозов, но все-таки сцепляться с верткими истребителями англичан в воздухе для него – дело рискованное.

Однако «Ю-87» нынче лучший в Европе пикировщик – этот неоспоримый факт наглядно доказал первый год войны.

«Первый год... – подумал Гунтер. – Первый. Чувствую всеми потрохами, что далеко не последний. Сны – снами, но не понимать, что все вокруг далеко не идеально, ты не можешь. Плохо не только с тобой. Страна, мир, они тоже катятся под откос и лишь увлекают тебя вслед, как и многих других людей. Все плохо, и не надо этого отрицать...»

А как прекрасно все начиналось в начале десятилетия! После пятнадцати лет невиданного в истории Европы унижения Германия снова поднялась на ноги и всего за четыре года превратилась в великую державу. Парадокс: то, чего не сумели сделать старик Гинденбург и обещавшие скорый рай на земле интеллигенты-демократы, получилось у смешного невысокого австрийца, чье имя теперь стало пугалом для всей планеты... Гений, пусть и злой, показал свои способности. Оглядываясь на события последних семи лет, время своей юности, Гунтер искренне недоумевал, каким образом этому человеку удалось совершить невозможное? Мистика, да и только... Впрочем, в потусторонние силы Гунтер не слишком верил, предпочитая здраво оценивать реальность. А таковая недвусмысленно свидетельствовала: рейхс-президент и народный канцлер, фюрер германского народа Адольф Гитлер достиг вершины, падать с которой будет больно. Возможность же разбиться насмерть при падении была вполне реальна...

Досадно, что многие этого не понимают, продолжая идти вслед за красным знаменем странной и невиданной на планете прежде организации, носящей аббревиатуру НСДАП.

Страна. Германская империя. Просто Vaterland – земля отцов, самое доброе и хорошее имя. Государство с тысячелетней интереснейшей и славной историей. Прекрасный, радушный и порядочный народ, прошедший через все представимые бедствия, но выживший и сохранивший свои качества, за которые немцев уважают во всем мире, от Южной Америки до Аляски и мыса Нордкап. Что с тобой случилось в середине двадцатого века? Что делать? Как тебе помочь?..

Германия воевала всегда. Предки-готы, пришедшие с востока, пронесли ураганом от Днепра до теперешних Англии и Португалии, изгнав кельтов, переломили хребет Великой Римской Империи, проникли даже в Африку и Византию. Это, однако, не было началом. Наверняка готы и прежде дрались с кем-нибудь в родных степях вокруг Черного моря, лесах возле Дуная, Днепра или Волги. Смешно, но теперь Министерство пропаганды усиленно распространяет абсурдную точку зрения высшего руководства – оказывается, предками немцев следует считать древних греков! Господи, да какие еще греки? Гунтер, услышав как-то по радио эту версию партийных историков, расхохотался до слез. Забавно было бы посмотреть на бедных эллинов, столкнувшихся с готскими ратями...

Гунтер тогда же рассказал об этой передаче берлинского радио своему отцу, и они повеселились вместе, не забывая, впрочем, об осторожности. Несогласие с партийной идеологией чревато, знаете ли...

А потом, ради интереса, Райхерт-старший и Райхерт-младший засели в библиотеке поместья на полный вечер, раскапывая самые древние сведения о германских племенах. Собрание книг у отца, профессора древних языков Кельнского университета, было исключительно обширным, и к трем пополуночи Вальтер фон Райхерт надиктовал сыну двадцатистраничное письмо рейсхминистру пропаганды, доктору Геббельсу, почти сплошь состоявшее из цитат и книжных выдержек. Текст, напроць опровергавший выкладки господ идеологов, само собой, никуда не отправили, а спрятали в том «Военной истории» Дельбрюка, но оба исследователя остались довольны проведенными изысканиями. Отец, отправляясь отдыхать, сказал Гунтеру:

– Греки, греки... Не пойму, отчего нужно заводить новых предков, если должно гордиться своими?.. Я давно подозревал, что в Берлине поселились душевнобольные.

Гунтер прокашлялся и, серьезно взглянув на родителя, ответил:

– Знаешь, папа, на твоём месте я бы не стал говорить подобное в обществе. Понимаешь ли, могут возникнуть... э... сложности.

– Знаю, – отмахнулся старый Вальтер. – Я просто душу отвести. Не обращай внимания.

Нет, действительно, чем плохи для Фюрера варвары-готы в качестве пращуров? Разве не они разбили в Тевтобургском лесу войско Арминия? Слава богу, официальное радио пока не заявляет, будто римские легионы погибли от эллинских рук. А если вспомнить битву на Каталунских полях? Этцель-Аттила привел за собой гигантскую армию, опустошившую восточную Европу, угрожал Риму... Однако, извольте видеть, германцы, римляне и кельты, встав на пути восточной орды, победили, а дружины готов рассеяли и уничтожили самую страшную ударную силу орды Аттилы – славянскую конницу. Греки в то время, надо полагать, сидели на берегах Средиземного моря, хлестали вино, развлекались с девочками или друг с другом да сочиняли стишки...

Войны, сражения, походы – вот история Германии. Нордический дух героики всегда жил в немецком народе. Со времен бургундских королей из «Саги о Нибелунгах», Зигфрида, Хагена и Гуннара прошли сотни лет, вместивших в себя войны Фридриха Барбароссы, крестовые походы в Святую Землю и славянские владения, завоевания Тевтонского ордена... Есть ли смысл вспоминать все? Случалось, война ставила под угрозу само существование народа, как это произошло в XVII веке. Тридцатилетняя война и последовавшие вслед эпидемии чумы да холеры сократили население больше чем наполовину, некогда цветущая страна пришла в невероятное запустение, наступивший голод вынудил оставшихся в живых к людоедству...

Ужас поселился в центральной Европе на долгие годы... А причина катастрофы была незамысловата – некий господин Мартин Лютер «метнул молнию» и вызвал величайшую в истории Германии бурю, единолично восстав против католицизма. С тех пор Лютер посчитал себя «Орудием Господа» в борьбе с «антихристом» и «порождением дьявола» – Святейшим Папой. Смешно, но этот еретик оперировал чисто гитлеровскими терминами: Римская Церковь в его глазах – «разбойничий вертеп», «царство греха» и «наиболее бесстыжая из всех блудниц». Лютер, создав новую религию, раздробил и без того не блестящее единством христианство, отрекшись от апостольского Римского престола. Разумеется, последовали стычки сторонников лютеровской ереси и католиков, разразились религиозные войны и последствием самой страшной из них стало почти полное опустошение Европы...

Гунтер происходил из католической семьи и на протестантов поглядывал косо. Однако последние события в Германии давали понять, что, видимо, в скором времени всем христианам рано или поздно придется объединиться уже не ради спасения своей церкви, но для спасения веры Христовой. Фюрер не любил церковь. Конечно, совершенно отринуть Бога, подобно большевикам в России, он не пытался, но трактовал понятия религии не совсем обычно. Он, ставший богом на земле, видимо, искренне полагал, что знает замыслы вышних сил, и потому в «Майн Кампф» через страницу встречались утверждения наподобие: «*Борясь с евреями, я сражаюсь за дело Господа*» или «*Еврей – это образ и подобие дьявола. Он просто не может быть человеком в смысле образа и подобия Бога Вечного*»¹. Вот так, незатейливо и без экивоков.

Гунтер, из интереса проштудировав партийную «библию», не мог очухаться с неделю. Вождь тут и там, в книге и многочисленных праздничных речах упоминает Имя, не должное произноситься всуе. Заявляет, будто действует по прямому велению Господа, и одновременно начинает гонения на католицизм? Оплот христианства? Да-а, что-то недоброе творится в стране. Священники для вождя «Мракобесы и плуты», Папа римский Пий – не больше, не меньше, как «ставленник западных плутократов и банкиров», а Ватикан и вовсе «свинарник». Почитай тексты Мартина Лютера и увидишь почти такие же слова... Ну ладно, на излишне резкие выражения, свойственные Гитлеру, можно не обращать внимания, но как объяснить

¹ Adolf Hitler. Mein Kampf. S. 751. Между прочим, сам Гитлер впоследствии неоднократно пытался отмежеваться от собственного сочинения, окрестив «Майн Кампф» «стилистически неудачной чередой передовиц для газеты „Фолькишер Beobachter“ и „фантазиями за решеткой“». Подробнее см: I. Fest, «Hitler», Verlag Ullstein GmbH Frankfurt/M – Berlin, 1973.

обоснование «делом Господа» жутковатые вещи, начавшиеся в Польше и других побежденных государствах, а еще прежде в самой Германии?..

Гунтер, с разрешения отца, закончивший военную летную школу в Кобленце, сразу попал на фронт – их подразделение бросили на Польшу. Вальтер фон Райхерт хоть и рассчитывал, что сын пойдет по его стопам, занявшись в университете историей или отцовским делом – древними языками, прекрасно понял сына и сказал, что каждый немец должен отслужить в армии, а быть профессиональным военным, тем более летчиком – дело почетное. Ничего, когда война (тогда еще не начавшаяся, но всеми ожидаемая) кончится, можно будет спокойно заняться наукой. Сейчас лучше сражаться за свою страну, а не сидеть за книгами.

Лейтенанта фон Райхерта распределили в первую эскадру пикирующих бомбардировщиков, и как раз к его прибытию на место службы «Люфтваффе» получили новый самолет – «Юнкерс-87 В2», модификацию начавшего выпускаться в 1937 году пикировщика. Гунтер получил новенькую, только сошедшую с конвейера машину с бортовым номером 77. Стрелком и оператором-радистом к нему попал успевший послужить в Испании унтер-офицер Курт Мюллер. Последний оказался родом из Гамбурга. Болтун и весельчак, однако человек удивительно хозяйственный и прекрасно знающий свои обязанности. Гунтер и Курт вместе прошли через Польшу, Голландию, Францию... Теперь на очереди Англия.

Польша. Уже после окончания боевых действий, после неприятной аварийной посадки рядом со столицей съеденного Германией и союзницей-Россией государства, лейтенант Райхерт получил отпуск и перед отъездом домой решил осмотреть Варшаву. Прежде бывать ему за границей не доводилось, а потому все было интересно. Гунтер бродил по старой части города, с непривычки смущаясь от взглядов поляков, настороженно, а то и враждебно косившихся на рыжеволосого немецкого лейтенанта в серо-сизой форме. Изредка по улицам проходили колонны техники, грохотали танки, кое-где виднелись разрушенные дома – поработали коллеги из второй эскадры, бомбившей Варшаву. В целом прогулка получилась хорошей, но возле католического костела, в который Гунтер собирался зайти, ему пришлось стать свидетелем крайне неприятной сцены. Возле собора стояло несколько военных грузовиков и солдаты в форме войск SS выводили из храма каких-то ничем не примечательных личностей, заталкивая их в грузовики.

– Простите, – Гунтер обратился к офицеру в черном плаще с серебристыми знаками различия, соответствующими армейскому званию подполковника. – Можно узнать, что здесь делается?

Штандартенфюрер SS подозрительно оглядел не в меру любопытного пилота «Люфтваффе», но все же ответил, не вынимая сигареты изо рта:

– Евреи, господин лейтенант. Укрывались в церкви. Отказались пройти регистрацию и переселиться в еврейский квартал, выделенный для их проживания.

– Вот как? – Гунтер озадаченно потер переносицу. – Но здесь же храм... разве можно так?

– Это евреи, – безразлично пожав плечами, повторил штандартенфюрер. – Им теперь не поможет и Папа Римский. А храм тут или публичный дом – не имеет значения...

И, не попрощавшись, офицер SS отошел. Когда грузовики уехали, Гунтеру расхотелось идти в костел, тем более что стоявший на ступенях пожилой священник смотрел на него, как на исчадие сатаны.

– Простите, – буркнул Гунтер, не выдержав испепеляющего взгляда ксендза, и, развернувшись, зашагал прочь, к вокзалу.

А в поезде он ехал в одном купе с толстеньким и розовощеком чиновником из ведомства Альфреда Розенберга, направлявшимся с каким-то докладом в Берлин. Говорили о войне, дальнейшей судьбе Европы, после того как Англия и Франция объявили войну Рейху. И вдруг выглядевший очень добродушным и приветливым толстяк помрачнел, сказав слова, надолго запомнившиеся Гунтеру:

– Знаете, молодой человек, наступившая война крайне необычна. Нет, в смысле танков и артиллерии все как и прежде, я имею в виду другое... От снарядов и пуль сейчас погибли всего несколько тысяч, а вот этим рукам, – чиновник вытянул вперед ладони, – предстоит истребить в десятки раз больше... Если вам однажды предложат съездить на экскурсию в новый исправительный лагерь под Варшавой, где мне приходится нынче служить, не соглашайтесь. Поберегите рассудок. Это очень плохое место.

Гунтер сначала не понял, о чем идет речь, но, когда толстяк, открыв бутылку коньяку, стал разговорчивее и подробнее поведал о своей «работе», лейтенант Райхерт убедился: слова из «Майн Кампф» начали обретать видимое воплощение. Именем Бога Германия пошла против Бога...

Война – это просто: ты здесь, впереди враг. Врага следует уничтожить или принудить сдаться. Но убивать людей *просто так*, из-за «*неправильного происхождения*» или *других* политических убеждений?.. Что же происходит вокруг, а?

«Правительство и фюрер, одобrivшие эту затею, роют себе яму, – подумал в тот момент Гунтер. – Подобного скотства не было со времен Нерона! А если о таких вот „исправительных лагерях“ узнают за границей (*а ведь непременно узнают!*), на нас взъестся весь мир! От Китая до Бразилии... Как прикажете воевать против всей планеты?»

Гунтер понял – пока не поздно, нужно как-то остановить этот ужас. Образумить руководство, втолковать господам из рейхсканцелярии, что подобные вещи никогда не могут остаться скрытыми и безнаказанными! Только как это сделать?

Да никак!

Тебя и слушать не будут, а сказав слово против действий партии, SS и фюрера, ты рискуешь лишиться не только серебрястых лейтенантских погон, но вдобавок можешь оказаться в учреждении вроде того, в котором служит улыбчивый чиновник, видимо, давно уяснивший, в какое дерьмо вляпался... Так что, дорогой Гунтер фон Райхерт, давай забудем о пьяных изливаниях случайного попутчика и спокойно доберемся до родного поместья. Твое дело – честная война.

Райхерт, родовое гнездо на левом берегу Рейна, расположилось среди лесов, покрывавших Арденны, у южных склонов хребта Айфель. Места, что и говорить, красивейшие, почти не тронутые цивилизацией. Узенькие быстрые речки, огромные ели в три обхвата, чистый горный воздух, не изгаженный угольной пылью или заводским дымом. Промышленные центры Рурской области гораздо севернее, а здесь, почти на границе Люксембурга – девственная природа, сохранявшая свой облик неизменным вот уже почти тысячелетие. Всего сотней километров южнее – легендарный Вормс, столица древнегерманских королей, город, откуда Гунтеров тезка с братьями Гернотом и Гизельхером некогда отправились к королю Этцелю, в свой последний поход. Говорят, что совсем неподалеку от этих краев находится место, где Хаген спрятал знаменитый клад Нибелунгов... Теперь лишь воды Рейна до Господь Бог знают, в каких глубинах покоится сокровище, погубившее Зигфрида и бургундских властителей...

Если отвлечься от неперемных атрибутов технического прогресса, наподобие электрических столбов или узкоколейных железных дорог, проложенных вдоль склонов гряды, то Гунтеру иногда казалось, что здесь все осталось абсолютно таким же, как и во времена Фридриха Великого. Иногда, гуляя по лесу, он с напряжением ждал, что вот-вот расступится кустарник, и на огромной поляне глазам предстанет бревенчатый частокол, приземистые грубоватые дома, а из ворот поселка покажутся с десятков бородатых всадников-готов с круглыми клепаными щитами и при оружии. Порой наваждение бывало столь явным, что уши отчетливо различали туканье молотков в кузне и резкие выкрики дружинных молодцов... Совершенно, между прочим, понятные немцу, родившемуся полторы тысячи лет спустя.

В неплохом знании молодым Райхертом готского языка была серьезная заслуга отца. Детство Гунтера пришлось на двадцатые годы, времена для страны крайне нелегкие – инфляция,

экономический и социальный кризис повлияли на все области жизни, включая и образование. В 1928 году Вальтеру фон Райхерту, преподавателю университета Кельна, пришлось временно оставить работу – кафедру закрыли за неимением средств.

Вначале отец Гунтера переехал в поместье, рассчитывая год-два прожить на проценты с банковских вкладов, а потом, когда дела в государстве наладятся, вернуться к своей работе. Надежды оказались тщетны и необоснованны – инфляция сократила состояние Райхертов раз в пятнадцать, и теперь сумма в полмиллиона марок была неспособна рассмешить даже уличного продавца спичек. Отцу пришлось зарабатывать деньги частными уроками в Кобленце, а мать, съездив в соседнюю Бельгию, продала в Антверпене большую часть драгоценностей. Слава богу, скупщик оказался честным и отвалил за бриллианты прабабушки достаточную сумму в британских фунтах стерлингов.

Теперь семья могла жить, особо не нуждаясь, благо золотой английский сохранился таковым даже в Сибири, Турции или Японии. Однако о прежних благополучных временах царствования кайзера Вильгельма родители Гунтера вспоминали с изрядной тоской. Неожиданно наступившая, никому не нужная, погубившая Германию Веймарская демократия тупиц и казнокрадов воспринималась как дурной сон.

Гунтер довольно рано – в шесть лет – научился читать, и скучающий родитель, решив не отдавать ребенка в школу («Где взять столько денег? Прикажете одолжить у господ социал-демократов?»), решил сам преподавать чаду курс обычной средней школы, с некоторыми, правда, дополнениями. Таким образом, точным наукам в плане обучения отводилось совсем немного времени – Райхерт-старший в основном напирал на историю и языки. Недоумевающей супруге безработный профессор мотивировал свои действия таким образом:

– Дорогая, когда Гунтер вырастет, он сможет уехать из этой Богом проклятой страны. В Америку, например! Там всегда нужны люди с головой.

Получилось так, что кроме необходимого в Америке английского Гунтер сносно говорил на стародатском, готском и норманно-французском – языках насквозь мертвых, но, по понятиям отца, совершенно необходимых в жизни. Мама хваталась за голову, постоянно выслушивая от мужа и сына чудовищную ахинею, которую они несли целыми неделями – пять дней профессор говорил с сыном на наречии викингов, следующие пять посвящались редуцированным готским глаголам, потом наступала очередь старофранцузского. Казалось, этому кошмару не будет конца.

– Зато он вырастет образованным человеком! – с гордостью заявлял Вальтер фон Райхерт и тут же, оборачиваясь к Гунтеру, давал новое задание:

– Подтверди, пожалуйста, маме мои слова на наваррском диалекте.

Смышленное дитя немедленно выдавало языколомную и для обычного человека донельзя непонятную фразу, долженствующую обозначать: «Да, мол, я стану образованным!»

Кошмар кончился в начале тридцатых годов, когда на выборах победила Национал-социалистическая рабочая партия Германии. Новый канцлер, господин Гитлер незамедлительно сумел раздобыть денег на финансирование образования (*будто раньше их не было...*), и Вальтер фон Райхерт получил приглашение вернуться в университет. Гунтер, сдав положенные экзамены, закончил школу в Кобленце, затем два года учился у отца в Кельне, но, когда пришло время выбирать между обычной службой в армии и поступлением в летное училище, решил стать офицером «Люфтваффе». Знание старых языков на избранном поприще ему вовсе не пригодилось...

Да, кошмар кончился в 1933 году. Пятнадцати лет нестабильности, экономической и социальной анархии, последствий Версальского мира словно и не было. Народ почувствовал – начал возвращаться *порядок*. За какие-то полтора года почти не стало безработных, начались стройки, снова ввели поддержанную буквально всеми всеобщую воинскую повинность. А это

означало, что в стране опять будет сильная армия! Наконец, после полутора десятка лет, в Германии начали отмечать праздники...

Да, именно праздников очень недоставало Гунтеру в детстве. Конечно же, Рождество или дни рождения в семье отмечали всегда, как плохо бы ни было с деньгами или продуктами, но разве обычное домашнее торжество может сравниться с ликованием сотен тысяч собравшихся вместе людей? Гунтер в сентябре тридцать седьмого оказался в Берлине и стал свидетелем приезда Бенито Муссолини – этот день настолько поразил его воображение, что он долго не мог прийти в себя. Берлин преобразился – и без того чистый и ухоженный город сиял ослепительной, невероятной чистотой. От Бранденбургских ворот до Вест-Энда протянулась огромная триумфальная аллея – драпировки зданий, гирлянды, искусно перевязанные полотнища знамен, бюсты римских императоров, национальные флаги... По всему протяжению Унтерден-Линден возвышались сотни белых колонн с позолоченными немецкими орлами на верхушках. И потрясающая музыка Рихарда Вагнера, цветы, тысячи горожан на улицах, встречающих огромную открытую машину, в которой стоя ехали двое вождей...

Гунтер, поддавшись общему порыву, пошел на вечерний митинг на олимпийском стадионе – благо время было. Тут-то он впервые в жизни ощутил себя настоящей частью огромной силы, именуемой народом. Обомлев, он стоял в густой толпе, наблюдая, как в вечернее небо ударили лучи десятков прожекторов, образовав на черных облаках огненный квадрат. Режущий глаза свет выхватил главную трибуну с золотым государственным гербом, справа и слева на колонных громоздились титанические чаши с бушующим живым пламенем; потом к арене устремился поток тридцати тысяч знамен, вспыхивающие в лучах серебряные наконечники, бахрома, феерия белого, красного, черного, зеленого – национальных цветов Германии и Италии. Гунтер не почувствовал, как сами собой потекли слезы – все забивало чувство восторга, гордости за свою страну, радости от того, что ты немец!..

– Представление в стиле ревю, – недовольным голосом охарактеризовал потом Райхерт-старший впечатления сына от поездки в столицу. – Кабаре, только очень большое.

– Папа! – возмутился Гунтер. – Как ты можешь так?!

– Могу, – спокойно ответил Вальтер, не меняя хмурого выражения лица. – Ты, дорогой мой, в своем училище совершенно оторвался от жизни. Я понимаю, получить офицерские погоны может только немец, но у меня в Кельне, например, учатся и... э... другие. Вернее, учились.

– Не понял?

Старший сделал паузу, достал сигару из коробочки, откусил кончик, и, искоса посмотрев на сына, продолжил, но уже потише:

– За золотым сиянием сцены всегда скрывается грубая реальность кулис. У нас в этом семестре выставили нескольких студентов и преподавателей. Представь себе, только за то, что они *не немцы*! Но это полбеда, хотя многие из исключенных подавали надежды. Вообрази, ко мне явился господин из полиции, политической, кстати, и вежливо попросил прекратить переписку с Оксфордом!

– Почему? – искренне удивился Гунтер.

– Не знаю. Попросил и все. А я, между прочим, не могу нормально работать без корреспонденции с оксфордской кафедры древних языков. Доктор Джон Толкин присылал интересные материалы по древнеанглийскому... Впрочем, ты его не знаешь...

– Но при чем тут гестапо? – Гунтер вскочил и заходил вперед-назад по комнате. – Наука есть наука, зачем полицейским лезть в дела, в которых они совершенно не смыслят?

– Реальность, – пожав плечами, повторил Вальтер. – Мне дали некоторые объяснения. Понимаешь, дело в единстве нации, которым ты так восхищаешься. Сотрудник полиции сказал, что Германии не нужны услуги англичан. У нас, мол, головы лучше, чем у иностранцев. Зачем подрывать немецкую науку чужими мыслями, наверняка враждебными? Немецкая

наука – для немцев, а не для англосаксов... «Если вы не прекратите переписку, могут последовать неприятности», – вот дословная реконструкция речи моего визитера. Думай.

После этого разговора Гунтер впервые начал понимать, что Германия покатила под уклон. Не может быть счастливой страна, в которой ученым запрещают общение с коллегами только потому, что они живут в чужой стране и не являются поклонниками Фюрера...

Внешнее же величие страны росло и приумножалось. Месяц – перестала существовать Польша. Две недели – Голландия. Неделя – Норвегия. Сорок дней – Франция. Щелк-щелк, не страны, а лесные орешки. И праздники, торжества, феерии... Победы. Война.

Снова в мире установился стереотип при слове «немцы» – злобные личности в медвежьих шкурах, рогатых шлемах и с боевыми топорами. И поют «Хорста Весселя».

Мрачная картинка...

Гунтер позднее начал все чаще замечать вещи, названные отцом «грубой реальностью кулис», но по привычке относил закрытие еврейских магазинов, высылку за границу писателей или патологическую нелюбовь партии к Церкви обычными недоразумениями или же самовольными действиями мелких руководителей. Но едва лишь двигатель семьдесят седьмой машины начинал утробно фыркать, а рука ложилась на штурвал – все несуразности моментально забывались. Он же воюет против настоящих врагов, у них такое же оружие, а думать, зачем и почему поляки, французы или голландцы стали теперь врагами, времени не оставалось. Пусть эти трудности разрешают политики. Армия должна выполнять приказ и оставаться вне берлинских дряг и идеологических перлов. Рейхсвер всегда был вне политики. Поэтому-то, кстати, Гунтер отклонил однажды предложение вступить в НСДАП – что он забыл в партии? Никаких репрессий, впрочем, не последовало – чиновник, наведавшийся в первую эскадру, отнесся к решению Гунтера и многих других офицеров с пониманием. Сказал только, что рано или поздно время для этого придет...

«Для меня оно не придет никогда, – решил Гунтер после прогулки по Варшаве и беседы в поезде со служащим „исправительного лагеря“. – Эта партия не для меня. Надо будет рассказать все отцу, пусть посоветует, как быть дальше».

Отцу, конечно, досталось больше всего. Отпуск – событие вроде бы радостное, особенно когда приезжаешь домой не просто издалека, а самой настоящей войны. Но Гунтер явился в Райхерт в самом отвратительном настроении. Вальтер за ужином попытался выяснить, в чем дело и отчего сын дует на весь мир, включая любящих родителей, однако добиться ничего не сумел – Гунтер отвечал односложно, со злостью в голосе, а потом вовсе отправился спать, не дождавсь десерта. И даже рявкнул на служанку без всякого повода, отчего деревенская девушка, нанятая для работы по дому, едва не расплакалась.

Райхерт-старший поначалу объяснял странное поведение сына простой усталостью и не придавал вечерней выходке особого значения. Отоспится, отдохнет и придет в себя, не впервой. Следующим днем обстановка осложнилась – Гунтер не вышел к завтраку, приказав принести еду наверх, в свою комнату, а днем, взяв из бара пару бутылок наваррского бренди, попросту напился. Дальнейшие два дня отпуска сопровождались планомерным и тщательным истреблением имевшихся в доме запасов спиртного и почти полным затворничеством. Гунтер даже не выходил гулять, а от предложения отца плюнуть на все трудности и, взяв лошадей, съездить поохотиться, отказался довольно грубо. Мама не знала, что и думать – может, у Гунтера неприятности по службе? Нет, скорее наоборот – за какую-то непонятную, но явно героическую историю, случившуюся во время польской кампании, его даже наградили железным крестом, а разве станут давать такую награду провинившемуся? Или здесь замешана женщина? Тоже отпадает, у него нет постоянной подруги после расставания с Хелен, с которой Гунтер дружил в последний год учебы в летной школе. Тогда в чем дело?

Все оказалось просто и сложно одновременно. Просто – оттого, что Гунтеру следовало бы забыть обо всех трудностях или постараться не обращать на них внимания. Ведь в дей-

ствительности все выглядело вполне нормально: у него есть любимая и интересная работа, за которую (немаловажная, кстати, деталь) хорошо платят, есть свой дом, родители, начальство, наконец, ценит... Так подумать – все, необходимое человеку для спокойной жизни, в наличии, и нет поводов убиваться неизвестно почему. Но вот тут-то и появлялись сложности, по мнению Гунтера, напрочь неразрешимые. Даже если позабыть о состоянии дел в стране – («А, черт побери, разве не все в порядке? Люди хорошо живут, никто не голодает, как десять лет назад, твердая экономика, победоносная война опять же...»), то все одно окружающее предстает в самом черном свете. Уныние, безусловно, грех – стоит ли забывать об этом доброму католику? – но как не впасть в уныние, когда жизнь откровенно не удалась?

Да, служба, дом, деньги, наконец, есть и с избытком! Только каким дерьмом все это кажется, когда отсутствует душевный покой, когда вокруг нет ни одного человека, которому можно просто исповедоваться во всем, просто искренне поговорить, когда нет близкой души? Когда нет вообще никого, в ком можно быть уверенным до конца?!

У Гунтера никогда не было друзей, и он никогда никого не любил. Приятелей, подружек – пруд пруди. Настоящих друзей не было, да теперь, наверное, и не будет уже. Гунтер окончательно потерял веру в людей. Несколько раз, считая, что он нашел друга, Гунтер открывал этому человеку все закоулки и тайники своей души, но всякий раз оказывалось, что никому нет до него никакого дела. Им либо просто пользовались, а потом отбрасывали, когда надобность в совместной работе или услугах отпадала, либо прямо говорили: «Прости, но у меня свои проблемы, и они прежде всего...» Ожегшись несколько раз, Гунтер понял: люди злы, себялюбивы и жадны. Все до единого. Особенно женщины – не зря некогда считали, будто женщина – исчадие сатаны и первопричина греха.

Словом, Гунтер изводил себя напрасно. Именно многочисленное наслоение дурных впечатлений (хорошие почему-то быстро забывались...), переживания из-за своих, в принципе-то совсем несущественных и мелких неудач, да общее состояние дел в окружавшем его мире и вызвали первый в жизни запой. За несколько дней начала отпуска Гунтер выпил, как потом было из интереса подсчитано, два с половиной ведра бренди и коньяку.

До белой горячки, слава богу, дело не дошло, молодой организм успешно сопротивлялся вливаемому в него огромному количеству спиртного, но когда Вальтер фон Райхерт на четвертое утро вошел в комнату сына с решительным намерением положить конец творящемуся безобразию, то с трудом узнал любимого отпрыска. Доблестный офицер германской армии возлежал на кровати, окруженный пустыми бутылками, бессмысленно пялился в потолок и вполголоса напевал: «Deutschland, Deutschland uber alles». Не брился Гунтер с самого приезда и теперь зарос рыжей щетиной, глаза были обведены коричневатыми кругами, а голос изрядно охрип.

– Ну, рассказывай. – Вальтер фон Райхерт уселся на край кровати и, достав сигары, предложил одну дорогому чаду, а другую взял сам. – Говори все, до конца. Я слушаю.

Гунтер отхлебнул бренди из стоявшей возле постели на полу бутылки и уставился на отца. Взгляд у него был зверским, словно убить кого-то хотел.

– Хорошо... Но учти – если бы я не был пьян, ты никогда бы этого не услышал. Только не говори, что сейчас десять утра и приличные люди в такое время бренди не употребляют...

– Не буду, – кивнул Райхерт-старший, отобрал попутно у Гунтера бутылку и неожиданно приложился сам: – Кстати, неплохое бренди... Так что случилось?

Гунтеров монолог продолжался три с половиной часа.

...Досталось всем – от родителей и прежних любовниц до самого Фюрера. Гунтер вывалил на отца все личные переживания и проблемы, затем, периодически опрокидывая по рюмке, перешел к своим впечатлениям от Польши и всего увиденного там и закончил долгой обличительной речью, сделавшей бы честь любому прокурору. Суть оной сводилась к следующему:

весь мир – дерьмо, страной правят идиоты, ведущие Германию к катастрофе, люди вокруг – ублюдки, а лично мне, Гунтеру фон Райхерту, чрезвычайно хреново. Что прикажете делать?

Все сказанное излагалось довольно бессвязно, однако общую суть старый Вальтер уловил. Когда водопад ругательств, мрачных предвидений и пьяных излияний иссяк – Гунтер выдохся и замолк – господин профессор поднялся, прошелся по комнате, заложив руки за спину, и наконец негромко проговорил:

– Дурак ты... Нет, безусловно, я понимаю все твои огорчения и обиды. Но прости, во всех личных трудностях стоит обвинять только самого себя.

– Чего? – возмутился Гунтер. – Папа, согласишься... ик!.. что мои, как ты называешь это, «личные трудности» прямо проистекают из состояния дел вокруг меня! Просто цепь случайностей привела к данному положению. Не будь войны, я бы спокойно сидел в твоём университете, а не летал сломя голову, превращая в пыль дома, построенные не мной. Не окажись я в действующей армии...

– Тихо, тихо! – Райхерт-старший выставил перед собой обе ладони. – Давай подумаем о том, что делать дальше. Выходов два: либо немедленное самоубийство – кстати, пистолет у тебя с собой? – либо следует попросту не обращать внимания на всякие мелочи!

– Ты считаешь запрещение тебе переписываться с Оксфордом или исправительные лагеря в Польше мелочами? Ты с ума сошел! Ты прекрасно знаешь, что начнется в ближайшие месяцы! Англия и Франция объявили нам войну, потом обязательно влезет Америка, русские тоже наверняка не останутся в стороне...

– Русские теперь союзники, – возразил Вальтер. – А у нашего фюрера с господином Сталиным самые добрые отношения. Америка за океаном. Не скрою, если вскоре начнутся серьезные боевые действия с французами и бельгийцами, нам придется тяжело, но все-таки за нами Россия и Италия...

– Бред! – рявкнул Гунтер. – Итальянцы ни на что не способны! Русские будут сидеть в своих лесах, пока им не приспичит напасть на нас! Я видел их армию в Восточной Польше – очень впечатляет... Россия нас просто раздавит, слишком уж велика!

– Мы говорим не о высокой политике, – напомнил старший. – А о тебе. Предлагаю вот что – просто забудь о всех переживаниях и предоставь государству и фюреру решать все трудности самостоятельно. Наш Адольф не вечен, и даже если он сумеет многое напортить, то последствия для народа не станут фатальными. И не такое переживали. А сам изволь привести себя в порядок и делай работу, за которую взялся. Сейчас ты будешь отсыпаться до завтра, а утром, часов в семь, я жду тебя возле конюшни. Кстати, почисти свое ружье... А ключ от бара я спрятал.

Полдня Гунтер отсыпался, вечером потребовал принести ему горячего питья, и желательно побольше, до ночи отпивался чаем с лимоном и светлым пивом, к полуночи осмотрел ружье, но чистить не стал – лень было.

Наутро, поднявшись с превеликим трудом, Райхерт-младший выбрался-таки к конюшне, не без натуги вспомнив, где она находится. Завтракать не было никакого желания – еда не лезла, хотелось только пить. Само собой, охоты не получилось – с великого похмелья трудно попасть в рябчика или куропатку навзлет, а чтобы затравить лисицу, нужны собаки, которых с собой не взяли. Таким образом, охота превратилась в очередную долгую и занудную беседу, практически повторяющую вчерашнюю. Вальтер снова молча выслушал речи Гунтера, у которого настроение ухудшилось еще более, в связи с головной болью, и, когда подъезжали к дому, сказал так:

– С такими воззрениями на мир тебе следовало бы родиться лет пятьсот назад, а то и побольше... Послушай, как только ты вернешься в свою эскадру и примешься за дело, все немедленно позабудется. Работа замечательно отвлекает от нелепых и тяжелых мыслей. Работа – великий терапевт...

Наверное, так оно и было. Немедленно по возвращении из отпуска Гунтер, включенный в состав крупной военной делегации «Люфтваффе», отправился на две недели в Россию, посмотреть последние достижения большевиков в области авиации, а заодно представить русским специалистам новые германские машины, купленные ими у фирм «Юнкерс» и «Мессершмитт». По возвращении Гунтер вместе с частью самолетов эскадры был переброшен из Польши к западным границам Германии, так как назревали серьезные выяснения отношений с французами и англичанами. Последние объявили войну Рейху еще в сентябре 1939 года, но пока ограничивались лишь пропагандой да восхвалениями боеспособности линии Мажино, каковая была призвана остановить тевтонские полчища на границах.

Наступление на западе началось 10 мая 1940 года. Голландия, именуемая союзниками не иначе как «крепостью», пала через пять дней, танковые клинья ударили через Люксембург, Бельгию и Голландию в обход оборонительных укреплений французов, 13 мая был форсирован Маас, 16-го – взят Лан, 20-го – Амьен и в ту же ночь передовые части вышли к Ла-Маншу. Какое-то время продвижение вперед шло такими невероятно быстрыми темпами, что части второго эшелона потеряли связь с авангардом. 14 июня германские части через ворота Майо вошли в Париж, а три дня спустя генерал Роммель совершил бросок на юг, пройдя за сутки 240 километров, захватил Понтарлье на швейцарской границе, затем двинулся на северо-восток и вклинился с тыла в линию Мажино. Бывший основой стратегии Франции оборонительный вал сдался почти без боя.

Это была даже не война, а просто небезопасная прогулка, для немцев удивительно смахивающая на самые ординарные учения. Эскадра StG1 выполняла свои обычные задания – авиация противника была подавлена еще на аэродромах, потом пикировщики начали громить железнодорожные узлы, штабы, иногда помогали наземным частям справиться с редкими очагами сопротивления. Действительно серьезных боев не было. Каждый вылет становился для Гунтера простой рутинной работой, совершенно неинтересной. Ну скажите, разве можно именовать настоящей воздушной войной почти полное господство люфтваффе в воздухе, а точечные, просто хирургические бомбовые атаки, когда снаряд ложился точно на цель, не имеющую возможности сопротивляться – честной битвой? А кроме того, появилось новшество – на шасси «юнкерсов» были установлены воздушные сирены, издававшие при пикировании леденящий кровь вой, разносящийся на многие километры вокруг. Для пушного устрашения противника. Кстати говоря, идея поставить сирены принадлежала не комунибудь, а лично фюреру...

Кончилась история войны с Францией 29 июня. Три дня назад в Компьенском лесу была подписана капитуляция, а сегодня Адольф Гитлер в белом френче с единственным железным крестом, полученным за личный героизм еще во времена Первой мировой, ехал в открытой машине по Елисейским полям, водил экскурсию из своих соратников по зданию Гранд-опера, гордясь своими познаниями в музыке, долго стоял возле могилы Наполеона...

Больше половины Франции было занято германскими войсками. Правительство маршала Петена вынуждено было переселиться в Виши – маленький провинциальный городок на берегу реки Алье...

В начале июля Берлин приветствовал фюрера и его победоносную армию бурей восторга, колокольным звоном и морем цветов. Версальский мир был отомщен.

Хайль Гитлер!..

* * *

А теперь наступала очередь несговорчивой Англии... Утром, тринадцатого августа тысяча девятьсот сорокового...

* * *

Восьмерка «Харрикейнов» вынырнула из облаков, закрывавших собой южное побережье Англии. Спустя еще минуту справа, со стороны аэродрома Рочестер, бывшего целью группы, в которую входила семьдесят седьмая машина лейтенанта фон Райхерта, появились «Спитфайеры», тоже шедшие наперехват. Видимо, береговые радарные станции обнаружили приближающуюся к берегам Британии эскадру уже давно, а потому англичане успели поднять в воздух несколько десятков самолетов, чтобы перехватить вражеские пикировщики еще над Ла-Маншем, километрах в двадцати от берега.

– Держать строй! – Это был голос капитана Браухича, командира группы и ведущего. – Когда подойдут ближе – огонь!

Приказ был понятен – быстрым и юрким истребителям сложнее атаковать плотный строй, нежели гоняться за отдельными самолетами.

– Ну, держись, – на сей раз в наушниках появился голос Курта. – Похоже, они зайдут с нижней полусферы.

– Видимо, – согласился Гунтер, наблюдая, как зеленовато-коричневые «Харрикейны» снижаются и разворачиваются. Возглавляющий группу английский самолет, попав под очереди одновременно четырех «Юнкерсов», задымил и начал резко терять высоту... – Есть один! – радостно констатировал пилот, провозжая взглядом исчезающую в синеватой дымке над морем машину. Однако англосаксы не прекратили свою сумасшедшую атаку, казалось, сам дьявол вдохновлял их...

Потом начались вещи невероятные. Висящие справа «Спитфайеры» внезапно вильнули в сторону и начали уходить к острову. Надо думать, другая часть эскадры StG1 прорвалась через зенитные батареи к Дувру и теперь англичанам срочно потребовалось подкрепление. Сейчас наедине с «юнкерсами» остались лишь «харрикейны», более неповоротливые и тяжелые. С ними можно справиться без излишних затруднений.

Гунтер не видел, что происходит с другими машинами, так как теперь ему было необходимо оторваться от преследующего его британца, заходящего сзади и справа. Курт, матерясь на чем свет стоит, орудовал пулеметом, отгоняя короткими очередями севшего на хвост истребителя. Гунтер прибег к старой уловке, опробованной еще во времена польской кампании – бросил машину в короткое пикирование, а когда снова выровнялся, оказалось, что англосакс не успел среагировать, проскочил чуть вперед и сейчас находился метров на триста выше. Если повезет, его можно сбить или повредить...

Мелькнула черно-зеленая тень – обер-лейтенант Дитрих азартно преследовал уже поцарапанную германскими пулями английскую машину. Гунтер же повел штурвал на себя, поднялся выше, цепляясь прицелом пулеметов к своему обидчику, который, впрочем, пока не успел даже единой пули выпустить, большой палец напрягся на гашетке... Курт по-прежнему ругался так, что уши закладывало. Надо полагать, увидел очередного нахала, пытавшегося достать пикировщик лейтенанта Райхерта.

Цель и крестовина прицела совместились, в обоих консолях заработали пулеметы, англичанин метнулся в сторону. Гунтер не без удовольствия заметил, как от кия «Харрикейна» отлетело несколько обломков.

– Курт, одного мы сняли! – быстро сообщил Гунтер оператору-радиисту. – Что у тебя, я не вижу?

– Подходит от солнца, ублюдок! – прокричал унтер-офицер Мюллер. – Иди ровно, нас прикрывают Дитрих и Вельс! Втроем мы его уделаем!

И тут Гунтер четко ощутил, как вздрогнула машина от ударов по корпусу. Видимо, задело очередь. Сильно потянуло ветром – значит, поврежден колпак кабины. Пулемет замолчал.

– Курт, – позвал Гунтер. – Курт, с тобой все в порядке?

Молчание. Ничего не в порядке.

«Это только начало, – подумал Гунтер. – Я ведь предчувствовал. Надеюсь, он только ранен...»

Англичанин, зацепивший семьдесят седьмой «Юнкерс», оказался сбит спустя тридцать секунд. Прикрывавшие Гунтера две машины добились его совместными усилиями, и сероватый самолет с британскими опознавательными отправился в недолгое путешествие к водам Ла-Манша.

– Они ушли! – Это командир группы информировал своих. – Двоих мы сбили, еще нескольких хорошо поцарапали. Подходим к цели. Держите строй!

Машинально оглянувшись, Гунтер понял, что сейчас обошлось без потерь. Все десять самолетов с германским флажком на киле рядом. Похоже, не повезло только ему, а вернее, Курту. Но это ничего не меняет – надо выполнять приказ, тем более что под крыльями пикировщиков уже лежала земля, а впереди и чуть справа виднелась дымка, укрывавшая собой Лондон.

Внизу заработали зенитные орудия, совсем рядом со строем «юнкерсов» появились облачка разрывов, мелкие осколки снарядов застучали по броне. Но теперь англичане ничего не смогут сделать – аэродром Рочестер внизу. Машина Браухича уже начала заваливаться на правое крыло, уходя вниз. За ней последовали остальные.

Все было привычно: штурвал от себя, элерон на левом крыле поднялся вверх, на правом опустился, самолет вошел в крутое пике, завывли воздушные сирены. Еще секунд двадцать – и тяжелая бомба SC-500, сорвавшись со штанги, полетит на крышу вон того желтого двухэтажного здания, в котором, как явствует из данных разведки, предоставленных штабу эскадры, находится радарная станция и оперативный центр зенитных установок, отвечавших за безопасность Лондона.

«Не хочу, – мелькнула мысль. – Надоело! Ради чего погиб Курт? Только ради того, чтобы превратить в пыль этот дурацкий дом?...»

Левая ладонь легла на рукоятку бомбометателя. Земля приближалась стремительно, ревел ветер и надрывно выли сирены – Гунтеру всегда нравились мгновения полета к земле сломя голову: ощущение такое, будто желудок отделился от туловища и величественно парит в сотне метров позади.

Уже стали видны оранжево-черные облачка взрывов – это первые несколько пикировщиков сбросили груз.

«Ну, – подумал Гунтер. – Давай! Господи, помоги мне!»

«Юнкерс» вдруг резко дернулся, словно ударившись обо что-то, неожиданно за стеклом фонаря кабины стухнул неведь откуда взявшийся молочно-белый туман, послышался невнятный грохот. Пока голова соображала, руки действовали сами. Гунтер вцепился в штурвал, рванул его на себя, выходя из пикирования – до земли оставалось не более трех сотен метров, а разбиться прямо сейчас никак не хотелось. В конце концов, можно будет сделать второй заход. Видимо, машина попала в облако дыма от взрыва на земле. Только почему дым такой густой и невероятно белоснежный?

Приборы показали, что самолет поднялся на высоту более пятисот метров. Дым внезапно исчез.

«Чертовщина какая-то! Что произошло? Откуда туман?»

Внизу, под самолетом, колыхалось облачное море, полностью застилавшее поверхность земли. Еще минуту назад этого не было.

Гунтер быстро осмотрелся. Ни одного самолета рядом. Ни своих, ни врагов. Куда они все подевались?

– Семьдесят седьмой, Райхерт вызывает ведущего! Браухич, вы меня слышите?

В наушниках полнейшее молчание. Только шелест помех.

– Гейер – семь, вызывает фальке – пять! – Гунтер, дав в эфир свой позывной и позывной базы, переключил рацию на другой диапазон. – Фальке – пять, фальке – пять, отвечайте! Фальке – пять?!

Тихо. Словно у всех дружно сломались рации.

Гунтер сделал несколько кругов над облаками, не пытаясь спуститься вниз. Боязно. Если облака действительно низкие, вполне реальна перспектива разбиться. Но, черт возьми, откуда они взялись? Почему молчит радио? Где другие самолеты? И, в конце концов, что теперь делать?

Что характерно, даже радиомаяк, по сигналу которого надо ориентироваться при возвращении в Бланжи-Сюр-Брель, молчит. Забавно.

«Все умерли?»

Гунтер почувствовал, что начинает тихо паниковать. И без того тошно, так теперь еще все вокруг исчезло неведомо куда. Однако надо быть довольным, что облака, небо, солнце и самолет на месте, ты пока жив и невредим. Скорее всего, просто испортилась рация.

«Где все? Куда исчезли девять самолетов? Куда все-таки делась Англия? Безусловно, побережье острова должно находиться внизу, под облаками... Ладно, разворачиваюсь и лечу обратно в Нормандию. Приказ-то, однако, не выполнен, а причина самая странная...»

Окрашенный в стандартные цвета германских ВВС длинный пикировщик с черно-бело-красным флажком на киле развернулся, ложась на крыло, к юго-востоку, поднялся до восьмисот метров и направился к берегам Франции. Где-то к середине пролива облака остались позади, и Гунтер с явным облегчением увидел серые воды Ла-Манша, а спустя полчаса показался зеленый берег. «Юнкерс» пролетел над прибрежными скалами и двинулся вдоль береговой линии.

Самым любопытным было то, что Гунтер, прекрасно знавший географию приморских областей Франции, совершенно не узнавал местность. Внизу, под крыльями машины, проплывала девственно-чистая земля, без всяких признаков знакомых городков или других ориентиров. Вот пожалуйста, та широкая голубая река – это Сена. Совсем неподалеку должна просматриваться большая гавань Гавра, а чуть к северу просто обязан находиться порт Фекан... Нет, конечно, явственно видны скопления домиков – значит, люди никуда не исчезли. Только вот пропал огромный порт, забитый военными кораблями.

Выжигая горячее, Гунтер кружил в двадцати пяти километрах от берега, пытаясь высмотреть возле речушки Брель – а то, что это именно она, сомнений не возникало! – аэродром, но даже намеков на бетонированное поле видно не было. Рация по-прежнему молчала, радиомаяки не работали, других самолетов не наблюдалось.

«Я сошел с ума... – мрачно подумал Гунтер, в который уже раз разворачивая машину и направляя ее на юго-запад, в сторону Нормандской возвышенности, где находились несколько крупных аэродромов и квартировали части шестой общевойсковой армии, бравшей Париж. – Если и там ничего не найду – сяду где придется. Разбираться с такими вывертами лучше на земле. По крайней мере, найдутся люди, с которыми можно поговорить... Такое чувство, что я очень сильно заблудился!»

Пролетая над устьем Сены, Гунтер заново осмотрел гавань, но там не было даже единого тральщика. Огромные доки, портовые краны и пристани будто сквозь землю провалились. Однако он сумел уловить, что имеются несколько причалов и даже стоят полтора десятка кораблей...

Аэродромов Орбек и Ливаро, как можно уже догадаться, на месте не было. Крупная база истребительной авиации возле Тюри-Анкура тоже исчезла...

Настало время, когда человек перестает чему-либо удивляться. Почему-то после очередного круга над местом, где должен находиться достаточно крупный город, а вместо него обна-

ружился поселок домов на двадцать, Гунтера разобрал истерический смех, да такой, что даже машина пошла менее ровно – руки, лежавшие на штурвале, изрядно дрожали. – Ладно, – вслух сказал Гунтер, зачарованно глядя на индикатор топлива. Стрелка показывала наличие в баках восьмидесяти литров. – Полетали и хватит! Вниз!

Место для приземления нашлось почти сразу – ровный широкий луг, окруженный со всех сторон лесом. Кроме того, за обширной рощей виднелась полосочка дороги. Значит, можно будет выйти к людям.

«Юнкерс» зашел на посадку со стороны солнца. Шасси коснулись земли, машина чуть подпрыгнула, потом началась изрядная тряска – поле оказалось не таким ровным, как представлял себе Гунтер, и все ямы да кочки на пути оказались его. Наконец самолет остановился, двигатель, сердито пофыркав, заглох. Винт прекратил вращаться.

Гунтер оглядел приборную доску, отстегнул ремни и, слегка потянувшись, проворчал: – Приехали, герр лейтенант. Надо бы посмотреть, что с Куртом...

Глава вторая

Кто сейчас король?

Неторопливая ходьба по неприметной извилистой звериной тропке, гулкая лесная тишина, легкий запах прелой листвы подействовали на сэра Мишеля умиротворяюще. Непонятный глухой раскат, едва уловимое движение воздуха и последовавшее вслед за ними необъяснимое ощущение забылись, заместились непосредственными впечатлениями, которые утомленный разум рыцаря охотно принимал. Над головой его шелестели резные дубовые листья, изредка слышался звонкий посвист иволги, мягко шуршали под ногами жесткие кустики вереска, куманики, где-то высоко и чуть позади слышалось низкое жужжание шмеля. Неожиданно сэр Мишель заметил некую странность в этом гудении – оно не удалялось, не прерывалось, не меняло тон, словом, меньше всего походило на звук, издаваемый шмелем, кружащимся над лесными цветами. Норманн остановился и стал вслушиваться. Низкое урчание в вышине приближалось, и вдруг над головой скользнула длинная хвостатая тень, скрывшаяся за деревьями. Невдалеке показался просвет, и рыцарь, сорвавшись с места и раздвигая руками ветки орешника и крушины, кинулся к видневшейся сквозь кусты прогалине, со стороны которой таинственный звук слышался наиболее отчетливо и громко. Наконец он выбрался из зарослей, оказавшись на краю широкого луга, и замер как вкопанный.

Трава на поле стлалась волнами, будто от сильного ветра, а всего в сотне шагов от сэра Мишеля стояло огромное страшное чудовище, исторгавшее оглушительный рык.

– Допился!.. – вздохнул сэр Мишель. – Это надо же, драконы мнутся...

И сэр рыцарь, твердо решив досмотреть видение до конца и непременно вблизи – когда еще такое привидится, целеустремленно потопал через луг к ревущему и фыркающему черно-серо-зеленому чудовищу. Сэра Мишеля несколько обнадеживал тот факт, что на боках зверюги красовались христианские символы – черные кресты с белой полосой по краям – может, это священный дракон гнева Божьего спустился с небес покарать нечестивцев за многие их прегрешения? Что ж, примем Божью кару со смирением и радостью! Только уж больно странный дракон какой-то...

Длинное, облезлое, будто пораженное сероватым лишаем, а то и чем похуже, туловище, бывшее некогда зеленым, с единственным огромным глазом наверху, поддерживали два длинных крыла. Ноги почему-то росли прямо из крыльев, а третья – маленькая, кривая ножка – из хвоста, тоже необычного – не такими драконов монахи на картинках рисуют. Да разве видели они когда драконов, а?

«Вдруг они именно так и выглядят? – размышлял сэр Мишель, медленно приближаясь к страхолюдине. – А если это порождение лукавого? Вот дьявол, прости Господи, я ведь и меч проиграл! Ну как, скажите, благородному рыцарю выходить на бой с драконом без меча?»

Чудовище еще немного пофыркало и наконец замолчало, а на его носу вдруг образовались диковинные усы, аж три штуки. Два уса свисали вниз, а один гордо поднимался к небу. И длина усов была не меньше трех локтей каждый. Сэр Мишель еще раньше заметил, что вокруг морды дракона виднелся призрачный круг – надо полагать, дракон бешено вращал усами, наверно от ярости. А сейчас вот успокоился и даже рычать перестал. Может, уснул? А вдруг притворяется, паскудство какое задумав?

И тут сэр Мишель остановился, словно запнувшись, разинул рот, бухнулся на колени и истово перекрестился, тщетно пытаясь вспомнить хоть одну молитву: глаз дракона вдруг треснул, отъехал назад, к хвосту, и из глазницы выбрался человек.

«Пресвятая дева Мария! Никак сам лукавый пожаловал! Или ангел какой?.. Только что ж это ангелы в драконах-то летают? Или я чего не понял?..»

Сэр Мишель начал постепенно убеждаться в нереальности происходящего и понимать, что сие видение суть бесовское наваждение и козни врага рода человеческого. Или же вульгарная *Delirium tremens*², как эту неприятную болезнь именовал отец Колумбан. Ну скажите, разве может существо, с человеком сходное по образу, сидеть внутри драконьего глаза? И почему тогда дракону не больно? Может, он от боли-то и рычал, а потом взял да и умер? Еще бы, эдак глаз сквырнуть...

Неизвестный человек (ангел? бес?) вылез на драконье крыло и остановился, заметив стоявшего на коленях всего в десяти шагах сэра Мишеля. Одна рука его лежала на диковинного вида треугольной коричневой сумочке, висящей на поясе, а другой он заслонил глаза от солнца. Некоторое время оба молча, не двигаясь, изучали друг друга, а затем стоявший на крыле летучей твари человек сплюнул, сказал что-то коротко и отрывисто, будто выругавшись, и шагнул к задней части драконьего глаза, из которой, как разглядел сэр Мишель, торчала длинная, по виду железная, палка, направленная к хвосту зверюги. Станный человек, одетый в темный плотный кафтан, высокие сапоги и облегающую черную шапочку с какими-то прозрачными штуковинами, весьма смахивавшими на дополнительные глаза, уставившиеся в небо, взялся обеими руками за вторую половину глаза дракона, отодвинул так же, как и свою, и, перегнувшись через глазницу, всмотрелся в ее внутренности.

– А, шайзе! – донеслось до сэра Мишеля. – Инглизише швайне!..

– Говорит что-то... – пробормотал сэр Мишель. – Это ангельское наречие, что ли?

Человек на крыле дракона саданул кулаком в перчатке по боку своего зверя, сказал еще несколько невнятных фраз и, наконец, снова повернулся к рыцарю, до сих пор стоявшему на коленях, в позе кающегося грешника и с неприкрытым, по-детски искренним интересом в глазах.

– Ком цу мир! – сказал он сэру Мишелю. – Ду бист французиш?

– Чего? – отозвался сэр рыцарь. – Говори по-людски, если умеешь!

– Шпрехен зи дойч? – снова прогнусавил неизвестный. – Вас гибтс нойес?

Сэр Мишель, на всякий случай не поднимаясь с колен (кто его знает, вдруг в самом деле ангел?), наклонил голову, мучительно соображая, что хотел сказать драконий повелитель. В голову ничего не приходило. Единственно, застряло в памяти слово, хоть малость похожее на нормальное – «Французиш». Стало быть, видение осведомлено о существовании Франции. Или все-таки это не видение? Или не совсем видение? Или совсем не видение... Загадка, право...

² *Delirium tremens* (лат.) – белая горячка.

– Их бин дойч, – втолковывал человек сэру Мишелю, приложив ладонь к своей груди, потом, ткнув пальцем в своего зверя, добавил: – Люфтваффе!

«А, так, наверное, дракона зовут, – решил рыцарь. – Ну и имечко...» – Люфтваффе, – покорно согласился сэр Мишель. – Большой и страшный Люфтваффе... А что это он у тебя такой облезший? Никак болен чем?

Незнакомец присел на крыле на корточках, вперился недоумевающим взглядом в рыцаря и снова заговорил на непонятном языке, оживленно жестикулируя. Сэр Мишель из его речи не разобрал и единого слова, но один из жестов был понятен и дураку: драконий человек несколько раз покрутил пальцем у виска...

«Может, он хочет сказать, что дракон рассудком повредился? – Сэр Мишель с интересом наблюдал за тем, что еще покажет неизвестный. – Или он сам... того, с ума тронулся и просит за лекарем сбегать?..»

Гунтер, подобно стоящему на коленях придурку, тоже ничего не понимал. Если позабыть о неработающей рации, неизвестно куда провалившихся городах и собственном аэродроме, то все равно окружающая картина получалась насковзь устрашающей: посадка неизвестно где, горячего кот заплакал, Курт сидит на своем месте с двумя пулями «Харрикейна» в голове, и теперь ему уж совершенно все равно, что случилось с командиром, который тщетно пытается понять, где оказался, что, черт возьми, происходит и кто этот ненормальный в ржавой кольчуге? Местный блаженный, просто идиот или английский агент, в чье задание входит сводить с ума пилотов германских ВВС? Ну какой, скажите, нормальный человек станет напяливать ржавую изодранную кольчугу и пороть всякую чушь на черт его знает каком наречии...

– Люфтваффе! – благоговейно выкрикнул окольчуженный, указывая на самолет.

«Слава богу! Хоть одно слово по-немецки знает, – подумал Гунтер. – Если получится добиться от него сколь-нибудь внятного ответа и узнать, где стоит ближайшее подразделение вермахта, буду считать, что повезло. Или меня занесло на территорию Виши? Значит, тоже нечего опасаться. Французы теперь союзники...»

Еще раз внимательно оглядевшись, Гунтер решил, что явной опасности вокруг нет, и спрыгнул с плоскости на траву. Реакция ряженого была для него напрочь неожиданной. Тот шарханул назад и чуть в сторону, не пытаясь подняться на ноги, откатился шагов на пять, а затем вновь утвердился на коленях, продолжая разглядывать округлившимися глазами медленно приближающегося к нему Гунтера. Рука светловолосого недоумка шарила на поясе возле болтавшихся пустых ножен от меча. Германец остановился, недоуменно гадая, что могло привести человека в такой ужас, и, посмотрев в серо-голубые глаза незнакомца, протянул руки, показывая пустые ладони.

– Да нету у меня оружия, – спокойно проговорил он. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Может, ты все-таки говоришь по-немецки?

Окольчуженный склонил голову, некоторое время размышлял, потом снова посмотрел на Гунтера и неуверенно пожал плечами.

– Ну? – напирал германец. – Скажи хоть что-нибудь? «Война» – знаешь? «Германия» – знаешь? Может, про Вермахт чего слышал?

– Люфтваффе, – четко сказал сэр Мишель, кивая в сторону самолета и, запнувшись, повторил услышанное: – Дойче... лянд.

– Понятно, – вздохнул Гунтер. – Ничегошеньки ты не соображаешь, приятель.

Сэр Мишель заметил, как драконий человек огорчился едва не до слез, и внезапно его осенило – он не умеет говорить по-людски, то есть на родном нормандском наречии! Иноземец. Стараясь выговаривать слова как можно четче, хотя остатки винных паров еще не выветрились из головы и язык чуток заплетался, сэр Мишель сообщил:

– Мое имя Мишель де Фармер. Я – христианский рыцарь, а мой папенька – барон, его замок тут недалеко, полдня пути пешком. Может, теперь ты назовешь мне имя свое? Как зовут дракона, я уже знаю.

«Иисусе! Да он же на норманно-французском, как на родном чешет!.. – наконец сообразил Гунтер, услышав эти достаточно простые фразы. Уроки отца начали вспоминаться. – Неужели в Бретони люди еще помнят старый язык?»

Медленно подбирая слова, пилот германских ВВС наконец достаточно членораздельно проговорил на старофранцузском, помогая себе жестами:

– Какая... это страна?

Сэр Мишель расплылся в счастливой улыбке, услышав родную речь, хотя и премного искаженную незнакомым акцентом, и, широко поведя правой рукой, с гордостью провозгласил:

– Нормандия, Королевство Английское!

– Так... – только и смог выдать на немецком Гунтер, которого два последних слова привели в состояние иступленного ужаса. – Плен... Проклятые англосаксы. Неужели они успели высадить десант... Но когда?!

И в свою очередь, не сумев совладать с внезапно охватившей его ноги слабостью, опустился на колени перед сэром Мишелем. Рыцарь, ерзая по траве, отполз еще на пару шагов.

– Королевство Английское... Земли короля Ричарда Плантагенета, – осторожно пробормотал он, не пытаясь даже вникнуть в причины, повергшие в коленопреклоненное состояние повелителя дракона. – Это баронство...

– Какого короля? – простонал Гунтер, не дослушав. – Ты мне еще про Утера Пендрагона расскажи!.. Где английские части, ты хоть знаешь?

Едва слышав имя великого владыки и отца самого короля Артура, сэр Мишель воссиял и радостным голосом продекламировал:

– Правил в Британии король Утер Пендрагон, и был он воистину великим королем! Но я не буду сейчас рассказывать о доблестях и славных подвигах его премногих, ибо растянется рассказ сей до вечерней зари...

Тут сэр Мишель поймал свирепый взгляд иноземца и осекся. Рука Гунтера произвольно потянулась к кобуре. Этот ублюдок решил посмеяться? Ну, падла...

– Где англичане, скотина? – процедил он сквозь зубы на старофранцузском.

Сэр Мишель подумал, что слово «скотина» вкралось в речь неизвестного случайно, от незнания языка, и решил не обижаться и не вызывать его на поединок, к тому же безоружного. О том, что и сам он остался без меча, вовсе не вспомнилось.

– Где англичане? – переспросил он. – Все ушли в крестовый поход по призыву Святой нашей Матери-Церкви.

Последовала долгая пауза, во время которой Гунтер тупо смотрел в поле, на колышущиеся под ветерком кустики руты и ромашки, а потом перевел совершенно пустой взгляд на кольчужника и тихо спросил:

– А ты чего не пошел?

Сэр Мишель виновато опустил голову и пробубнил:

– Проспал я... Да и денег не было...

Гунтер еще некоторое время копил в себе нарастающую изнутри волну слепой ярости, тяжело задышал и, наконец, рванув застежку кобуры, выхватил «Вальтер», сбросил предохранитель и, медленно встав на ноги, ткнул дуло в лоб сэру Мишелю.

– Да я тебя, ублюдок!..

Эти, как и дальнейшие, слова он сдавленно выкрикнул на старом добром немецком с южно-саксонским акцентом, ясно проявившимся в минуту ярости. Сколько себя помнил, так ему еще не приходилось ругаться. Подобного потока отборнейшей грязной брани, которую услышишь только в штрафных частях вермахта, он сам от себя, офицера люфтваффе, никак

не ожидал. Излив свои гневные речи на голову оцепеневшего рыцаря, который, к счастью для Гунтера, не понял ни слова и все время мучительно косил глаза наверх и морщил лоб в попытке разглядеть черный металлический предмет, приставленный к его голове (жезл какой-нибудь освящающий?), немец в сердцах вскинул пистолет и выстрелил в воздух. Просто так, от злости. Усевшаяся на киль «Юнкерса» ворона сердито каркнула и тяжело взлетела, обронив пару перьев.

Из глаз сэра Мишеля точно искры посыпались от резкого, громоподобного звука, какой доселе ему слышать не приходилось, и несчастный благородный рыцарь припал лбом к траве, закрыв голову руками. – Ладно тебе придуриваться, – немного поостыв и отдышавшись, проворчал Гунтер, тронув сэра Мишеля носком сапога, и добавил на понятном рыцарю старом языке. – Вставай.

Сэр Мишель, уяснив, что гнев Божий вот прямо сейчас на него не обрушился и молния Господня пролетела мимо, не причинив вреда, осторожно приподнял голову и исподлобья посмотрел на пистолет.

«Ангел, как есть ангел! А крылья, небось, под одежду запрятал, эвон она какая... непонятная». И встал, повинуясь сильному рывку ухватившего его за плечи Гунтера. Последнему надоело ждать, и он решил помочь пугливому полоумному человеку понять наконец, что разговор сейчас предстоит серьезный. Тем более в округе, кроме них двоих и вороны, возвратившейся на облюбованное ею местечко, никого не было.

Выглядел сэр Мишель не ахти – ноги будто сеном набиты, руки пытаются сложиться в молитвенный жест у груди, лицо бледное и губы подрагивают, точно он из ледяной воды вылез... А еще похмелье... тошнит... И дракон рядом стоит, не шелохнется.

– Объясни, – медленно начал Гунтер, старательно подбирая слова попроще, – какая это часть страны? Нормандия?

Сэр Мишель утвердительно кивнул и шмыгнул носом.

– Так, хорошо. Значит, мы во Франции?

Рыцарь вздохнул, не понимая, что хочет услышать от него драконий повелитель, но все-таки сказал правду, мало ли тот мысли насквозь читает, проверить хочет?

– В королевстве Английском. Земли короля Ричарда. Плантагенета. Сына Генриха Второго, короля Англии, наследника герцога Вильгельма Нормандского... – и всхлипнул. Ну почему он не понимает таких простых вещей, зачем спрашивает?

Гунтер загнал поглубже готовый вырваться истеричный вопль и, снова встряхнув юношу, срывающимся голосом проговорил:

– В Англии сейчас король Георг. Виндзор. А Плантагенеты твои... поумирали давно.

На глазах сэра Мишеля готовы были показаться слезы – столь надрывно звучали слова иноземца. «Ангел, да еще рассудком повредившийся. Надо его к епископу отвести... Хотя что епископу делать с ангелом? Ну к святому нашему папе, в Рим, отвезет, а дальше? А дракон как же? Он же без хозяина от тоски подохнет, как собака, они такие, драконы... Взять его с собой – коровы в хлеву перепугаются, молоко давать перестанут... Зачем я из дому... ушел...»

Такие вот мысли роились в голове рыцаря, пока Гунтер пристально вглядывался в его лицо, пытаясь найти хоть одну черточку, присущую душевнобольным от рождения. Нет, этот человек выглядел вполне нормально... Но почему же тогда он говорит про королей, сгинувших почти восемь столетий назад, отчего не знает простого французского языка, предпочитая изъясняться на старинном наречии? Гунтеру поначалу пришла в голову мысль, что его разыгрывает студент-недоучка, откопавший на чердаке старофранцузский словарь и стянувший где-то кольчугу, но в подобное верилось с трудом, слишком уж неподдельными были слезы в глазах непонятого нормандца.

– Земли Английской короны. Я не вру, – повторил сэр Мишель, не смея поднять глаз. – И король сейчас Ричард. Ну правда же!.. Он уже несколько месяцев, как король.

– Несколько месяцев? – переспросил, прищурившись, Гунтер. – Несколько... А какой сейчас год, ты хоть знаешь?

(«*Дремучий селянин из глухой деревеньки, перепутавший времена, королей и страны?*»)

– Знаю. Одна тысяча сто восемьдесят девятый по пришествии Спасителя, – без запинки отчеканил сэр Мишель, а Гунтер, будучи не в состоянии уложить в голове эту неправдоподобную дату, опять тупо спросил:

– А кто у вас спаситель?

Тут уже настало время опешить сэру Мишелю. Он широко раскрыл глаза, серьезно посмотрел на Гунтера, чуть склонив голову набок, и недоуменно произнес:

– Господь наш, Иисус Христос. А... а у вас?

– И у нас он, – послушно кивнул Гунтер, и тут до него начал доходить смысл всего произошедшего в последние часы. Исчезновение английских и французских городов, всех самолетов, неработающая связь... А этот... Он настоящий рыцарь? Или все-таки придуривается?

– Тысяча сто восемьдесят девятый, – как во сне пробормотал Гунтер, глядя прямо перед собой. – Семьсот пятьдесят лет. Бред...

– Так ты христианин? – с надеждой спросил сэр Мишель. Уже лучше, значит, не посланник сатаны. – А ну крестное знамение сотвори!

Гунтер чисто машинально коснулся двумя пальцами лба, исполняя просьбу рыцаря, и, сам того не замечая, прошептал первые слова Pater Noster³.

– Наш, – облегченно вздохнул сэр Мишель и, немного осмелев, спросил: – А сам-то ты кто? И зверюга твоя откуда взялась?

– Не знаю... – промямлил Гунтер. После этих слов он впервые в жизни упал в обморок.

* * *

Это очень неприятно, когда тебе на лицо изливается поток мутной, теплой воды, попадающей тиною. А если учесть, что в сей зловонной жиже плавают головастики, так и нороящие попасть в рот, то такое положение становится совсем уж несносным.

Когда грязный водопад иссяк, Гунтер осторожно открыл глаза, вначале протерев их большими пальцами, и приподнял голову.

Ситуация была исключительно интересной: светловолосый нормандец за время, пока неизвестный валялся без чувств, развил бурную деятельность – назвавшийся сэром Мишелем человек стащил с Гунтера теплую летнюю куртку, китель, рубашку с галстуком, шерстяное белье, оставив голым по пояс, и теперь стоял рядом. Вода, принесенная из ближайшей болотины, подействовала – повелитель дракона, кажется, начал приходить в себя и теперь слегка ошарашенно осматривался в поисках источника, излившего на его голову противный поток. Наконец его взгляд утвердился на сэре Мишеле, стоявшем рядом с сострадательным видом и державшем в руках насквозь мокрый и заляпанный тиною кожаный летный шлем, его, Гунтера собственный, кстати.

– Это... как понимать? – осведомился Гунтер, слегка приподнявшись и опершись на локоть. – Ты чего творишь, а?

Сэр Мишель помедлил с ответом, а потом на лице его появилась робкая улыбка:

– Так... ты же в беспамятстве был... Я думал, помрешь. А от беспамятства ничего лучше нету воды холодной. Вот.

– Ну спасибо тебе, жизнь спас, – усмехнулся Гунтер и попробовал сесть. Голова вроде не кружилась. Глянув на сваленную кучей в двух шагах одежду, он хмыкнул и, снова посмотрев на рыцаря, спросил: – Э, приятель, а раздевать-то зачем было?

³ Pater Noster (лат.) – молитва «Отче наш».

Снова последовала долгая пауза, за время которой сэра Мишель покраснел до кончиков ушей, а потом тихонько пробормотал:

– Я думал ты... ангел, крылья вот искал.

– Чего?

– А их нету, крыльев-то... не ангел, стало быть.

Гунтер некоторое время переваривал услышанное, с мыслями: «Помешанный. То у него король – Ричард, то Англию с Францией путает... Теперь вот я – ангел... Впрочем, как помнится, сумасшедших раздражать нельзя. Поэтому надо вести себя спокойно и соглашаться со всей ахинеей, которую он несет... И все-таки что происходит вокруг?»

– Я не ангел, – сдерживая улыбку, сказал Гунтер, – я – человек... Ну вроде тебя. Послушай, а где здесь ближайший город?

– Город... – поморщился сэра Мишель. – Зачем тебе в город? Грязные они все, города. Народу там полно, все воруют...

«Точно, псих: из города сбежал и в лесу живет», – решил Гунтер, а вслух ответил:

– Мне нужно поговорить с... – Он долго искал подходящее слово на старофранцузском и, не найдя ничего похожего, запнулся: – С военными или... «*Дас Полицай*» – понимаешь?

– Не понимаю, – честно признался сэра Мишель, – может, тебе нужно исповедаться? Тут неподалеку монастырь бенедиктинцев, только мне туда нельзя, не пустят...

– Почему? – заинтересовался Гунтер, пропустив мимо ушей дурацкие слова нормандца об исповеди.

– Я у них, – сэра Мишель побагровел пуще прежнего, совсем поник и тихо-тихо продолжил: – Вина премного с сэром Горациусом из Наварры испив, безобразия учинил. Отец приор, небось, до сих пор примочку на глазу держит. И... и в колодец ихний меня стошнило...

Гунтер вздохнул, сдвинулся на сухое место и, откинувшись на траву, заложил руки за голову. И так, на данный момент в наличии имелись: сумасшедший нормандец (счастье, что не буйный), почти рехнувшийся от происшедшего немецкий летчик, труп Курта Мюллера в кабине бортстрелка, «Юнкерс», который необходимо если уж не спрятать, то хотя бы прикрыть от посторонних любопытных глаз, и ворона, уже, небось, обгадившая весь киль. Положеньице... А теперь еще и на исповедь топать, к бенедиктинцам, хорошо хоть не к тамплиерам...

Соответственно начнем решать проблемы по степени насущности. – Так. – Гунтер решительно поднялся на ноги, подобрал нижнюю фуфайку, натянул на себя, предварительно осмотрев – не запачкал ли ее «христианский рыцарь», нет ли там скользких головастиков, которые до сих пор барахтались в траве, и мрачно посмотрел на сэра Мишеля. Тот по-прежнему молча стоял рядом, изредка косясь в сторону самолета. – А ну, пойдём, поможешь. – Гунтер указал взглядом на свою боевую машину. – Там мертвец, его надо вытащить.

– Мертвец?! – округлились глаза у сэра Мишеля. – Да где?

– В... в Люфтваффе, внутри! – Германец уже смекнул, что сэра Мишель называет самолет именно так, не разбираясь в конструкциях и моделях.

– Его съел дракон? – снова задал вопрос рыцарь, а руки его чуть задрожали. Значит, людей он все-таки жрет! Может, лучше не отбирать у него добычу?.. Попробуй-ка у собаки отнять, а тут...

– Какой дракон?! – тоскливо воздел глаза Гунтер. – Эта штука называется «са-мо-лет» и он железный!

– Железный дракон?! – поразился сэра Мишель и снова упал на колени. – Господь и все святые, жуть какая!

– Болван! Никого он не ест! Курта убили англичане!.. – Гунтер шлепнул себя по бедру: – Опять на колени плюхнулся... А ну, вставай! И помоги, черт бы тебя задрал!

Сэра Мишель медленно поднялся, непрерывно осеняя себя крестным знаменем, бормоча что-то о некуртуазных незнакомцах, которых давно следует поставить на место, и сожалея о

пропитом давеча мече. Гунтер, подтянувшись, снова залез на левое крыло и протянул руку сэру Мишелю, боязливо трогавшему пальцем обшивку консоли. Наконец тот поборол страх и взобрался на плоскость, игнорируя протянутую ему руку.

– Где мертвец? – хмуро промолвил рыцарь, стоявший на полусогнутых ногах и готовый кошкой спрыгнуть обратно на землю при малейшем движении дракона. Люфтваффе пока вел себя смиренно.

– Иди сюда! – Гунтер указал на раскрытый колпак кабины.

Уцепившись за куртку бортстрелка, уже почти окоченевшего, он потянул его на себя, а подошедший сэр Мишель с лицом серьезным и сосредоточенным перехватил тело Курта за правую руку. Про себя рыцарь читал молитвы. Общими усилиями ставший почти неподъемным труп был перетащен через борт и уложен на обшивку крыла.

– Чем это его так? – Сэр Мишель нахмурился, разглядывая совершенно незнакомые по виду и очень страшные раны. На правой половине лба погибшего зияла круглая дыра размером с монету, а затылок и вовсе был разнесен вдребезги, будто кистенем попали. Еще одна дырка находилась на груди, возле ключицы. Спина же была окровавлена снизу доверху, и, как разглядел рыцарь, внутри драконьего глаза все было вымазано в крови и забрызгано выбитым мозгом.

– Потом объясню, – буркнул Гунтер, не поворачиваясь. Он, перегнувшись в кабину Курта, пытался отыскать английские пули. Нашлись обе. И, глядя на здоровенные, с палец длинной, пулеметные снаряды, Гунтер непроизвольно возблагодарил небеса за то, что меж кабиной пилота и бортстрелка была установлена броневая перегородка. Такими железками, не будь ее, прошло бы обоих...

– Ты могилы копать умеешь? – спросил Гунтер у заинтересованно разглядывающего труп Курта сэра Мишеля.

– Не рыцарское это дело, – мигом отозвался нормандец.

– Потасили его к краю поляны... – отмахнувшись, приказал Гунтер. По его тону сэр Мишель понял, что для пререканий сейчас не время, и со вздохом слез вниз. Рыцарь взял тело за ноги и довольно неаккуратно стащил с плоскости наземь. Тут он наморщил лоб, вспомнив кое-что важное, и поднял глаза на драконьего владыку.

– А этот... – сэр Мишель указал взглядом на Курта, – он христианин?

– Был... – буркнул Гунтер, – Наверное.

– То есть как это – «наверное»? Не сарацин же! – изумился рыцарь. – Коли христианин, то священника звать потребно и на кладбище хоронить, как и заведено! Он перед смертью исповедовался?

– Ага, по рации... – Гунтер наградил нормандца взглядом, каким обычно смотрят на тех, кого собираются убить на месте, не раздумывая. Потом вспомнились последние слова Курта, уже после появления «харрикейнов», и немец едва сдержал усмешку. Хороша была исповедь. – Грехи ему отпустили...

– А ты откуда знаешь? – заинтересовался сэр Мишель. – Что, тайну исповеди нарушил кто? Непотребство экое!

– Хватит! – рявкнул германец. – Хоронить будем здесь! Сейчас выкопаем могилу и зароем его! А там пусть со своими грехами сам разбирается! – Гунтер понимал, что тело следовало бы оставить, а потом передать военной полиции, чтобы отослали домой, но учитывая донельзя странную обстановку вокруг, решил предать тело земле, а место запомнить. Хотя какая, к бесу, военная полиция, спрашивается? С миром что-то случилось; невероятное и не укладывающееся ни в какие представления событие. «А может, я сейчас лежу в палате военного госпиталя, спеленатый по рукам и ногам или без них вовсе, а дюжие молодцы в белых халатах только и ждут момента, когда спятивший больной едва пошевелится, чтобы вколоть какую-нибудь гадость?»

Взглянув на небо, Гунтер увидел легкие пушистые облачка и вступившее в южный квадрант солнце. Часы показывали без четверти десять по времени Парижа. Видимо, сейчас активность авиации снизилась и в дело вступила береговая артиллерия. До побережья пролива не столь уж и далеко, и в любом случае можно либо услышать грохот канонады, либо увидеть хотя бы несколько самолетов. А вокруг – тишина, только птицы в лесочке поют, заливаются, как всегда...

«Никакой это не тысяча сто восемьдесят девятый год, уж точно, – твердо сказал себе Гунтер, – просто наложились друг на друга какие-то немыслимые ошибки, совпадения, и не удивлюсь, если меня отнесло совсем в другую сторону, чем я предполагаю. Ладно, доберемся до ближайшего поселка, там, надеюсь, хоть один-то человек в здравом уме и трезвой памяти отыщется».

Решив, что сейчас не время для размышлений, Гунтер посмотрел на сэра Мишеля, стоявшего возле тела Курта, склонив голову и сложив руки, и бормотавшего себе под нос молитву. Бесцеремонно ткнув его в бок, Гунтер сплюнул и процедил:

– Потасили.

Он грубовато ухватил тело за ноги, а сэр Мишель, подавив желание вызвать «ангела» на поединок, хотя бы и рукопашный, бережно поднял за окровавленные плечи, и они понесли его прочь от самолета. Гунтер высмотрел у границы луга с перелеском небольшой, но приметный из-за странно искривленного ствола куст орешника и молча кивнул на него.

Взглянув еще раз на солнце, а затем на часы, Гунтер определился со сторонами света и, подыскав подходящую палку, положил ее на облюбованном для могилы Курта месте колом на восток. Оставив полоумного рыцаря возносить молитвы у тела безвременно почившего унтер-офицера германских военно-воздушных сил, Гунтер направился обратно к «Юнкерсу».

За полтора года службы запасливый Гунтер вместе со своим борт-стрелком, наплевав на строжайшие штабные инструкции по технике безопасности, оборудовал по-своему, на чей-нибудь посторонний взгляд весьма извращенному, вкусу ставший родным самолет. Ну какая разница, если взлетный вес будет на несколько килограммов больше, а полезных вещей на борту прибавится? Тем более, во времена постоянных передислокаций и смен аэродромов. Конечно, на время проведения инспекций, периодически наезжавших из Берлина, лишние на боевом самолете вещи убирали и прятали, но все остальное время за сиденьями пилота и стрелка-радиста, в самых невероятных закутках, имевшихся в корпусе, лежали исключительно необходимые предметы. Достаточно вспомнить аварийную посадку в прошлом году, когда едва началась польская кампания – приземлились недалеко от Варшавы, предварительно разнеся в клочья железнодорожный узел к югу от города; сухопутные части тогда еще не подошли, и пришлось отбиваться от неожиданно налетевших польских жандармов. Что пришлось бы делать, не будь в загашнике десятка запасных магазинов к автоматам? А так продержались почти три часа, правда, и поляки не были излишне активны – лишь лениво постреливали из-за деревьев...

И вот сейчас настало время отыскать среди припрятанных полезных предметов небольшую складную саперную лопатку, некогда выменянную унтер-офицером Куртом Мюллером у сдавшихся в плен французов на сигареты. Для того, чтобы она послужила ему лишь однажды, и то на прощание.

– Жаль, лопата одна, – послышался позади голос сэра Мишеля. – И маленькая какая-то, никогда таких не видел... А для чего она такая?

Гунтер не заметил, как сэр Мишель тихонько подошел, уже безбоязненно залез на плоскость и теперь с любопытством рассматривает содержимое ящичка, извлеченного из-за кресла пилота. Слегка поразмыслив и придя к выводу, что полоумный нормандец на сей раз прав, Гунтер, немного порывшись где-то в кабине, извлек на свет божий слегка помятую полевую каску с государственным гербом (где Курт ее стянул, так и осталось неизвестным). Выложив

на крыло консервы и ржаные галеты, лежавшие в каске вместе с маленькой флягой, доверху наполненной спиртом, он вручил железный шлем сэру Мишелю, который тут же напялил его себе на голову, быстро сообразив, что это такое.

– Ты мне это даришь? – с надеждой в голосе и расплываясь (считай, впервые с момента их встречи) в радостной улыбке спросил сэр Мишель.

– Вроде того. Будешь этим копать вместе со мной.

Рыцарь помрачнел, снял каску и, пряча ее за спину, пробубнил обиженно:

– Я лучше руками, а такой шлем, он еще пригодится, вот только забрало бы к нему...

– Я сказал копать!!! – сорвавшись заорал Гунтер. – Значит, будешь копать!!!

– А потом ты мне его подаришь? – Сэр Мишель огорченно подумал, что такой замечательный, пусть и не полный шлем вовсе и не годится для рытья могил. Заржавеет небось... Хотя что шлемами только не делают... Вон, сэр Горациус...

Его мысли были прерваны довольно грубым тычком кулака в грудь, и нормандец уныло поплелся вслед за Гунтером, решительно зашагавшим к ореховым кустам.

«Это Господь меня карает, – рассуждал про себя рыцарь. – Все за пьянство, за блуд. Мало что дракон, так теперь еще и этот... этот... наверно, человек, раз крыльев нет, осердился. Нет, не обычный он совсем, может блаженный или даже святой, раз такого громадного дракона сумел укротить. Такая встреча запросто не бывает. Наверно, небеса хотят наставить меня на путь истинный, ко спасению души...»

Копали долго. Солнце перевалило за полдень, когда могила стала достаточно глубокой, а сэр Мишель взмок и утомился. Драконий повелитель пару раз предлагал снять кольчугу, но нормандец настолько привык таскать на себе железо, что сама возможность оказаться без любимой, хоть и старой брони привела его в ужас. Ну и само собой, с похмелья было тяжело дышать, мучило сердцебиение, и каждое движение давалось с трудом.

Наконец безобразная, по мнению Гунтера, яма, которую он почему-то упорно называл могилой, достигла требуемой глубины. К этому времени сэр Мишель выбился из сил окончательно и занимался тем, что из наломанных поблизости веток пытался смастерить хоть какое-то подобие креста.

– Освятить крест бы надобно, да и землю тоже. Непотребство это – хоронить христианина в лесу, как собаку, да без отходной молитвы, – бормотал сэр Мишель, глядя, как Гунтер обшаривает покойника, снимает с сапог какие-то блестящие продолговатые штучки в кожаных чехольчиках, отстегивает с пояса такую же треугольную сумочку, как у него самого, ту самую, из которой он достал гремящий жезл.

– Разве можно отнимать у покойника его вещи? А если они ему понадобятся? – укоризненно покачал головой сэр Мишель.

– Чего? – скривился Гунтер. – Когда понадобятся, где?

– Когда труба Архангела возвестит воскрешение, когда же еще?! – возмутился рыцарь, но тут же с любопытством заглянул Гунтеру за плечо – тот как раз снимал ордена с Курта. – Это что? Зачем?

Гунтер вздохнул, пряча в карман серебряный знак «За Францию» и пару медалек за героизм и что-то там еще в том же духе; кажется Курт получил их после гражданской войны в Испании – он воевал тогда в легионе «Кондор».

– Эти штуки нельзя в могилу класть, – строго сказал он. – Они... их надо родственникам оставлять.

– А, понял! – воскликнул сэр Мишель. – Наследство? Они, наверно, очень дорогие, раз такие маленькие?

– Наподобие, – согласился Гунтер, не желая больше втолковывать этому олуху элементарные вещи, известные любому школяру. – Давай-ка положим его туда.

Он спрыгнул в яму, принял из рук сэра Мишеля тело Курта и уложил его на сырую, неровную землю. Подтянувшись, Гунтер вспрыгнул наверх и сказал:

– Вот теперь можешь нудить свои молитвы, я разрешаю.

Сэр Мишель перетянул перекладину креста оторванным от собственной одежды лоскутом, поднял свое творение над головой – крест получился небольшим, длиной едва с руку. Закрыв глаза и слегка откинув назад голову, твердым ровным голосом он начал читать «Pater Noster», «Ave Maria» и «Credo» на латыни, ни разу не сбившись. Эти молитвы Гунтер знал, но после них нормандец принялся декламировать абсолютно неизвестные ему латинские тексты, которые, судя по немногим понятным словам, были явно духовного содержания.

«Точно, у француза сдвиг в мозгах на религиозной почве, – подумал Гунтер. – Вот и объяснение, отчего англичане у него в „крестовый поход“ пошли... И почему мне надо было исповедаться. Ладно, такие психи не опасны. Пусть себе ходит да молится, главное, чтобы вывел меня к людям. Скорее всего, мы сейчас в Кальвадосе или Приморской Сене, и тут недалеко река или, на худой конец, Кан или Алансон».

Погрузившись в расчеты своего возможного местоположения, Гунтер как-то пропустил момент, когда блаженный француз, все еще лопоча что-то на латыни, принялся зарывать могилу. Делал он это не в пример резвее, чем до того выкапывал ее. Гунтер в погребении почти не участвовал, ограничившись традиционными тремя горстями земли. Вскоре возле куста орешника возвышался небольшой свежий земляной бугорок с воткнутым в него кривоватым крестом из двух палочек, связанных обрывками ткани.

– Ну ладно, дело сделано. Пошли.

Сэр Мишель помедлил немного, потом сорвал пучок медуницы и положил на могилу. Гунтер только сплюнул и, сунув руки в карманы, размашисто зашагал к самолету. Рыцарь последовал за ним, охваченный внезапным страхом, будто загадочный человек сейчас оседлает дракона и улетит туда, откуда он явился, возможно, только для того, чтобы предать земле тело своего друга или оруженосца.

– Слушай, прежде чем покинуть меня, скажи хоть свое имя, – сказал он, поравнявшись с Гунтером. Тот вдруг остановился, повернулся к нему и ответил:

– А с чего ты взял, что я собираюсь тебя покинуть?

– Не знаю, – пожал плечами сэр Мишель. – Я подумал, ты идешь к своему Люфтваффе, чтобы улететь.

– Да не могу я улететь, при всем желании! *Бензин* кончился. – Слово «бензин» ему пришлось сказать по-немецки, за неимением эквивалента на норманно-французском.

– Бьен-зин? – повторил сэр Мишель. – А что это?

«Это уже чересчур! Не знать, что такое бензин?! Из какого захолустья он вылез?»

– Ну вроде вина. М-м, дракон его выпьет и полетит. А без него не может. Ясно?

– Ясно. Отдохнуть ему надо, а я думал, помер он. А яму для дракона у меня нет уже сил копать... Все.

Гунтер тяжело вздохнул и, вспомнив первый вопрос сэра Мишеля, сказал:

– Кстати, зовут меня Гунтер фон Райхерт.

Сэр Мишель произнес имя драконьего владыки несколько раз одними губами, словно пробуя его на вкус, потом поморщился и все-таки попытался сказать это вслух:

– Гун-тьер... вон Рахер... Нет, это никуда не годится. Мне такое никогда не выговорить.

– Ну и что? – удивился Гунтер. – Мне-то какое дело до этого? Неужто ты думаешь, что я буду менять имя только из-за того, что ты язык на нем сломаешь?

– Конечно! – воскликнул сэр Мишель. – А как же? Ну не звать же мне тебя «эй ты, сэр!».

Гунтер в очередной раз не смог сказать ничего умного в ответ, сраженный железной логикой придурочного француза.

– Да, действительно... Ну придумай что-нибудь.

- А второе имя у тебя есть? При крещении обыкновенно дается два имени!
- Есть. Полностью меня зовут Гунтер-Иоанн.

Он развернулся и направился к самолету, а сэр Мишель, поглощенный поиском подходящего имени для своего нового знакомого, поплелся позади.

Гунтер же думал о том, как бы получше спрятать самолет, чтобы с воздуха в глаза не бросался да и не всякий вышедший на поляну человек мог его заметить. «Отогнать его к самому краю поляны, вон в ту лощинку, например, прикрыть ветками сверху. Жаль, сетки камуфляжной нет, да и черт с ней! Все равно прятаться недолго, свои неподалеку должны быть. Вот только бензин... гм, «вино для дракона» раздобыть. Надо этого недоумка предупредить, чтоб не пугался, а то еще под колеса ползет или чего доброго под винт сунется – такой может... В кабину, на Куртово место, его посадить что ли? Там разберемся». – Гунтер забрался в кабину, оценив, насколько непривычно сидеть без куртки или комбинезона. Так, бензина шестьдесят литров, масло – в норме, но тоже маловато... Остальное вроде в порядке – стоит удивиться, что английские пули не причинили машине заметного вреда. Бедный Курт, как ему не повезло! Это ж надо было оказаться на пути пуль сумасшедшего англосакса; ведь тот ублюдок с «Харрикейна» бил наудачу, в воздух палил. Так недолго и фаталистом стать...

Гунтер бросил взгляд на стоящего у крыла сэра Мишеля и увидел, как его хмурое, сосредоточенное лицо осветила лучезарная улыбка, нормандец взмахнул рукой и, точно первую фразу оды, произнес нараспев:

- Говоришь, Иоанн?
- Чего? – наморщил лоб германец, которого сэр Мишель сбил с мысли своим возгласом.
- Твое второе имя – Иоанн?
- И-о-ганн, – четко сказал немец.
- На нашем наречии «Жан»? По-английски значит – Джон?
- Наверно, так. – Гунтер никак не мог понять, к чему клонит рыцарь.
- В Англии сейчас правит принц Джон, – как бы невзначай сообщил сэр Мишель. – Брат короля Ричарда.

«Опять за свое!» – простонал про себя Гунтер, а вслух сказал:

- Может, все-таки король Георг?

«Не разбирается он в наших делах, путается, бедняга. Оно и понятно...» – подумал сэр Мишель и, надсаживаясь, прокричал:

- Ты хочешь, чтобы тебя звали по-нашему?
- Ну?
- Иоанн – Джон! А по-доброму – Джонни!

«Пресвятая дева! – Гунтер устало откинулся на спинку кресла, приложив ладонь к лицу. – Ладно, побуду немножко Джонни, раз ему так хочется, от меня не убудет».

- Валяй, зови «Джонни». Сэр... Мишель, можно просто «сэр». По-доброму?

– А как же! – с готовностью отозвался тот. – Можно «сэр», можно «сэр рыцарь», я не обижусь. Слушай, а ты сам-то дворянин?

– Дворянин... – проворчал под нос Гунтер и подумал: «Папенька из благородных, даже в родстве с герцогом Дармштадтским. А у нас в Райхерте долго ходила легенда, будто прапрабабушка спуталась с самим Генрихом де Валуа и понесла от него прадедушку. Если так, то во мне есть кровь французских королей и германских курфюрстов... Конечно, дворянин».

– Дворянин, дворянин! – скрывая улыбку, прокричал Гунтер. – Даже родственник Валуа, таких не знаешь, случайно?

– Знаю! – просиял сэр Мишель. – У них еще золотые лилии на лазурном поле в гербе! А какой у тебя герб? Тоже с лилиями? Красиво, должно быть!

– Другой, – отрезал Гунтер и подумал: «Этого придурка все-таки надо посадить в кабину. Как есть под винт залезет!» – Эй, сэр, а ну, залезай на крыло!

Сэр Мишель уже почти без опаски, но довольно неуклюже вскарабкался на плоскость и с любопытством заглянул в кабину.

– А что это у тебя тут?

– Всякие... Штуковины! Они нужны, чтобы я мог повелевать Люфтваффе.

– А-а-а... – с понимающим видом протянул сэр Мишель.

– Вроде глаз и ушей, – пояснил германец, изо всех сил пытаясь не расхохотаться. И потом, «сэр рыцарь» выглядел исключительно потешно в грязной, съехавшей на затылок пехотной каске с маленьким имперским орлом на боку.

– А где у него рот? – тут же спросил нормандец, подозрительно оглядывая «Юнкерс».

– Закрыт, потому и не видно, – не вдаваясь в подробности, сказал Гунтер. – И без моего приказа он его не откроет.

Немец, в который раз вздохнув и отчетливо представляя себе всю абсурдность ситуации, вылез из кабины, взял сэра Мишеля за плечо, подвел к месту бортстрелка, затем, выудив откуда-то грязную промасленную тряпку для протирки пулемета, привел немного в порядок сиденье Курта («Бывшее...» – скользнула мысль) и указал на него рукой. – Полезай туда, пока-таю.

– Может, не надо? – мигом скис сэр Мишель, озираясь в надежде отыскать пути к бегству. Рыцарь решил, что кровожадный Люфтваффе сделает с ним то же, что и с погребенным человеком. И будут две могилки рядом... Если вообще найдется что хоронить!

– Я сейчас разбужу... дракона, чтобы он перешел на другое место и спрятался. – Гунтер давился со смеху, представляя себя, уговаривающего помешанного, со стороны. – А если ты будешь стоять рядом, Люфтваффе тебя покусает. Может и до смерти.

«Нет, не жить мне на свете! Внутри залезу – съест. Снаружи останусь – покусает. Бежать бы надо отсюда. Да разве убежишь от дракона?» – думал сэр Мишель, слушая Гунтера.

Тот невозмутимо продолжал:

– Единственное безопасное место – внутри, – гнул свое германец. – Того, кто под защитой этого... – он указал взглядом на откиннутый фонарь кабины, – этого прозрачного колпака, дракон не тронет. Понял?

Сэр Мишель, вспомнив наконец, что благородному рыцарю трусить не пристало, решил и обреченно полез через борт в залитую присохшей кровью драконью глазницу. Усевшись в кресло и терпеливо дождавшись, пока Джонни застегнет какие-то ремни, перетягивающие грудь и прижимающие к сиденью, а также щелкнет непонятной штучкой на странного вида длинном железном инструменте, торчащем из глазницы в сторону хвоста дракона (Гунтер ставил оружие на предохранитель, чтобы «благородный сэр» в цыплячьей панике не схватился за пулемет и не принялся палить в белый свет, как в пфенниг), сэр Мишель обдумывал, как покуртуазнее задать следующий вопрос, но так ничего не надумав, брякнул прямо:

– Послушай, а того... погребенного, чем его убило?

– Другой дракон напал, – хмыкнул Гунтер.

«Неужели драконов настолько много, что они запросто встречаются в небесах и устраивают там драки? Но почему тогда я никогда не видел ни одного? Может, они летают очень высоко и их не видно?»

Сэр Мишель некоторое время смотрел на пулемет, теряясь в догадках, что бы это могло быть, и вдруг его осенило.

– Слушай, Джонни, а вот те штуки, которыми убило твоего... оруженосца, это зубы другого дракона?

– Ну? – Гунтеру даже интересно стало: что новый знакомый еще придумает.

– А эта палка, – рыцарь покосился на пулемет и продолжил восхищенным шепотом, сам удивляясь своей догадке, – она мечет зубы дракона?..

После этой фразы сэра Мишель затих, зачарованно глядя на оружие, которое казалось ему божественным чудом, дарованным небесами христианам. У сарацинов такого точно нет! Мозг, избавившись от тяжкого груза похмелья, усиленно заработал: «Так, Джонни сказал, что не собирается меня покидать. А что если мне удастся уговорить его пойти со мной в Святую Землю? Там мы вдвоем, точнее втроем, с Люфтваффе, присоединимся к воинству Христову и поможем христианским королям очистить Святую Землю от проклятых сарацинов! Вот это да!» Он зажмурился, погрузившись в мечты.

Гунтер, перестав обращать внимания на бредни нормандца, убедился, что его новый приятель привязан накрепко и ведет себя тихо, закрыл фонарь задней кабины, а потом забрался на свое место.

То, что произошло потом, сэра Мишель не любил вспоминать, так как перетрусил самым непотребным образом. Люфтваффе несколько раз чихнул, просыпаясь, потом мелко задрожал, и в уши рыцаря ворвался драконий громopodobный рык.

«Неужели меня возьмут живым на небо? – пронеслась шальная мысль в гудевшей голове сэра Мишеля. – Ой, а вдруг архангел Михаил меня в рай не пустит, ибо грешник я великий?.. Как же я тогда на землю вернусь, если Джонни с Люфтваффе не согласятся отвезти меня обратно?»

Однако сэра Мишель видел, что лететь дракон пока не собирается, а просто медленно ползет по полю в направлении перелеска, явно намереваясь спрятаться там. Небольшой участок поля, с трех сторон окруженный деревьями, по мнению Гунтера, был идеальным укрытием. Конечно, загнать «Юнкерс» в эдакую лошину так, чтобы ветви деревьев не попали под винт и стволы не задели плоскости, было почти ювелирной работой, но, как ни странно, Гунтер справился с этим без особого труда, остановив машину почти в полуметре от густых зарослей крушины. Ветви низко пригнулись к земле под воздушным вихрем, созданным вращающимся винтом, поднялся маленький смерч сухих листьев, травинки, каких-то лепестков. Наконец лопасти остановились, двигатель заглох, точно задохнулся, и машина замерла.

– Напугался? – улыбнувшись, спросил Гунтер сэра Мишеля, когда помогал ему выбраться на крыло. У бедняги не гнулись ноги от пережитого ужаса, а лицо было мертвенно-бледным.

– Все и нет, – зябко лязгая зубами, ответил нормандец. Какой же рыцарь признается, что ему было страшно? – А я мыслил, полетит дракон...

– Он передумал. Решил не мозолить глаза лишний раз. – Лицо Гунтера снова омрачилось. Две проблемы решены: самолет худо-бедно спрятан, и Курт обрел вечное упокоение. Теперь оставалось отыскать людей («сэр рыцарь» – не в счет). А на часах уже два пополудни. Будет удачей, если к вечеру получится связаться с французскими (ну или германскими) властями, а лучше – со штабом дивизии. Там наверняка зачислили 77-ю машину в пропавшие без вести или в погибшие. Вот интересно: сколько англичане успели сбить наших самолетов за прошедшее утро?

Вопрос не менее насущный – что следует взять с собой? Безусловно, оружие, консервов немножко. Хотя зачем брать консервы? Всяко неподалеку есть поселок или на худой конец чей-нибудь дом. В северной Франции сохранилось великое множество старых дворянских гнезд. Правда неизвестно, как их обитатели отнесутся к офицеру германской армии; остается надеяться, что посадка все-таки состоялась на оккупированной территории и французы примут «завоевателя» не в распростертые объятия, конечно, но выгнать не посмеют и позволят поесть, отдохнуть да связаться со своими. Больше-то от них ничего и не требуется.

«Какая, к дьяволу, „оккупированная территория?“» – настойчиво всплыла из самых дальних глубин сознания насильно отогнанная мысль. – Ты же четко видел, что вокруг нет никаких городов, дорог, да и, пролетая над Ла-Маншем, не заметил ни единого корабля. И теперь ты

надеешься отыскать телефон? А вдруг действительно ближайший телефон в семистах пятидесяти годах отсюда и не этот рыцарь сошел с ума, а ты сам? В общем, будь что будет...»

Пока Гунтер размышлял, очухавшийся сэр Мишель с глуповатым видом, полуоткрыв рот, разглядывал самолет, обходя его со всех сторон. Рыцарь дергал за лопасти винта, похлопывал ладонью по обтекателям шасси и приговаривал себе под нос:

– Хороший, Люфтваффе, умный. Спрятался – и не шелохнется.

Потом сэр Мишель залез под брюхо «Юнкерса», некоторое время ползал там, и вдруг оттуда послышалось удивленное присвистывание.

Гунтер, встрепенувшись, нагнулся и увидел, что сэр Мишель, скорчившись, разглядывает штангу бомбосбрасывателя, удерживавшую так и не использованную бомбу SC-500. Заговорщицки посмотрев на германца, рыцарь подмигнул и поманил его к себе пальцем. Гунтер обреченно полез под самолет, поняв, что сейчас предстоят очередные объяснения, и подумал: «Господи, вот счастливый человек – не знает, что такое бомба!»

– Джонни, а я понял, что это такое! – с хитрой улыбочкой сказал сэр Мишель, кивая в сторону черного вытянутого снаряда. – Я правильно подумал, а?

Гунтер некоторое время соображал, на лице его попеременно отразились недоумение, потом изумление, и наконец он, хлопнув себя ладонями по коленям, опустился на траву, затрясавшись от хохота. Сэр рыцарь тихонько фыркнул под нос.

– Да, ты совершенно прав... – выдавил наконец из себя германец, когда приступ смеха понемногу прошел. – И ты не сумасшедший – у помешанных нет чувства юмора... Ну хорошо, вылезай отсюда, сэр, пойдем поищем какую-нибудь деревню или город.

– А чего искать-то? – Сэр Мишель выбрался из-под самолета, огляделся и протянул руку к югу. – Вон там дорога, она ведет от Руана к Анжу...

«Ну наконец-то! Появились знакомые названия, – возликовал Гунтер. – Все же мы приземлились недалеко от своих!»

Сэр Мишель тем временем продолжал:

– Тут рядом деревня Сен-Рикье, а неподалеку замок сэра Бреалья, нашего вассала. А если хочешь, можем пойти к моему папеньке, в Фармер, завтра к утру доберемся.

– Пошли сначала в деревню, – рассудил Гунтер. Достав из кабины автомат и несколько полных магазинов, он направился к своей одежде, валявшейся комком в том месте, где ее бросил рыцарь. Несмотря на очевидный идиотизм ситуации, германцу стало интересно узнать, что же этот человек называет «замком» и кого считает бароном. Не исключено, что новоявленный Дон Кихот притащит его к какому-нибудь хлеву, вытащит оттуда самого толстого борова, поцелует ему копытце или ухо и представит – вот мой папенька. А если выведет свиноматку, то не будет удивительным, если она окажется Дульцинеей Тобосской. Все это, конечно, детские забавы, но в конце концов, в досталь насмотревшись на самую настоящую войну, хочется иногда забыться. Хоть так... Пусть парень напридумывал кучу несуразностей, не относящихся к реальности, начитавшись Вальтера Скотта или Стивенсона, но почему бы и не подыграть ему? Разве он сам до войны не зачитывался в отцовской библиотеке рыцарскими романами, не сражался с приятелями на деревянных мечах и, надев самодельные жестяные шлемы, изображал то Зигфрида, то Беовульфа? Эх, жаль, отец не разрешал играть с теми умопомрачительными доспехами, что стояли в парадном зале Райхерта...

Одеваясь, Гунтер с неудовольствием отметил, что сэр Мишель, стаскивая с бессознательного «ангела» рубашку, не удосужился расстегнуть пуговицы, а просто стянул ее через голову – и вот результат: на форменной белой рубашке недосчитывается нескольких пуговиц. Счастье, что китель в порядке.

Погода была теплая, и брать с собой тяжелую летнюю куртку не хотелось. Гунтер, еще раз решив прибегнуть к помощи нормандца, отдал ему куртку, сказав бросить в кабину, то есть в глаз дракона (ему будет не больно, и кроме того, Люфтваффе спит). Рыцарь посмотрел

удивленно – с какой это, мол, стати мне, благородному сэру, бегать по поручениям ровно оруженосцу, – но ничего не ответил, решив лишний раз посмотреть на дракона вблизи.

На Алансонскую дорогу из лесу вышли двое. Один, ростом пониже, со светлыми вьющимися волосами до плеч, облаченный в выдавшую виды кольчугу, из-под которой торчала грязной бахромой изношенная одежда, в потертые заплатанные кожаные штаны, заправленных в мягкие замшевые сапоги; на широком поясе красовались пустые простенькие ножны от короткого меча и привязанная за ремешок полевая пехотная каска. Второй – повыше, рыжий, коротко стриженный, в серо-сизой летной форме офицера германских ВВС, с автоматом, висящим спереди; руки его, полусогнутые в локтях, покоились на оружии. Позолоченные часы на левом запястье поблескивали в солнечных лучах.

Стрелки показывали три с четвертью по меридиану Парижа. Тринадцатый день августа тысяча сто восемьдесят девятого года от Воплощения Христова клонился к закату.

Глава третья

Неправильное Средневековье

По обе стороны пыльной дороги, уходящей вперед плавными петлями, тянулись сочные луга, их сменяли небольшие прозрачные рощицы; вокруг, насколько мог видеть глаз, тянулись цепи холмов, поросшие лесами, а на самом горизонте чуть виднелись голубоватые вершины невысоких гор – их призрачные силуэты были словно набросаны акварелью. Казалось бы, привычный деревенский пейзаж, но Гунтер сразу же заметил в нем нечто необычное, противоестественное. Поначалу он никак не мог поймать это ощущение, разгадать, что же странного в темной зелени лесов, блеклой знойной дымке над травой, ровным густым ковром расходящейся от дороги. И наконец понял. Не было асфальтовых дорог, серебристых нитей железнодорожного полотна, исчезли куда-то аккуратные каменные и деревянные домики хуторков, привычных для нормандского пейзажа, вместо них кое-где толпились кучками, точно грибы, небольшие глинобитные избышки, по самые окна вросшие в землю, крепкие и неказистые, крытые соломой. Далеко, километрах в трех-четыре, на одном из лесистых холмов Гунтер углядел замок. Ему не раз доводилось видеть подобные строения – заботливо отреставрированные, со свежескрашенными башенками, – но вид этого строения чем-то подсказал ему, что стен не касались руки современных каменщиков и реставраторов. Замок выглядел старым, грубые нетесанные камни потемнели, обветрились; над одной из башен развевалось знамя с неразличимым из-за расстояния гербом.

Позади послышался конский топот и поскрипывание колес. Гунтер обернулся и увидел, что их нагоняет повозка, высоко нагруженная сеном. Крупная гнедая лошадь, плавно поводя лоснящимися округлыми боками, упруго печатала шаг, высоко поднимая сильные ноги, грызла удила, трясла гривой – будто бы рисовалась, без труда влача за собой телегу. Под стогом сена, высившимся точно небольшой дом, сидел крестьянин – рослый мужик лет тридцати – тридцати пяти, эдакий здоровяк с льяными космами, подстриженными вкривь и вкось, как ножом отхваченными, такой же бородой, в которой вдобавок запутались стружки, травинки, какой-то лесной мусор. На голову была нахлобучена бесформенная войлочная шляпа, а вся одежда селянина состояла из широкой грязно-серой полотняной рубахи и таких же штанов, засученных до середины голени. Расслабленно покачиваясь в такт тряской повозке, он небрежно придерживал в руках поводья, предоставив лошади самой выбирать дорогу.

Поравнявшись с путниками и распознав в одном из них благородного рыцаря, возница натянул повод, после чего лошадь, недовольно встряхивая гривой, побрела вровень с людьми. Ленивым движением крестьянин стащил с головы шапку и чуть наклонился вперед, после чего вперил небесно голубые глаза в Гунтера, с простецким нахальством оглядывая его с ног до

головы. Тот же, почувствовав легкое раздражение от столь бессовестного любопытства, нагло выговорил на простом немецком языке:

– Ну что смотришь, детина? Никогда не видел германских солдат?

Крестьянин выпрямился, пожевал губами и сдвинул брови – ни единого слова он не понял, но догадался, что господин в странной одежде сердиться изволит. На всякий случай возчик спросил густым басом:

– А? Что вы сказали, ваша милость?

«И этот на норманно-французском лопочет... – ошалело подумал Гунтер. – Сговорились они, что ли? Или у них тут эпидемия? Хотя, насколько мне известно, с ума сходят поодиночке, разве только гриппом все вместе болеют».

Неожиданно встрял сэра Мишель. Рыцарь гордо выпятил грудь, задрал подбородок, грозно нахмурившись, метнул гневный взгляд на селянина и рыкнул низким голосом:

– Проезжай! С каких это пор низкорожденные тревожат благородных расспросами? И начинают первыми разговор?

Крестьянин чуть вздрогнул, быстро посмотрел вправо-влево, точно опасаясь увидеть целый отряд дворян, высланных на усмирение невежи, и тихонько пробубнил:

– Я у сэра Бреалья арендатор, сено везу вот...

– Ну и дальше что? – надменно произнес сэра Мишель, разжигая в себе гнев. Однако крестьянин, вовремя почуяв неладное, стегнул лошадь вожжами, и кобыла резвой рысью припустила вперед по дороге. Гунтер увидел, как несчастный мужик оглянулся назад из-за стога и подхлестнул лошадь. Сэра Мишель, подняв носком сапога облачко пыли, привычно пошарил по ножнам, отыскивая рукоять меча, но, вспомнив о событиях минувшей ночи, тяжело вздохнул, пробормотав:

– Никакого сладу нет с этими мужланами...

– А что такое? – не понял Гунтер. «Крестьянин как крестьянин, а на мою одежду у всех... э... нормальных французов реакция нехорошая.

Вот интересно, а почему мужик разглядывал меня, будто пугало, хотя одежда моего спутника куда более экстравагантна? Или мой проводник – известный в округе деревенский дурачок, и обращаются с ним по правилам его игры – поклонились, испугались, рыцарь как-никак... Ха!»

Сэра Мишель, презрительно глядя вслед удаляющемуся возу, стоял между колеями на упорно пробивавшихся сквозь утоптаный грунт пыльных стебельках спорыша, чуть расставив каблуки и засунув большие пальцы за пояс. Малость помолчав, он серьезно глянул на Гунтера, сплюнул и объяснил:

– Ладно если бы холопы все до единого под рукой дворян были, а арендаторы, скоты эдакие, сами свободны и себя едва не вровень с господами ставят! Ну где это видано, чтобы виллан первым заговорил с рыцарем?

Гунтер улыбнулся углом рта, меряя взглядом сэра Мишеля. Выглядел тот при ярком солнечном свете вовсе не как доблестный рыцарь с книжной картинки – те чистенькие, в сверкающих доспехах, а коли нет таковых, в парчовой или шелковой одежде с иголки. Как же иначе – золота-то у благородных было завались, куры не клевали! А этот?.. Хорошо если кольчуга не расплзется, будто шерсть, поеденная молью. А портки, простите, где и в чем можно так вымазать? И вообще, где француз разжился подобным матерьяльчиком? О том, что творится под кольчугой, и думать не хотелось.

– Пойдем дальше, – твердо сказал Гунтер. Сейчас они стояли почти на вершине небольшой возвышенности, с которой открывался отличный обзор на все окрестности, километров на десять, а то и больше. – Вон там деревня. – Сэра Мишель кивнул вниз. И правда, чуть правее, примыкая к лесу, виднелось скопище домиков и невысокая колокольня церкви. Полоска

дороги проходила как раз мимо, а далее убегала к синевшим вдали цепям пологих гор. Гунтер их опознал сразу – Нормандская возвышенность, за ней, к югу, и расположены Анжу и Майен.

Уже на подходе к деревне германец вновь почувал неладное. Судя по всему, телефона в поселке не было, более того, отсутствовали даже обязательные что для Германии, что для Франции или любой иной страны цивилизованной Европы столбы линии электропередачи. Потом началось вовсе необыкновенное: позади вновь послышался конский топот, но обернувшись, Гунтер увидел не сытую крестьянскую лошадь, а трех коней, похожих на арабских – двух вороных и одного серого в яблоках, несшихся во весь опор. Всадники нагнали германца и сэра Мишеля, вихрем пронеслись мимо, подняв облако пыли. Однако Гунтер сумел рассмотреть, что одежда их была более чем странной для середины двадцатого века – кожаные короткие камзолы, широкие пояса, круглые то ли шляпы, то ли береты с золотыми, наверное, пряжками и длинными узкими перьями. И у каждого о правое бедро бились ножны, но не пустые, как у полоумного нормандца, – явственно блеснули гарды мечей, богатых, украшенных камнями. Всадники карьером унеслись к деревне.

– Королевский бейлиф поехал, с сержантами, – как бы невзначай бросил сэр Мишель. – Видать, в Сен-Рикье стряслось чего, разбираться будут.

– Кто проехал? – медленно переспросил Гунтер, пристально глядя на сэра Мишеля. Тот опять ощутил смущение от пронзительного взгляда своего попутчика, опустил глаза и тихо повторил:

– Бейлиф. Королевский. Сэр Аллейн д'Эмери, – помолчал и добавил: – Он папин друг и даже немножко родственник. Его два месяца назад утвердили бейлифом нашего графства господин де Лоншан, канцлер Англии. А ты не знал?

– Не знал, – мрачно кивнул Гунтер.

– Он тебе не понравился? Зря. Сэр Аллейн – добрый христианин и настоящий рыцарь.

– Поэтому и не понравился, – буркнул Гунтер. – Давай топай, добрый христианин, до деревни еще не меньше получасу тащиться. У нас-то лошадей нет. И машины тут не ходят.

– Кто не ходит? – склонил голову набок рыцарь и приподнял брови.

Гунтер вздохнул и широко зашагал вниз по дороге. Ну не объяснять же болвану про двигатель внутреннего сгорания? Сэр Мишель немного поотстал, озадаченный новым словом, попытался самостоятельно найти ему объяснение и подумал, что «машына» – это наверно тоже что-то наподобие дракона, может даже самка. Утвердившись в сем заблуждении, он нагнал Гунтера, дернул за рукав и выпалил:

– А у Люфтваффе твоего есть Машына?

– Есть, – кивнул Гунтер. – Внутри.

Сэр Мишель замолк, пытаясь сопоставить свою догадку с ответом Гунтера. Ничего путного не выходило, и он решил, что неправильно понял слово. Ну как же самка может сидеть внутри самца? А в том, что Люфтваффе именно мужского пола, сэр Мишель не сомневался – подтверждение тому видел своими глазами. Так что же такое «машына»?

Дорога входила в пшеничные поля, тянувшиеся далеко за деревню, к подножию холмов. Спелые колосья слегка покачивали тяжелыми, налившимися головками, с некоторых уже начало осыпаться золотистое зерно. Сэр Мишель сорвал колос, растер его между ладонями, сдул шелуху и бросил несколько зерен в рот.

– Хочешь? – Он протянул руку, предлагая Гунтеру крупные спелые семена. Тот взял немного, разжевал. Хорошо знакомый с детства мучнистый вкус, слегка отдающий травой...

– Вкусно? – улыбнулся рыцарь, и Гунтер кивнул:

– Да. Слушай, сэр, может ты голодный?

У сэра Мишеля и на деле слегка разыгрался аппетит. Тяжкое похмелье наконец отпустило его, и в желудке, разбуженном вкусом пшеницы, негромко заурчало.

– Придем в деревню, как ее – Сен-Рикье? – пожем чего-нибудь, – пообещал Гунтер, перехватив хмурый взгляд сэра Мишеля.

– У меня денег нету, – сказал рыцарь.

– Ну и что? – ответил Гунтер, продолжая делать вид, что верит нормандцу. – Ты же благородный – обязаны накормить, а то велишь всех высечь.

– Нельзя, – серьезно проговорил сэр Мишель. – Это лен сэра Бреалья, и меня они за хозяина не почтут. Выгнать, конечно, не выгонят, но и кормить задаром не станут.

Гунтер, перебросив автомат на плечо, залез во внутренний карман кителя, потом пошарил в карманах бриджей и извлек на свет неведомо как завалявшиеся там несколько серебряных монет в две марки. Между прочим, берлинской чеканки, 1938 года.

– Держи, на пропитание благородному рыцарю, – усмехнулся Гунтер, кидая сэру Мишелю монетки. Тот ловко словил их, мельком глянул, но тут же зажал в кулаке и, сдвинув брови, посмотрел на Гунтера. – Подачки не беру, не пристало это рыцарю и сыну барона...

– Какие подачки? – поморщился германец. – Ты же мне помогал, вот тебе вознаграждение! – и, недолго подумав, добавил: – Ибо написано: «Просите и дано будет вам». У Матфея, верно?

– Верно, – подтвердил сэр Мишель. – Но я же не просил!

– Да ну тебя! Сам не можешь разобраться в своих рыцарских приличиях-неприличиях, так молчи уж, когда тебе добро делают!

– Ла-адно, – протянул рыцарь, оставшийся, правда, довольным. Денежки не очень увесистые и чеканки неизвестной, но на эль да кусок мяса с кашей вполне хватит. А больше-то ему и не нужно, привык уже. Сэр Мишель раскрыл ладонь и взял двумя пальцами монетку, решив рассмотреть ее поподробнее. С одной стороны была выбита цифра сарацинского начертания «два», окруженная лавровыми и дубовыми листьями, под нею виднелись такие же маленькие циферки 1938, а вот оборотная сторона заставила рыцаря призадуматься. Подобного герба сэр Мишель прежде не видел: широко раскинувший крылья геральдический орел восседал на туго сплетенном венке, внутри которого красовался символ солнца. Однако лучи его были повернуты не как положено, а противосолонь, что означало «ночное» Солнце, катящееся по внутренней стороне нижнего неба. Похожие солнечные символы сэр Мишель видел в гербах некоторых рыцарей из Британии, в основном у валлийцев или ирландцев. Но там лучи древнего знака солнца были направлены в правильную сторону...

Вокруг герба по ободу монеты тянулась надпись необычными фигурными буквами, которую нормандец поначалу и не сумел разобрать. Но некоторые знаки стали понятны – это были латинские буквы, пусть и излишне вычурные. Попробовав монету на зуб и поцарапав ногтем, рыцарь окончательно убедился, что она настоящая, из простого и высокопробного серебра. Значит, приобрести на нее еды вполне возможно.

– Слушай, Джонни, – повернулся сэр Мишель к Гунтеру, – а где такие деньги чеканят?

Сэр Мишель посейчас пребывал в убеждении, что Гунтер вместе с Люфтваффе явились в Нормандию из неких горних обителей, приближенных к недостижимым простым смертным царствам – раю, или, на худой конец, чистилищу. Но не могут же, – рассуждал сэр Мишель, – там делать свои деньги? Ну что, скажите, можно купить на серебро в чистилище? Пузырек с благовониями?..

– Это наши, немецкие монеты, – лениво ответил Гунтер. – В Германии их делают.

Тут сэр Мишель споткнулся от неожиданности о валявшийся возле края дороги булыжник, спрятавшийся в широких листьях мать-и-мачехи. Джонни ему еще не говорил, откуда он пришел и что там раньше делал. – А ты в Германии... кто? – осторожно поинтересовался рыцарь. Это надо же, оказывается повелитель дракона родом из земель христианских. Да еще и лежащих не столь далеко. – Я хочу сказать, кто ты у себя в стране? Барон, да? Или может быть даже граф или герцог?

– Не герцог, это точно, – отозвался Гунтер, – А вообще-то я военный. Разве ты не понял еще?

– Так. – Сэр Мишель погладил ладонью лохматый затылок, соображая. Больше всего он боялся снова сказать невпопад. – Дворянин, военный... Значит, рыцарь?

– Нет, не рыцарь. Просто солдат.

– Ясно, – с облегчением вздохнул сэр Мишель и улыбнулся, – теперь я понял. Ты – оруженосец, еще не принявший рыцарского посвящения.

Гунтер закатил глаза, проворчав под нос неразборчивое немецкое ругательство. Дурацкая болтовня нормандца его уже здорово утомила. Пытаясь не слушать сэра Мишеля, пустившегося в малопонятные рассуждения о тонких различиях меж благородным рыцарством и не менее благородными, но все же стоящими ступенькой ниже оруженосцами, Гунтер с интересом оглядывал пшеничное поле. Здесь, ближе к деревне хлеб уже стали убирать – среди колосьев виднелись фигуры жнецов в простых холщовых одеждах. Мужчины срезали пучки колосьев и кидали их по левую руку, а шедшие позади женщины и дети выбирали ядовитые стебли пикульника, василька и прочих сорняков и ловко увязывали снопы. Прямо как на картинах фламандских художников...

Слева потянулся лужок, сбегавший к дороге. На нем паслось небольшое стадо бурых коров, часть из них лежала в густой высокой траве, монотонно двигая челюстями, остальные лениво переступали, пощипывая сочные стебли. Между ними резвились два подросших бычка – бегали друг за другом, бодались, взбрыкивая и мотая лобастыми головами со смешными мохнатыми бугорками рогов. Здесь же бродило десятка с два овец, несколько подобралось к самой дороге и разноголосо заблеяли при виде людей. Гунтер разглядел пастуха – он поднялся, снял шапку, такую же, как у проезжавшего недавно крестьянина, и отвесил поклон. Сэр Мишель легонько кивнул головой и прошествовал мимо овец да застывшего со шляпой в руке пастуха, надменно задрал подбородок.

«Ну петух!» – фыркнул про себя Гунтер и помахал крестьянину рукой. Тот снова поклонился, на этот раз специально ему.

– ...так неужто император Фридрих Рыжебородый стал такие странные монеты делать? Эвон, буквы непонятные... не совсем понятные... – вслух рассуждал сэр Мишель. – И зачем это германскому императору нужно? Джонни, а много у вас на эти деньги можно купить?

– На выпивку хватило бы... – признался Гунтер, расстегивая верхнюю пуговицу на рубашке. По небу плыли легкие кучевые облачка, солнце палило нещадно, и германец подумывал уже о привале где-нибудь в тени. До деревни было совсем недалеко, и решив, что отдохнет там, Гунтер прибавил шагу, поторапливая сэра Мишеля. Тот, решив наконец, что рассмотрел серебряные марки во всех подробностях, спрятал их за пазуху и успокоился.

– Слушай, Джонни, ты хотел бы стать когда-нибудь рыцарем? – Сэр Мишель живо представил себе Гунтера на коне, при кольчуге и длинном копье.

– Раньше хотел, – ответил Гунтер, вспоминая детские мечты. «Сейчас он предложит посвятить меня в рыцари или в крестовый поход, чего доброго, позовет» – усмехаясь про себя, думал германец.

– Я мог бы посвятить тебя в рыцари, – гнул свое сэр Мишель, – но для этого ты должен доказать мне, что достоин такой великой чести...

«Не пойму, чего он добивается?» – промелькнуло в голове Гунтера, тем временем нормандец продолжал:

– Ты должен будешь носить мое оружие, чистить доспехи, прикрывать меня сзади в бою... А за это, если окажешься достоин, станешь однажды рыцарем и сможешь сам завести себе оруженосца! – закончил сэр Мишель, останавливаясь в тени большого дуба, растущего на самой границе деревни. – Ну что, передохнем здесь?

Гунтер молча уселся на траву, прислонившись к мощному стволу дуба. Сэр Мишель пристроился рядом, поглядывая на германца – что скажет он на его заманчивое предложение? Ведь не каждый же день простому солдату встречаются благородные рыцари, предлагающие стать оруженосцем и испытаниям-то особо не подвергая! О драконе, ангелах и демонах он уже успел позабыть. Наконец Гунтер заговорил, правда, совсем не о том:

– Слушай, а кто у вас тут... управляет?

– В деревне-то? – отозвался сэр Мишель.

– Ну есть здесь какой-нибудь магистрат, управа... – Гунтер уж и слов подобрать не мог, чтобы втолковать глупому нормандцу свою мысль.

– Магис-трат... – задумчиво повторил рыцарь. – Управа... А, понял! В деревне всем управляет приходской священник – споры решает, суды вершит мелкие...

– Так что же, никакой власти нет? – удивился Гунтер, не представляя, как священник может решать дела мирские.

– Ну как же! – досадливо воскликнул сэр Мишель. – Власть есть – духовная! А если какое крупное злодеяние свершилось или спор сложный – вон замок сэра Бреалья. – Сэр Мишель ткнул большим пальцем в сторону башен. – А у него право низшего и среднего суда.

Гунтер вспомнил троих всадников и спросил:

– А эти трое – бейлиф с помощниками – чего приехали?

– Ну, видать, что-то совсем уж непотребное произошло, – авторитетно заявил сэр Мишель, сорвал тонкий стебелек мятлика и сунул его между зубов. – Ведьму поймали или разбойника какого. Вешать будут или заберут с собой, в город. Пойдем посмотрим?

Гунтера передернуло от такого равнодушия – можно подумать, что тут по пять раз на дню жгут, вешают, рубят головы... Ну с этим ладно, а вот как он пойдет к священнику и скажет: мне, мол, нужно срочно связаться со штабом авиационной эскадры StG1 германских ВВС... Ерунда какая-то!..

Гунтер решительно поднялся на ноги, кивнув сэру Мишелю, и направился к церквушке.

– Это приход святого Томаса, – объяснял сэр Мишель, шагая рядом с Гунтером. – А служит здесь отец Дамиан, человек добрейший, но я его мало знаю.

– А с чего ты тогда взял, что добрейший? – спросил Гунтер.

Сэр Мишель неохотно рассказал, что в прошлом году, зимой, пьяный, свалился с лошади неподалеку от деревни да так и замерз бы в сугробе, не проходи мимо настоятель прихода святого Томаса. Отец Дамиан дотащил его до деревни сам, а там устроил в своем доме, отогрел, привел в чувство. Потом даже исповедал и грехи отпустил. Вот какой добрый. Правда тогда рыцарь в пьяном беспамятстве потерял перстень, подаренный некогда его предку самим герцогом Вильгельмом в благодарность за доброе служение в битве при Гастингсе.

– При Гастингсе? – переспросил Гунтер. – А это когда было-то?

Сэр Мишель задумался, подсчитывая, и четко сказал:

– Сто двадцать три года назад, в тысяча шестьдесят шестом. А ты разве не знаешь, как Вильгельм Нормандский победил короля саксов Гарольда?

– Да, что-то было такое... – пробормотал Гунтер. – Давно очень.

– Я же говорил! – вдруг радостно закричал сэр Мишель. – Вешают! Да еще, по-моему, сарацина! Вот это да!

Окончательно сбитый с толку Гунтер узрел небольшую толпу крестьян, человек в двадцать, собравшихся перед церковкой. Сложенная из больших тесаных камней известняка, церковь производила странное впечатление – подобной архитектуры Гунтер никогда не видел. Здание было старым, приземистым, почти без украшений, с двускатной крышей, выложенной крупной серой черепицей. Над алтарным фасадом возвышалась невысокая узкая башенка с колоколом, подвешенным под остроконечной крышей с простым деревянным крестом на коньке. Фундамент был почти полностью скрыт в густых зарослях чистотела. Церковь окру-

жали молодые ясени, один из которых выделялся необычным раздвоенным стволом с толстыми крепкими ветвями. Как раз вокруг этого дерева и происходило действо.

Остановившись неподалеку, так чтобы хорошо было видно, Гунтер отстраненно наблюдал, как бейлиф сэра Аллейн д'Эмери, высокий темноволосый человек лет сорока-сорока пяти, потрясая желтоватым свитком, толкует на старофранцузском нечто непонятное, но явно гневное и обвинительное. Рядом с бейлифом стояли два помощника, они держали под локти связанного человека, а позади них высился здоровенный бородатый громила в грязной рубаше и кожаном потертом переднике, похоже кузнец, выполнявший роль дополнительной охраны.

«Зачем полиции мечи? – напряженно думал Гунтер, разглядывая сэра Аллейна. – Почему они все так одеты? Кто, в конце концов, этот... которого вешают? Да и за что?»

Германец всмотрелся в смуглое, замызганное лицо несчастного, с распухшей подбитой губой и заплывшим глазом. Он был одет в до невозможности драный халат, едва прикрывавший темное костлявое тело, видневшееся сквозь рваные дыры, веревки глубоко врезались ему в грудь. Очевидно, человек отчаянно сопротивлялся, прежде чем его удалось схватить и связать, да и теперь все еще не смирился с уготованной ему участью. Здоровый глаз, угольно черный, в обрамлении длинных ресниц злобно сверлил собравшихся крестьян, при этом женщины отталкивали детей за свои спины, оберегая их от страшного взгляда неверного; губы его кривились, ноздри широко раздувались, время от времени он дергался, приседая и выворачивая острые плечи, но сержанты бейлифа крепко держали его, а стоявший позади кузнец лениво тыкал увесистым кулаком беспокойного пленника в спину. Тот только тряс спутанными черными, как смоль, волосами и скалил окровавленные зубы.

Сэр Мишель, с интересом вслушивавшийся в речи бейлифа, начал шепотом пояснять:

– Проклятого сарацина наконец-то поймали вчера. Крестьяне нашли его спящим на сеновале, у самого леса. Почти десяток дней, нехристь, округе житья не давал.

– Сарацин? – так же тихо переспросил Гунтер. – А откуда он здесь? И что плохого сделал? Сарацины ведь живут далеко.

– Его привез из Святой Земли какой-то рыцарь, а этот подлюга сбежал и разбойничал. Девоч, которые в лес ходили, до полусмерти пугал. И не только пугал.

– Это как? – не понял германец.

Сэр Мишель фыркнул.

– По-всякому. Они, сарацины, такие... Умеют. Вот мой папенька в Святую Землю ходил, всякого порассказывал...

Гунтер, оторвав взгляд от королевского сержанта, перебрасывающего через сук дерева толстую веревку с петлей, развернулся на каблуках к сэру Мишелю, и попытался сгрести его за ворот. Пальцы лишь больно царапнули по кольчуге.

– Так какой, значит, сейчас год? – прошипел он прямо в лицо рыцарю.

– Я же говорил, тысяча сто восемьдесят девятый, – помедлив, ответил сэр Мишель. – Почему ты так пугаешься всякий раз, когда я упоминаю об этом? Что с тобой, Джонни?

– Ничего, – едва слышно выдохнул германец. – Просто в такое невозможно поверить.

Он еще помолчал и добавил почти жалобно:

– Где здесь можно исповедаться?

Тем временем бейлиф закончил читать приговор, скрутил свиток и махнул перчаткой. Двое его помощников подвели сарацина к импровизированной виселице, кузнец подтолкнул вновь начавшего бешено сопротивляться пленника, заставив его влезть на деревянный чурбак, поставленный под деревом. Когда разбойник, привезенный из Святой Земли, просунул голову в петлю, кузнец, как стало теперь ясно, выполнявший роль палача, хотел было выбить чурку у него из под ног, но сарацин, ругнувшись коротко на незнакомом языке, оттолкнул крестьянина ногой, выкрикнул что-то сорвавшимся голосом (Гунтер разобрал слово, похожее на «алла»), а затем, подпрыгнув, оттолкнул пятками деревяшку, повис в петле и задергался, раскачиваясь.

– Еще и ругается! – возмутился сэра Мишель. – Поделом! Наконец-то в графстве порядок будет. Э, Джонни, ты исповедаться хочешь? Дело доброе! Вон отец Дамиан стоит, пойди к нему и скажи.

Гунтер глянул в сторону священника – дородный, молодой еще – лет тридцать пять на вид, приятное лицо, располагающее к себе с первого взгляда – такому и исповедаться можно, и поболтать просто так, ни о чем. Видно, сказывался возраст – не успел нажать еще замкнутую надменность, показную приближенность к высшим силам, подчеркнутое всепрощение... Но сейчас, когда в двух шагах качался в петле только что повешенный на глазах германца человек, довольное лицо священнослужителя показалось Гунтеру неуместным, странным, даже циничным.

– Да лучше потом... – пробормотал германец. – Слушай, есть здесь трактир какой-нибудь? Выпить хочется. Очень.

– В деревне самой – нет, – ответил сэра Мишель. – Но если пойти дальше, то по дороге к Фармеру будет небольшой постоялый двор. Там поесть можно, попить, и не только молоко. Ну что, идем? Или все же к отцу Дамиану?

– В трактир, – твердо сказал Гунтер и решительно направился обратно к дороге, стараясь не смотреть в сторону ясеня, на котором висело неподвижное тело. Крестьяне почтительно снимали шляпы и гнули спины при виде сэра Мишеля, а на Гунтера смотрели нерешительно – вроде благородный, но одежда вовсе странная; ткань не богатая, вроде сукна, на шее железяка непонятная. И смотрит не так, как господину положено – все по сторонам глазами шныряет да бормочет что-то. Некоторые вилланы кланялись Гунтеру, кое-кто принял его за оруженосца, а дети с визгом и улюлюканьем скакали на почтительном расстоянии.

Когда вышли из деревни, Гунтер облегченно вздохнул – пристальные взгляды селян и дразнилки детей порядком надоели ему. А сэра Мишель был рад-радешенек, что его спутник (в мыслях рыцарь уже сделал Джонни своим оруженосцем) произвел в Сен-Рикье впечатление большее, чем повешение сарацина.

Бейлиф же с сержантами проводили странную парочку подозрительными взглядами, но связываться не стали – известный в округе беспутный сын барона де Фармера вел себя смирно, порядка и законов не нарушал, а спутник его и вовсе был тише воды, ниже травы. Правда, сэра Мишель слегка побаивался, что бейлиф д'Эмери проведал о его недавних безобразиях в монастыре святой Троицы, но и единого слова на сей счет от представителя королевской власти сейчас не последовало.

На самом деле бейлиф уже был осведомлен об очередных приключениях молодого Фармера – приор обители, оскорбленный до глубины души, прислал в город одного из монахов, с жалобой. Описано в ней было все: и неумеренное потребление вина, и поединок с наваррским рыцарем да к тому еще пьяное непотребство, закончившееся варварским избиением святых братьев, а в заключение – покалеченным лицом отца приора, едва не лишившегося глаза после знакомства с тяжелым кулаком благородного рыцаря. Сэр Аллейн лишь повздыхал, зная, что вразумлять бестолкового юнца напрочь бесполезно, а если попытаться, то дело снова непременно закончится дракой. Мишель де Фармер прославился на все графство своей задиристостью, полным отсутствием воспитания, а также привычкой сначала работать кулаками да мечом, а уж после головой (и это при том, что барон Александр де Фармер, папенька сэра Мишеля, воин Христов, побывавший в Святой Земле, служил образцом рыцарственности и благочестия). Наконец, бейлиф считал, что сэра Мишель сам себя наказал за беспутство, оставшись без денег, оружия и коня.

А вдобавок связался с субъектом, разряженным будто ярмарочный шут.

Сэр Аллейн зыркнул на сержантов, раскланялся со святым отцом, оставшимся недовольным тем, что разбойника-сарацина вешали едва ли не на церковной земле, вскочил на лошадь и направился к городу. Сейчас у бейлифа и прочих забот хватало.

Крестьяне разошлись по своим делам, священник вернулся в церковь, повешенный остался болтаться на суку, а сэра Мишель с Джонни покинули деревню и шли по направлению к постоялому двору.

* * *

Хозяин трактира «Серебряный щит» выигрывал больше, нежели его собратья по ремеслу в городах. Там подобных заведений имелось множество, и их содержателям приходилось из кожи вон лезть, лишь бы угодить постояльцам да обойти конкурентов. А здесь, на Алансонской дороге, в пределах баронства Фармер, было не в пример спокойнее и прибыльнее. Лет шесть назад бывший арендатор Уилл Боул, или просто Рыжий Уилли, как звали его завсегда-таи трактира, покинул Англию, где жил с рождения, и перебрался в Нормандию искать удачи. Семейством обзавестись он не успел, разводя овец в графстве Шрусбери, подкопил денег, да и явился однажды к его светлости барону де Фармеру с просьбой разрешить построить трактир для проезжающих через земли баронства.

Господин Александр подумал, посмотрел на Уилла серьезно да и позволил. А что – дело доброе, из южных графств Нормандии или Французского королевства путешественники и паломники к святыням, расположенным за проливом, на острове, ходят часто. Не все же в замке им приют давать...

Поначалу новенький трактир прозвали «Домом Рыжего Уилли», однако хозяину такое наименование напрочь не нравилось. Получить свое нынешнее имя постоялому двору довелось после зимы 1185 года, когда английский странствующий рыцарь, возвращавшийся из Иерусалима, остановился в доме Уилла. Бедняга сильно болел, привезя из Святой Земли кровавый кашель, разрывавший его легкие. Пролежав несколько дней рыцарь, почувствовав, что умирает, позвал Уилла и попросил привести священника. Хозяин немедля сбегал за отцом Дамианом, тот провел обряд исповеди и последнего причастия, а к утру рыцарь отдал Богу душу. Все, что было при почившем крестоносце, досталось Рыжему Уилли. Денег рыцарь оставил немного, но щит, обитый серебряными пластинами, да меч с кольчугой и шлемом Уилл не стал продавать, пускай и мог выручить за них недурные деньги у оружейников в Руане. Щит теперь прибили над входом, а прочие предметы рыцарского облачения красовались развешенными по стенам трактира.

Много кого повидал за эти годы Уилл Боул. Приходили в «Серебряный щит» и монахи, и рыцари, и торговцы, бывали нищие да блаженные, один раз постоялый двор почтил визитом сам король Английский Генрих II, Плантагенет, проезжавший на юг с небольшой свитой. Вот и сегодня гости любопытные появились. Ну сэра Мишеля-то Уилл знал неплохо, еще дитем неразумным его помнил. Да впрочем, вырос сынок барона Александра, а ума так и не набрался. Восемнадцатый год пошел, другие благородные господа достойным делом в таком возрасте занимаются – кто на войне с неверными, кто своими манорами уже управляет, а этот... этот все пьянствует да по северным графствам ошивается, странствующего рыцаря из себя корча. Ох, не зря батюшка из дому его выставил. Ну как с эдаким оболтусом сладишь?

Сегодня сэра Мишель поразил Рыжего Уилли до глубины души. Мало что заявился без оружия, без лошади, так еще и приволок с собой такого хмыря, что жуть берет! Рожа иноземная, по-людски говорит с трудом, будто в рот каши набравши, глаза бешеные, так еще и волосы едва не налысо обрезаны, будто у рыцаря-тамплиера. А на одежду вовсе смотреть страшно, штаны незнамо какой ширины, камзол невиданный, в серебристых штуковинах, шитье парчовом, надо полагать. За эль и сыр заплатили конечно, даже серебром, но каким!.. Да похожих денег Уилл сроду не видывал! Взять, однако, пришлось. Не ровен час от младшего Фармера и по морде схлопочешь, он может. А тем же благородному, пускай и придурочному, не ответишь...

Дом был сложен из крупных бревен. Внутри не было ни перегородок, разделяющих его на отдельные комнаты, ни этажей – вверху были видны стропила и солома крыши. Один угол был отгорожен и скрыт драной засаленной занавеской, в двух противоположных стенах прорублены по два окна, через которые в зал четырьмя мутными, пыльными полосами проникал солнечный свет.

Гунтер, тщетно пытаясь не обращать внимания на оценивающий взгляд трактирщика и перешептывания людей за соседними столами, молча пил из большой деревянной кружки кислый хмельной напиток, по вкусу отдаленно напоминающий пиво, и закусывал желтым овечьим сыром.

Германец напивался целеустремленно и со знанием дела, накачивая себя элем до состояния совершеннейшего беспамятства. Кружек шесть, наверное, уже выдул, а кружки здесь не чета даже баварским. В мюнхенском «Бюргербройкеллере»⁴ и то меньше, а там стараются подражать старине. Вот бы сюда пивоваров из Мюнхена заслать, пускай посмотрят...

Итак, все оказалось правдой. Король Ричард вместе с принцем, черт бы его побрал, Джоном; англичане, ушедшие в крестовый поход, битва при Гастингсе, случившаяся чуть больше сотни лет назад... Бейлифы, рыцари, Нормандия, королевство Английское... «Семьсот пятьдесят один год, семьсот пятьдесят один год – колоколом билось в голове Гунтера, – но почему?! Какие силы вмешались? Ведь если судить по хроникам, сохранившимся с того, простите, с этого времени, если смотреть показания историков, которые сейчас еще не родились, а их предки носят либо кольчуги, либо холщовые крестьянские рубахи, то можно ли обнаружить единое упоминание о свалившемся с неба драконе по имени Люфтваффе и хозяине его Джонни? Из этого следует лишь одно: жить мне здесь ой как недолго... Нет сомнений – завтра, а то и этой ночью, меня схватят, как посланника сатаны, и вперед, на костер. Хорошо, если быстро. Могут и помучить. Инквизиторы. Проклятые...»

Вспомнилось, что инквизиции в конце двенадцатого века еще не существовало, но радости сей факт доставил немного. Не инквизиторы, так кто-нибудь другой, все равно прикончат.

Гунтер стекленеющими глазами оглядывал прочих гостей «Серебряного щита», не стесняясь изучал хозяина, наконец его взгляд кратковременно остановился на сэре Мишеле. Рыцарь тихо сидел напротив, поглощая кислый эль, и, видя, что с Джонни творится неладное, не беспокоил его. Лишь когда кружка германца показывала дно, заботливо подливал из кувшина.

...И все же сомнения оставались. Разум постепенно начинал затуманиваться пьяным маревом, но даже сквозь его пелену виделись странные, малообъяснимые несоответствия меж тем, что Гунтер знал из курса истории, и живой реальностью. В книжках эпоха крестовых походов смотрелась неприглядно: болезни, которые не умели еще толком лечить, а то и вовсе до смерти залечивали; истощенные, забитые крестьяне с выпавшими зубами из-за крайне скудного питания, опустошенные бесконечными войнами деревни; тощие, замороженные непосильной работой на барских полях лошаденки, от которых остались одни кости с натянутой на них кожей; толпы нищих, прокаженных и жутковатых калек на дорогах...

Это не двенадцатый век! Здесь все наоборот! Где гордые рыцари в посеребренных доспехах на могучих конях, где прикрытые гнилой соломой развалюхи и меченные оспой грязные дети, скрюченные, роющиеся в помойной яме в поисках более-менее съедобных отходов? Первый же встреченный рыцарь – в ржавой продранной кольчуге да лохмотьях, без меча, лошади и без шлема. Нет, шлем есть – пехотная каска германской армии образца 1935 года. С государственным гербом Третьей Германской Империи и партийным знаком НСДАП, вошедшим в этот герб.

⁴ «Бюргербройкеллер» – знаменитая мюнхенская пивная.

Бред. Господи, ну почему в Нормандии двенадцатого века эти вот «забытые крестьяне» своими довольными сытыми физиономиями да телосложением, какое не у всякого спортсмена увидишь, напоминают бравых инструкторов «Гитлерюгенда», что мелькают («мелькали...») едва не в каждом выпуске «Вохеншау»?.. Отчего те два красавца, вон, через стол, одетые в крашенную луком холстину, ничуть не напоминают о «мрачном Средневековье» и прочих инквизициях с крестоносцами, но смотрятся обыкновенными, нормальными людьми, зашедшими в придорожный трактир пива выпить («а пиво тут поганое, кстати. Не умеют в двенадцатом веке пиво варить...») да о делах своих средневековых побеседовать? А у сэра, как его?.. Мишеля?.. все зубы на месте, кроме нижнего клыка, но и тот не от плохой пищи выпал, а явно в драке потерял. Какой же это рыцарь, коли не мечом, а кулаками дерется?..

Гунтер, дотянувшись, пихнул сэра Мишеля кулаком в плечо, отвлекая, надо полагать, от мыслей о вечном.

– Эй, Мишель, сэр... – Язык у германца уже заметно заплетался. – Слушай, ты ж еще... ну молодой, да?

– Взрослый я! – повысил голос нормандец, по привычке шаря там, где должна находится рукоять меча. Изрядно поднабравшись, сэр Мишель снова приобрел свою обычную воинственность. – Между прочим, сэр Клайв Кип... Кимптон, из Англии, один мой знакомый, в свой первый поход в одиннадцать лет пошел. А я его почти на семь лет сейчас старше!

«Верно, – скользнула у Гунтера мысль, – во всех книжках было написано, будто в начале второго тысячелетия умирали молодыми по нашим меркам, но и выросли тоже не как в двадцатом веке, а значительно раньше...»

– Я не о том, – помотал головой Гунтер, – Ты, по моим понятиям, на самом деле молодой. И уже рыцарь. Как успел?

– Посвятили, опоясали... – неожиданно смешавшись, буркнул сэр Мишель, – старая история, неинтересная вовсе...

– Расскажи, – пьяно потребовал германец, сгибая шею.

– Потом, – еще более хмуро отрезал рыцарь. – Слушай, у тебя деньги остались?

Гунтер порылся в карманах, выгреб на стол все что было, включая ордена Курта Мюллера. Сэр Мишель нагнулся, почти лег на стол животом и принялся выбирать пальцем из кучи немногие серебряные монеты. Набралось десять марок. Пять монеток по две.

Пару штук рыцарь вернул Гунтеру, остальные же сгреб в ладонь и кликнул трактирщика.

– Эй, Уилли! Еще монета за эль прямо сейчас, а две за ночлег и выпивку с едой завтра утром!

Рыжий англосак подозрительно принял деньги, едва слышно рыкнул себе под нос неразборчивое, но явно крепкое словечко и, забрав пустой кувшин, вскоре вернул его полным.

– Вы, ваша милость, с... другом своим, на сеновале устраивайтесь, ночевать-то, – нахмурившись, сказал Уилл Боул, отирая залитые элем руки о рубаху. – Ночи нынче теплые, да и на сене спать куда приятнее, чем на лавке, в духоте...

– Пойдет, – рыгнул сэр Мишель, – прости, Уилл, нечаянно вышло.

Англичанин, скрывая в усах улыбку, отошел. Наплевав на удивленно-непонимающие взгляды хозяина и гостей «Серебряного щита», рыцарь подхватил задремавшего прямо на столе Гунтера, перебросил его руку себе на плечо и, не слушая протестующих стонов, потащил германца к сараю, в котором Уилли хранил сено для своих коров. Автомат, свалившийся с плеча повелителя дракона, рыцарь надел себе на шею, догадываясь, что вещь это нужная, раз драконий повелитель взял ее с собой.

После душного, пропитанного пивным духом, гарью и потом воздуха трактира сэр Мишель с наслаждением, полной грудью вдохнул свежей вечерней прохлады. Из-под двери мелькнула маленькая серая тень, и узкое кошачье тельце, стремительно метнувшись вдоль стены, юркнуло под бревна.

– Тьфу, нечистая, – прошептал сэра Мишель и, устроив тяжелую непослушную голову германца у себя на плече, чтобы не падала и не болталась, пошел через притихший двор к сараю, стараясь не сбиться с пути, не запнуться и не уронить Гунтера, так как был и сам навеселе, с нетвердыми ногами и блуждающим взглядом.

Даже по меркам сэра Мишеля Гунтер выпил слишком много...

«Господь и все святые, ну что ж он так убивается-то? – думал нормандец, втаскивая почти бесчувственное тело нового знакомого в низкую дверь сеновала. – Пускай дракон болен, или этого... во, бензину нет, но коли хочется Джонни в Германию вернуться, так я помогу. Это недалеко вовсе, не в Святую Землю идти, рядом... Если папенька денег даст, то и коня ему куплю. А вообще следует к отшельнику, отцу Колумбану, сходить. Вдруг присоветует, где можно у нас вина для дракона достать. Или сделать... Но как же в землях императора Фридриха Рыжебородого столько драконов развелось, а? Хорошо хоть прирученные, не дикие...»

Сэр Мишель свалил Гунтера на сухую, душистую траву исключительно неаккуратно. Германец приложился затылком о толстый столб, поддерживающий крышу, крепко выругался на родном языке и открыл глаза. Через щели в бревнах пробивался розовый свет закатного солнца, в лучах плясали пылинки, где-то у припотолочных балок слышалось густое жужжание – осы, устроившие в сарае Рыжего Уилли гнездо, возвращались на ночлег. А рядом стоял нормандский рыцарь, Мишель де Фармер, сын барона Александра де Фармера.

И был это двенадцатый век.

Опьянение почему-то исчезло, осталась нехорошая головная боль, усиливавшаяся при любом движении – будто в голове находился тяжелый свинцовый шар, катавшийся в пустом черепе и ударявший о его стенки. Мерзко.

Исповедь, значит? У бенедиктинцев? Нет рядом никаких бенедиктинцев, далеко они, не дойти. Придется выговориться ему, полоумному французу, помешанному на религии и доблестных подвигах, рыцарю... Хотя он-то как раз нормален, это меня сочтут за полоумного. Не сэра Мишель чужой в этом мире, но пилот Люфтваффе Гунтер фон Райхерт. Чужой. *Чужой...*

– Хотел знать, кто я? – невозможная дурнота, проговорил Гунтер.

– Ну?

Сэр Мишель с непривычной для него серьезностью, исподлобья посмотрел на германца, затем наклонился, взял его за плечи, устраивая поудобнее, и, скрестив ноги, сел рядом, подпирая подбородок кулаком. – Говори.

Солнце уже скрылось в водах Атлантики, взошла Венера, осветив мир бело-ледяным светом, не тающим даже в лучах луны, когда Гунтер закончил свою исповедь. Рассказал обо всем. От рождения в Райхерте, в 1915 году, до тринадцатого дня августа 1940-го.

Сэр Мишель слушал не перебивая. Как само собой разумеющееся принимал рассказы о Первой мировой, о Версальском мире, Республике, рожденной в Веймаре. О революции, лишившей трона императора Вильгельма. Внимал словам о невиданном унижении Германии, последовавшем за этими событиями, странными для его понимания. Выслушал про то, как Германия снова стала империей, про нового государя, Адольфа, про его невиданное возвышение, войну с королевством Польским, разгром Франции, начало битвы с Англией. И о случившемся в тот день *Невиданном*.

Все, от первого слова и до последнего.

Гунтер говорил почти не сбиваясь, складно, ровно. Он выплескивал на случайного знакомого накопившееся за последние годы и минувший день напряжение, сбрасывал носимые маски с себя и своего прошлого, впервые в жизни называя вещи своими именами. Выкладывал, не таясь, самые сокровенные мысли, терзавшие его в момент, когда винт «Юнкерса» распарывал воздух над Ла-Маншем. Теперь за такое никто не осудит, не появится неприятно, пугающе вежливый человек из *Geheimstaadspolizei*, живо интересующийся твоим воззрением на мир вообще и на политику партии и фюрера в особенности... Вокруг лишь Вселенная, которой по

большому счету на тебя наплевать, да сидит рядом самый что ни на есть обычный нормандский рыцарь, по имени Мишель. Рыцарь, не ведающий о государственной тайной полиции, о частях SS, о «фюрере германского народа, народном канцлере и рейхс-президенте Адольфе Гитлере», откровенно не понимающий, зачем Германский император Адольф решил завоевать весь христианский мир (будто сарацинов нет!)....

Но этот рыцарь знает о Святом Писании, помнит Законы Божьи, чтит не появившихся из темного ниоткуда призраков, а Вечный Римский Престол, наследующий апостолу Петру. И читал он не устав НСДАП, а Святое Евангелие, в котором истины ой как больше, нежели чем во всех уставах вместе взятых, сочиненных в двадцатом веке...

Поэтому сэру Мишелю, будущему барону де Фармер, довериться легче и естественнее, чем самому чтимому и уважаемому фельдмаршалу Вермахта или лэйтеру округа.

Некоторое время оба молча лежали в терпком сене. Со двора доносились негромкие ночные звуки – где-то под крышей трактира или хлева робко ухал сычик, в курятнике возились, потихоньку клохча, куры, переступали копытами лошади у коновязи. Из трактира доносился чей-то раскатистый храп. Вдалеке залаяла собака – залилась поначалу яростным лаем, даже взвыла, долго гавкала отрывисто, недовольно, постепенно успокаиваясь, потом смолкла. Внизу, под сеновалом робко мякнула пару раз кошка.

– Верить? – Гунтер, слегка смущенно поскреб ладонью подбородок, на котором уже проклюнулась рыжая щетина. – Ну скажи, верить?

– Верю, – твердо кивнул неожиданно протрезвевший сэр Мишель. Он и вправду поверил. Всему. А отчего – сам не знал. – Ты сейчас сказал, будто хочешь все изменить, так?

– Так, – кивнул Гунтер.

– Значит, сам Господь направил тебя по этому пути. Я так понял: у вас, через семьсот лет, ты ничего сделать не мог. Разве только этого нового императора на поединок вызвать?

– Ну? – нервно хихикнул Гунтер, представляя себе подобное.

– Тогда ваше будущее переменится, если ты, зная о нем, сделаешь нужное здесь, у нас.

– В прошлом? И что следует сделать нужное?

Сэр Мишель поморщился.

– Где прошлое? – слегка раздраженно сказал он. – Прошлое – это вчера, неделю назад, ну год, два... А сегодня-то самое обычное настоящее, если я правильно понимаю! Знать, не зря небеса послали тебя к нам вместе с драконом.

– Какой дракон?! – простонал Гунтер, хватаясь за голову. – Я же сказал, это – простое оружие, только летает. Техника, соображаешь? – Не понимаю, – честно признался рыцарь, – знаю только, что Люфтваффе живой. Мертвое летать не может и приказы не исполняет! И не рычит.

Сэр Мишель сдвинул брови, пригладил правой рукой волосы и, едва различая в ночной темноте лицо Гунтера, посмотрел на него внимательно. Нельзя оставлять его одного, никак нельзя – пропадет... Мало ли, скажет что не так, как положено благородному, его тут же и изрубят на куски. А парень он хороший, умный...

– Пойдешь ко мне в оруженосцы, Джонни?

Германец покряхтел, пытаясь сдержать смешок, но ответил честно. А если рассуждать здраво, ничего больше делать ему не оставалось. И потом, кроме сэра Мишеля, у Гунтера здесь не было никого. Если не считать Люфтваффе.

– Пойду.

...Луна зашла, лишь звезды продолжали источать тонкий мерцающий свет. Созвездия Лиры, Лебедя, Орла неизменно смотрели на землю. Наступил глухой час ночи, непроглядная тьма накрыла мягким пологом холмы, леса, деревенские домики, безлюдную дорогу и постоянный двор недалеко от замка сэра де Бреалья. В теплом, наполненном ароматами луговых трав чреве сарая слегка похрапывали двое: рыцарь и его оруженосец. И ни один не видел снов.

Глава четвертая Без тени удивления

Сквозь сон Гунтеру показалось, будто ко лбу на мгновение приложили ледяную примочку или по голове провели очень холодной ладонью. – Молодой человек, совершенно не следовало так сильно напиваться...

Чистейшая немецкая речь, с берлинским изысканным выговором. Голос тихий, приятный, принадлежащий мужчине уже в годах, но вовсе пока не старому.

«Психиатр... – появилась неожиданная мысль. – Госпиталь».

Гунтер резко сел, совершенно не ощущая похмелья – разум был чист и ясен, от головной боли или тошноты и воспоминания не осталось.

Нет, не госпиталь. Сарай Уилла Боула. Вот пожалуйста, сэра Мишель рядом дрыхнет непробудно, зарывшись с головой в сено. Где-то недалеко, в хлеву, надо полагать, лошади пофыркивают. Судя по всему, еще глубокая ночь. Тогда откуда свет?

Шагах в трех от Гунтера, на поперечной балке, скрепляющей поддерживающие крышу столбы, устроился пожилой господин с благородно-дворянским лицом, прищуренными глазами и щеточкой седых усов. Сей субъект и держал в правой руке глиняную плошку со вставленной свечой, слегка разгонявшей темноту язычком бледно-оранжевого пламени.

– Я прекрасно понимаю ваши чувства, – безмятежным голосом продолжал господин, строго глядя на растерявшегося Гунтера. – Не каждому, далеко не каждому дано пережить подобное, но с элем, точнее с его количеством, вы погорячились. Не делайте так больше, договорились?

Гунтер молчал, спокойно рассматривая незнакомца, а правая рука его медленно тянулась к кобуре. Это что же получается? Нормандия на месте, рыцарь никуда не делся, сарай тот же. Тогда откуда здесь взялся этот старый пижон, говорящий на немецком, будто на родном?

Человек осторожно поставил чашечку со свечой на бревно, поддержал ее слегка и, убедившись, что она не упадет в сухую траву, отпустил. Одежда говорящего по-немецки гостя роскошью не блистала, но выглядела добротной и явно была пошита умелым портным – белая рубашка, аккуратный накрахмаленный воротничок выглядывает из-под черного бархата камзола или короткой обтягивающей куртки. Сапоги, как удалось рассмотреть Гунтеру, незнакомец носил такие же, что и сэра Мишель, разве поновее да почище. Широкий пояс без украшений схватывал талию, а на нем, возле правого бедра, покоились скромные ножны, из которых выглядывала рукоять простого стального меча – узкого и длинного.

– Удивляетесь, отчего меч не там, где положено? – Невесть откуда взявшийся человек проследил за взглядом Гунтера. – Я, милейший господин Райхерт, левша.

– Совершенно не удивляюсь, – угрюмо бросил Гунтер. – Лучше извольте объяснить, откуда вам известно мое имя и какого черта вы здесь делаете? И потом, вы что – немец?

– Я? – Господин чуть нахмурился, словно раздумывая, и ответил: – Нет. Не немец. Просто недурно знаю язык. А касаясь вашего имени... Впрочем, давайте по порядку.

– Ну... – буркнул Гунтер, продолжая держать ладонь на твердой коже кобуры. – Только говорите потише, рыцаря моего разбудите. А то он у меня человек серьезный, драться полезет...

Гость снял бордовый бархатный берет, аккуратно положил рядом. Его коротко подстриженные волосы с щедрой проседью в свете огарка свечи отливали бронзой. Вытянув шею, он посмотрел на безмятежно посапывающего сэра Мишеля и усмехнулся углом рта.

– Быстро ж вы собственным рыцарем обзавелись. Не беспокойтесь, его нынче могут поднять ото сна одни лишь трубы Страшного суда. Я пришел беседовать не с очаровательным сэром Мишелем, а с вами. Нужно серьезно поговорить.

– Кто «я»? – начал закипать Гунтер. – Извольте сначала представиться.

– Не догадались разве? Поверьте, я известен вам под многими именами. Если позволите, я не стану сейчас перечислять их – это долго и малоинтересно. Называйте меня запросто – Мессир или Мэтр, так будет удобно вам и приятно мне. Кроме того, нужно соблюдать традиции. – Какие? – мрачно спросил Гунтер.

– Обыкновенные. Во-первых, называть меня по имени нельзя. Знаете же, что называя некий объект по имени, вы призываете к себе его сущность. Еще не хватало, чтобы вы меня дергали постоянно! Вы ведь неплохо знаете языки? Помните, как следует обращаться к знатному собеседнику? На лангед'ойль, северном наречии – «мессир», на лангед'ок, сиречь южно-французском диалекте – «мессен». Так меня и зовите. Поняли наконец? – добавил господин с легким оттенком нетерпения.

Гунтер помотал головой, прошелся пятерней по волосам, вытряхивая застрявшие соломинки. Хорошо: он уже почти поверил, что это двенадцатый век, кругом толпами бродят рыцари, сытые крестьяне и происходит прочая небывальщина. Но визит *САМОГО* – это чересчур. Очередная галлюцинация. Соответственно и обращаться с ней будем. Ничего опасного, галлюцинации не кусаются.

– Не верю я в вас, – только и сказал германец. И тут же на тыльной стороне правой ладони появился узкий глубокий разрез, быстро наполнившийся кровью. Боль появилась мгновение спустя, но она была настоящей, доказывающей реальность происходящего. Гунтер отдернул руку от кобуры, чтобы не запачкать одежду кровью, и несколько секунд ошалело смотрел на порез, будто оставленный бритвой.

– Не беспокойтесь, – послышался ровный голос Мессира. – Как только вы в меня поверите – царапина заживет. Ну, верите?

– Да!! – рявкнул Гунтер, все еще глядя на кисть, исполосованную кровью, казавшейся в полутьме черной. – Уверовал, черт бы вас задрал! – Это исключено, – убежденно покачал головой гость. – Подумайте хорошенько головой, ну как такое может произойти? Ладно, смотрите внимательно...

Мессир даже не шевельнулся, лишь мельком глянул на вытянутую руку Гунтера. Рана начала на глазах затягиваться, покрылась корочкой, потом она исчезла и остался тоненький розовый шрам. Спустя минуту от пореза не осталось и следа. Вся кровь будто испарилась. Расплывшись в самодовольной улыбке, Мессир закинул одну ногу на другую, облокотился о столб, некоторое время помолчал, наблюдая, как Гунтер вертит рукой, ошалело разглядывая гладкую кожу без малейших следов раны. Наконец он проворчал:

– Вот любопытно, вы действительно в меня не верили или просто придуривались? Скажете, что вы и существование... э... моей противоположности отрицаете?

Гунтер пока решил не подниматься на ноги, побаиваясь упасть. Галлюцинация привела доказательства своей реальности. Подводя итоги: днем меня перебрасывает незнамо куда, через уйму столетий, ночью является не кто-нибудь, а лично мессир, дьявол, к утру, очевидно, заглянет архангел Михаил и пригласит на завтрак к Господу Богу. Все, даю себе слово перестать удивляться. Пусть становится явью любой бред, но теперь буду принимать его как данность. Ничему не удивляться. Вообще.

– Эй, вы слышите, что я говорю? – слегка повысил голос ночной гость. – Третий раз спрашиваю, между прочим.

– Чего? – Гунтер поднял на него взгляд.

– Вы верите в Господа Бога?

– Не знаю, – привычно ответил Гунтер.

Мессир вздохнул, пригладил ежик седых волос и огорченно проговорил:

– Агностик... Все ясно. Будем работать.

– Над чем? – простонал германец.

– Выражаясь правильнее – над «кем», – тоскливо поморщившись, поправил Гунтера Мессир. – Над вами, разумеется. Юноша, неужто вы не понимаете, в какую идиотскую историю влипли по милости персоны, реальное существование которой ставите под сомнение? Да известно ли вам, что, прямо скажем, чудовищные и невероятные аномалии, наподобие закинувшей вас сюда, без вмешательства вот того... – длинный узловатый палец гостя проткнул воздух, указав в потолок, – ...не происходят! Такое даже мне не под силу. А столь грубое и бесцеремонное вмешательство в ход развития Большого Творения – люди, кстати, обычно именуют его Вселенной – не может остаться без последствий. Скорее всего, исключительно неприятных, вносящих разлад в общее течение его жизни.

– Ну что история идиотская, я давно понял, – согласно кивнул Гунтер. – А дальше? Почему вы убеждены, будто именно Господь Бог устроил эту... это... словом, зашвырнул меня сюда? Вдруг здесь виновно... – Явление природы? – ядовитым голосом продолжил сатана, когда Гунтер, подыскивая нужное слово, запнулся. – Скажете еще, что у себя, в двадцатом веке, читали Дарвина и убеждены в происхождении человеческого рода от обезьяны? Да вы шутник, герр Райхерт...

– Хорошо, если можете объяснить, в чем дело, рассказывайте, – сдался Гунтер. – Итак, что именно учинил Творец?

Мессир продолжил несколько раздраженно, будто объяснял азбучные истины ленивому университетскому студенту:

– Послушайте, я совершенно не представляю, зачем Ему это понадобилось. И понятия не имею, как именно ваш самолет перелетел через семь с лишним сотен лет. Наверное, сами потом разберетесь, если живы останетесь. Сейчас вы получили, господин Райхерт, абсолютно уникальную возможность узнать от меня другое, менее всеобъемлющее и глобальное – я исключительно редко общаюсь со смертными, других дел, знаете ли, хватает. Но сегодня я счел себя обязанным навестить Землю и пообщаться с вами. Задавайте вопросы. Их у вас много, я знаю.

Гунтер потер кончик носа указательным пальцем и призадумался. Ничего себе, можно поспрашивать о том о сем самого сатану, и ничего... *Ничего?*

– Пойдите, пойдите! Знаю я ваши штучки! – воскликнул Гунтер, прищурившись. – Ведь вы взамен что-нибудь попросите, не так ли? Душу там, например...

Мессир укоризненно посмотрел на германца, постучал средним пальцем себе по лбу и тоном ласкового наставника проворковал:

– Ну на хрена, простите за грубость, мне ваша душа? И других-то столько, что не представляю куда девать... – Он махнул рукой, пробормотав под нос что-то неслышное. – Все бесплатно. Поймите, мне просто интересно. Вчерашним днем во Вселенной произошло изменение, смысл которого вашему покорному слуге насквозь непонятен. Думаю, вы разбираетесь в субординации, чтобы догадаться – я не могу спросить о случившемся у моего вечного оппонента.

– Вас к нему не пускают? – участливо спросил Гунтер.

– Наподобие, – туманно отозвался Мессир, не отреагировав на колкость. – Прошу лишь одной награды за откровенность: потом вы ответите на мои вопросы. Идет?

– По рукам, – буркнул германец, немного подумав. Вопросов в голове вертелось множество, но все больше дурацкие. Например: «Сколько вам лет, мессир?» Или: «А в аду все действительно так, как описал Данте?» Впрочем, Алигьери-то нынче еще не родился... Наконец Гунтер мучительно сформулировал самый насущный вопрос и, опасаясь потерять мысль, выпалил:

– Где я сейчас нахожусь?

Мессир, судя по виду, с трудом подавил стон.

– В сарае. Вы удовлетворены ответом?

– Я другое имею в виду, – раздраженно сказал Гунтер. – Я спрашиваю, где вообще, в каком веке, в каком времени, на какой планете, в конце концов?!

Мессир нахмурился и после недолгой паузы выговорил:

– По порядку, начиная с большего: это Земля, двенадцатый век по вашему счету, Нормандия, земли короля Ричарда Плантагенета.

– Королевство Английское... – донеслось невнятное бормотание сэра Мишеля, зашуршало сено – рыцарь перевернулся на другой бок, почмокал губами и со счастливым вздохом затих. Гунтер едва подавил искушение двинуть Мессиру по холеной физиономии. Но субординация остается таковой даже при общении с силами потусторонними.

– Очень информативно, – раздраженно прошипел германец, бросая яростный взгляд на сатану. – Все это я вчера слышал сто раз, большей частью вон от того белобрысого разбойника!

Гунтер со злостью ткнул сэра Мишеля кулаком в спину, но тут же затряс ушибленной о кольчугу рукой. Рыцарь вопросительно проурчал, шевельнулся, но просыпаться не стал.

– А что вы еще хотите? – возмутился Мессир. – Самый обычный двенадцатый век, из настоящей истории, которую вы учили в школе. Вы спросили – я ответил. Не имею привычки говорить неправду.

– В самом деле? – ехидно осклабился Гунтер. – Врите больше...

– Нет, с вами абсолютно невозможно разговаривать, – вздохнул Мессир. – Другие вопросы?

– А как же! Расскажите, что мне делать теперь?

– Ну, – Мессир пожал плечами, – собственно, это ваши заботы. Я мало занимаюсь устройством людских судеб. Однако, ввиду исключительности вашего случая, могу пособить. Хотите, я дарю вам самое великое благо для человека – покой?

– Это что, в могиле? – съязвил Гунтер.

– Тьфу, какая узость мышления! – скривился ночной гость. – Ну отчего если покой, так обязательно в могиле? Кто вам сказал, будто там – покой? Вовсе и нет, там черви ползают, жуки разные, корни деревьев растут. Потом заявятся какие-нибудь гробокопатели, вытащат ваш череп и начнут его потрошить на предмет золотых зубов. Ах, у вас нет золотых зубов? Не важно... Разве это покой?

– Ну а что вы предлагаете? – заинтересовался Гунтер.

– Хотите я дам вам земли, замок, солидную родословную? Будете бароном, в Германии например, уважаемым человеком, никаких войн, холопских бунтов. Нет, если захотите, можете, безусловно, и на войну отправиться. Жену-красавицу заведете, кучу детей, собак, лошадей опять же. Охота, путешествия, турниры, если вдруг захотите научиться владеть здешним оружием. Зубы золотые... Не жизнь, а картинка. И предваряя назревающий вопрос, все даю абсолютно бесплатно. То есть – даром. Если мало – просите больше, мне не жалко, честное слово. Герцогская корона? Хоть десять! Трон? Можно подобрать кое-что, тронов сейчас в Европе навалом, и, между прочим, на каждом втором восседает жуткая бездарность. стыдно за помазанников. Причем отчего-то стыдно только мне...

– А потом? Дальше-то что? – напирал Гунтер.

Мессир, пожав плечами, ответил:

– А дальше – ваша любимая могила. Бессмертие, увы, при всем желании, предлагать не в моей компетенции. Вот после телесной смерти – пожалуйста, да впрочем, это ко всем относится. А шикарную фамильную усыпальницу без помянутых червей и жуков, долгую память благодарного потомства, пару строчек в мировой истории – обещаю твердо. Соглашайтесь, любезнейший герр Райхерт. Подобные приступы щедрости со мной редко приключаются, ловите момент!

Гунтер откашлялся, вскочил, спрыгнул со стога и заходил по земляному полу сарая, заложив руки за спину.

– Заманчиво, черт возьми...

– Не возьму, – хмыкнул сверху Мессир. – У меня и без того много. Решайте быстрее, рассвет скоро, а меня дела ждут.

«С чего ему быть столь щедрым? – стремительно мелькали мысли. – Дать так много и ничего не требовать взамен? Ох, сколько его ни описывали в литературе, никогда не бывало, чтобы дьявол занимался благотворительностью. С другой стороны, откуда литераторам известны его привычки? Ведь все это – предрассудки, бабушкины сказочки... Пойдите...»

Гунтер резко остановился и поднял голову. Сатана невозмутимо покачивал носком сапога, пристально изучая ногти на правой руке. Ждал ответа.

«Понял, что ему нужно! Болван, следовало сообразить сразу! Ничего взамен, говоришь? То-то ты прибежал в первую же ночь, начал совать жен, собак да герцогские короны с золотыми зубами! Зачем? Да чтобы я сидел себе в дальнем углу, наслаждался жизнью, „покоем“, чтобы меня не оказалось в нужное время, в нужном месте! Мессир сам признался – изменение произошло без его вмешательства и участия, соответственно я становлюсь фигурой, выставленной на игральную доску *ДРУГОЙ СТОРОНОЙ!* Я теперь принадлежу к партии этой стороны. Если Ему было необходимо привести меня в это прошлое-настоящее, значит, я нужен именно Ему, а не этому старому прохвосту. Не получится, у вас, сударь, меня изолировать, не надейтесь. Так-так... Впрочем, мы еще поторгуюемся!»

– Мессир! – окликнул Гунтер сатану. – Вы меня слушаете?

– Да-да? – с готовностью отозвался тот. – Надумали что-нибудь?

– Представьте, да! Не хочу замок и жену. И корону не хочу с тронem, не потяну – посредственность я.

– Бросьте, – изящно махнул рукой Мессир и любезно улыбнулся. – Я, кажется, совсем недавно говорил о бездарях, за которых мне стыдно. Вы к таковым не относитесь.

– Спасибо, – картинно раскланялся Гунтер. – Вот что. Прямо сейчас и прямо сюда извольте доставить соответствующую эпохе одежду, на меня и на моего рыцаря. Полный комплект оружия, хороших лошадей. Денег побольше. Пожалуйста, золотом, раз уж ничего для меня не жалко. И замените сэру Мишелю кольчугу, а то смотреть стыдно.

Последовала долгая тяжелая пауза, во время которой Мессир в упор смотрел на Гунтера, затем неловко прыгнул с балки, оказавшись прямо перед германцем. Гунтер широко улыбался.

– Вы уверены, – осторожно начал сатана, – что просите именно то, о чем мечтаете в данный момент и в данной ситуации? Необходимое в вашем, называя вещи своими именами, отчаянном положении? Подумайте заново, ради такого дела я могу и подождать. Учтите, это не двадцатый век, это не Германский рейх и не Франция. Вы не выживете здесь просто физически! Растолковать почему? Да очень просто! В эпохе короля Ричарда, уже успевшего вам настолько надоесть, сам образ мышления людей напрочь иной. Я не имею в виду научные или технические познания, свойственные вашему времени и отсутствующие сейчас, здесь. Посудите сами, вы совершенно не сумели наладить даже примитивного контакта с первым встречным человеком.

«Вранье! – подумал тут Гунтер. – Очень даже сумел!»

– Кстати, он, – Мессир указал взглядом на копну сена, с которой свисал стоптанный, заляпанный глиной, сапог сэра Мишеля, – для своего времени вполне типичный экземпляр. Пускай молодой де Фармер человек пропащий, пьянчуга и развратник, но поймите, даже с его образованным, по местным меркам, папенькой вы не сможете найти общий язык – разница в психологии, соображаете? Самая простая и невинная ваша фраза может оказаться смертельным оскорблением для них или их... – Мессир сказал следующие слова с оттенком презрения, – ...их примитивной веры. Вы умрете здесь. Вас повесят, убьют на поединке, забьют кам-

нями, утопят, отравят... Вы заболете оспой, чумой или проказой! В конце концов, немного погодя, сами удавитесь с тоски!

Сатана остановил свою пылкую речь, переводя дыхание. От его благодной любезности и следа не осталось – лицо покраснело, глаза злые и налившиеся кровью, даже губы подрагивают. Нервничает, бедняга... – Скажите, вы смертны? – неожиданно спросил Гунтер. Увидев, как Мессир отрицательно покачал головой и развел руками, вздохнул: – А жаль...

– Хотите проткнуть меня кинжалом? – сочувственно спросил сатана. – Или пристрелить из «Вальтера»? Перестаньте дурачиться, уймись. Это даже не смешно, скорее – жалко. Видимо, вы все-таки не представляете до конца, с кем именно имеете дело. Во всей Вселенной лишь Он один, – Мессир вновь указал в потолок, – могущественнее меня, и то ненамного. Пользуется преимуществом положения – творение не может быть совершеннее творца или равным ему...

– Что вы пытаетесь мне доказать? – тихо произнес Гунтер, склонив голову набок. – Насколько я знаю, свобода воли, данная Богом даже вам, суть основополагающая составная Творения. Вы, Мессир, используете эту свободу как желаете... Позвольте и мне действовать в соответствии с моими устремлениями, а не навязывайте троны и фамильные гробницы. Сказали, не выживу? Назло теперь буду стараться выжить. А баронство с женой и охотничьими собаками сам заработаю.

– Милый мой, дорогуша, солнышко! – ядовито-ласковым голосом заговорил Мессир. – Когда с вами беседую я, можно пойти и на уступки, на компромисс, на любовное согласие. Вас не заинтересовало, отчего я так хорошо осведомлен о делах вашего века?

– Отчего? – поднял бровь Гунтер.

– Я существую во всех мирах и в любом времени их. Для меня нет границ в пространстве и во времени. Я знаю все обо всех, кроме, увы, вас. Вы – странная загадка, объявившаяся ниоткуда. Только вчера утром все было просто и понятно – здесь были войны, идиотские крестовые походы, мелкие интрижки ничтожных королей, одним словом, обычная размеренная жизнь, виденная мною бессчетное количество раз. Везде. Вас здесь раньше не было, вот в чем дело. А теперь вы есть. А зачем – не знаю. И не забудьте, для стоящего перед вами Князя Ночи тысяча девятьсот сороковой год – такая же реальность, как и тысяча сто восемьдесят девятый, двухтысячный или пять тысяч триста второй, например. Повторяю, я знаю все, обо всем, всегда и во все времена. Но вас и случившегося вчера в истории Вселенной нет. Вы отсутствуете в конкретной истории конкретного времени. Предназначение некоего Гунтера фон Райхерта состояло в короткой, непримечательной жизни и гибели на рассвете тринадцатого августа тысяча девятьсот сорокового года. Английская пуля должна была пробить вам подключичную артерию, а самолет просто обязан был упасть в трехстах метрах от южного въезда в местечко Дартфорд. Есть такое, к юго-востоку от Лондона, совсем рядом с британским аэродромом, который бомбила ваша группа. Видите, как я хорошо обо всем осведомлен? Но, пускай такое невысказано, *Предназначение* не исполнилось... Почему? Зачем? Я докопаюсь до истины.

– Докапывайтесь, – пожал плечами Гунтер. – Кто вам мешает? Я-то тут при чем?

– Да при том, – совершенно теряя выдержку, прошипел Мессир в лицо германцу. – Представьте, что с роли статиста вас перевели на роль главного героя некой пьесы, без ведома зрителей и других актеров, одному режиссеру известно – для чего. А вот ассистента режиссера, отвечающего очень за многое, в том числе за ход и качество пьесы, известить об изменениях не соизволили. Быть может, режиссер обнаружил в статисте великого актера всех времен и народов? Не замечал. Но один актер, сколь гениальным он ни был, не сумеет вытянуть пьесу к триумфу. Должен быть еще один не менее талантливый артист, ну может быть два. Сейчас я не понимаю вас, не вижу... таланта, если возвратиться к моей метафоре. Вы правы, я действительно хотел вас изолировать. Почему? Да просто вы превратились в инструмент, способный в иных руках сокрушить равновесие, повернуть спираль истории в противоположную сторону.

Воображаете, что произойдет, если вы случайно убьете, ну например, предка Наполеона? Или канцлера Бисмарка? Игнатия Лойолы? Примеров можно привести сотни... Я не смогу удержать такой инструмент в руках и не позволю другим его использовать. А пока мировую историю можно удержать от необратимых изменений. Путь спектакль идет по predetermined сценарию. Уезжайте в баронский замок и живите спокойно.

Гунтер, медленно и тяжело роняя слова, произнес:

– А если я – талантлив? Гениален? Переплюну и помощника режиссера, и... самого автора пьесы?

Мессир схватился за голову, прошелся от одной стены до другой, пиная мелкие камешки, валявшиеся на полу. Гунтер заметил у него на затылке лысину. Наконец сатана остановился и произнес яростно:

– Вы болван, Райхерт! Переплюнуть, как вы изволили выразиться, меня не-воз-мож-но! Понимаете? Не говоря уж об авторе. Вы – статист. Извольте скромно держать салфетку и провозглашать: «Кушать подано!» Усекли?

– Пошел ты в задницу... – грубо ответил Гунтер. – Я сам знаю, что мне делать... Здесь.

– Ни хрена вы не знаете, – в тон ему отозвался Мессир. – И сдохнете, как собака. Готов душу заложить, только кому, не представляю...

Гунтер вдруг прыснул со смеху, поднеся ко рту кулак. Снова вспомнились книги. Тот же Данте. Джудекка. И вмерзший в ледяное озеро Враг.

– Что вы ржете? – поморщился Мессир. – Можете сохранить серьезность хоть на минуту?

– Вспомнилась одна вещь, – хихикнул Гунтер. – Простите, а где ваши рога и хвост?

– Дома, в шкафу! – гневно рявкнул Мессир. – Вас еще удивляет, отчего у меня нет пяточка? Почему не пахнет серой и не шныряют нетопыри под крышей? Повторяю исходный диагноз – вы болван! Рога с хвостом, адское пламя и прочие театральные эффекты оставьте деревенским священникам, пугать детишек да неграмотных прихожан! Что, захотелось посмотреть на меня в истинном обличье? Значит, испустите дух прямо сейчас. Я мало похож на человека, и ваши нервы могут не выдержать. Хотели – получите!

...Ослепительная вспышка больно ударила по глазам, белый мертвящий свет разлился вокруг, уничтожив в себе ставшие вдруг прозрачными стенки сарая, на мгновение осветил пустую Вселенную и рассеялся, оставив мерцающий ореол. Внутри бесконечной пустоты, дышащей ледяным мраком, полыхнул язык багрового огня. Разгораясь, пламя стремительно меняло цвет на ярко-красный, оранжевый, охристый, бледно-желтый, затем белый, голубоватый, вплоть до густого фиолетового, снова возвращавшегося в багровый. Свет лился тугим осязаемым потоком, пронизывая тело, просвечивая его насквозь, но не давая тепла. И вот самом сердце клубящегося пламенного облака возникла исполинская фигура в призрачных развевающихся одеяниях, будто сотканная из того же мертвого света, обнимавшего Вселенную, – силуэт, коронованный переливающимся кроваво-красным нимбом. В руке был зажат пронзительно черный жезл, и он казался живым – извергавшее потоки света создание удерживало извивающегося крылатого змея. Пятно мрака шевелилось, размывало судорогой свои границы, и Гунтер зачарованно следил, как полоса струящейся мглы обращает огненные сполохи в себя, в бездонную черную щель, поглощая краски подобно капле чернил. А вокруг сияло кольцо холодного, неживого огня.

Гунтер потерял ощущение времени, собственного тела, разум забивался потоками нисходящего от державшего жезл тьмы создания могущества... Мир исчез, растворился в жадно сосущем свет жезле, сгорел...

«Во имя Господа, да что же это такое? – промелькнула мысль, чудом пробившись сквозь плотный поток чужеродной силы. – Это он? Почему свет? Не тьма?»

Медленно возникла догадка, закрепились в сознании.

... Сэр Мишель, кубарем скатившись с сеновала, прыгнул к Гунтеру, рванул его за плечо.

– Что это такое? – послышался его сдавленный голос. – Что ты тут наделал? Кто этот...

– Люцифер, Ангел Света, – выдавил из себя Гунтер. – Вот он, каков есть.

– Откуда он тут? – прошептал сэра Мишель, озираясь и не находя вокруг привычного мира, который был здесь еще вчера вечером. Или это было не вчера? Вокруг теперь только холодный свет, пронизывающие потоки пламени, незаметно для глаза меняющие цвет – миг назад красные, и вдруг понимаешь, что они уже стали темно-фиолетовыми, а потом – желтыми, почти белыми, багровыми... И страшная фигура с поглощающим свет, змеящимся жезлом в руке... Что это – тень конца мира? Призрак Апокалипсиса?

И пала тьма. Все исчезло, радужные переливы поблекли, сгинула фигура титана, свернулся в неприметную точку жезл, начали возвращаться запахи, звуки, появилось осязание. Остался сарай для сена, принадлежащий трактирщику Уиллу Боулу. И стоял рядом высокий седовласый господин в камзоле черного бархата. Сэр Мишель держался за плечо Гунтера сзади, ровно боясь упасть.

– Ну, насмотрелись? – надменно спросил он, скрестив на груди руки. – Однако не ждал, что ваших душевных сил хватит выдержать подобное зрелище. – И, наклонившись к Гунтеру, он доверительно прошептал: – Мне и самому иногда страшно бывает...

Слегка кивнув головой, Мессир развернулся на каблуках, подошел к балке, на которой сидел, снял оттуда берет и, тщательно очистив от былинки и пару раз встряхнув, аккуратно надел на голову.

– Что ж, – сказал он, потирая руки и зябко поеживаясь, – жаль, очень жаль. Я полагал, наш разговор будет более содержательным, а вы, герр Райхерт, окажетесь благоразумнее. Значит, не судьба.

Сэр Мишель по-прежнему стоял за спиной Гунтера, осторожно выглядывая из-за его плеча. Особого страха, впрочем, он не испытывал. Мессир, почувствовав на себе взгляд рыцаря, глянул на него свысока и скривил губы в усмешке.

– Голова с похмелья не болит? – осведомился он чуть издевательским тоном. – И вообще, какого... гм... дьявола, ты вылез и вмешался в беседу, не предназначенную для твоих ушей?

– Разбудили, – прогудел сэра Мишель, но глаз не отвел, пускай и очень хотелось.

– Бедняжка... – покачал головой Мессир. – Дорогой мой, а знаешь ли ты, что самая большая неприятность твоей жизни стоит перед тобой и ты даже держишься за нее?

– Не за тебя вовсе, я за Джонни держусь, – набычившись, проворчал сэра Мишель, медленно сняв руку с плеча Гунтера, шагнул вперед и встал рядом со своим оруженосцем. Прекрасно понимая, кем является высокий седой господин, рыцарь почти панически искал в памяти слова экзорцизмов и в то же время выискивал взглядом что-нибудь тяжелое на случай драки. Экзорцизм вспомнился раньше.

Мессир, очевидно собираясь подольше полюбоваться медленно закипающей яростью двух людей, скрестил на груди руки и расставил пошире ноги. Сэр Мишель начал произносить шепотом форму изгнания беса, а ночной гость скорчил такую физиономию, будто собирался заплакать или разжевал целый лимон.

– Ну что за безмозглая молодежь! – простонал он и махнул рукой. – Юноша, вы надеетесь пронять меня *этим*?

Сэр Мишель сбился, пробормотал невнятное ругательство и, не выдержав, вдруг прыгнул к сатане и завопил прямо ему в лицо:

– Катись отсюда, старый козел!!

Знакомый с электричеством Гунтер позже сравнивал исчезновение Мессира с выключением киноаппарата. Только что изображение было тут, а едва раздался крик рыцаря, поздний визитер исчез, как выключился. Правда, несколько мгновений висел в воздухе легкий, почти неразличимый дымок, но и тот рассеялся без следа.

– Изгнание дьявола... – Гунтер неожиданно для себя расхохотался. Веселья в его смехе было куда меньше, нежели истеричности. – Экзорцизм... Лихо ты его уделал!

– Это... – Сэр Мишель утер ладонью пот со лба и шумно выдохнул: – Джонни, это все правда?

– Разумеется! – все еще сотрясаясь от нехорошего нервного смеха, подтвердил Гунтер. – А ты, небось, подумал, я тут, пока ты спал, черту душу продал?

– Нет конечно! – возмутился сэр Мишель, но потом тихо спросил: – Честно, не продал?

– Идиот! – сплюнул Гунтер. Он желал добавить пару-другую словечек покрепче, но неожиданно внимание привлекло некое движение наверху, там, где осталась стоять площадка со свечой.

– Иисусе! – прошептал сэр Мишель, поднося ладонь ко лбу. Рядом с чашкой, из ничего возникла рука со сложенными будто для шелбана пальцами. Простая кисть руки, существующая сама по себе. Указательный палец распрямился, щелкнул по глине подставца, площадка накренилась и, медленно-медленно вертясь в воздухе, полетела вниз, выплеснув вспыхнувший еще в полете расплавленный воск.

– Для начала... – послышался тихий вкрадчивый голос Мессира. – Первый подарок. От меня. Вам, господин Райхерт вместе с вашим, как вы выразились, собственным рыцарем. Расхлебывайте...

Гунтер и сэр Мишель несколько секунд наблюдали, как широкая полоса огня быстро поползла к стогу сена по разбросанным пучкам сухой травы, затем пламя охватило стог и взметнулось к потолку. Прежде чем сорваться с места и сломя голову выбежать из горящего сарая, Гунтер ухватил хладнокровную мысль: «А ведь этот господин мелочен, словно приказчик какой-нибудь... пакости мелкие строит. Несolidно, ой, несolidно!»

Они выбежали во двор, и тут Гунтер взвыл, схватившись за голову:

– Автомат!

И не успел шагу сделать, как сэр Мишель, ни на секунду не задумавшийся о том, что это – «автомат», конечно, та железная штукавина, и оруженосец дорожит ею пуще, чем он сам своим мечом, глухо рыкнув, кинулся обратно.

– Куда?! – только и успел крикнуть Гунтер. Рыцарь, прикрыв голову скрещенными руками, нырнул в адскую смесь огня, летучих искр и жара, исчезнув в облаке белого дыма.

«Начинается, – с ужасом и злобой одновременно подумал Гунтер. – Вот вам первая смерть, в которой виновен буду я...»

Некоторое время германец боролся с искушением самому броситься за сэром Мишелем и вытащить его, но рассудок решительно тому воспротивился. Огонь вырвался наружу сквозь щели в бревнах, сухое дерево быстро загорелось, огромные языки пламени лизали стены. Из дверей трактира выскочил Рыжий Уилли, в одном исподнем, за ним высыпали разбуженные треском горящего дерева и гулом огня постояльцы «Серебряного щита». До слуха Гунтера долетел отчаянный вопль хозяина:

– Пресвятая Дева! Что же это делается? Мой сарай! Этот ублюдок Фармер спалил мой сарай!

...И сэр Мишель кубарем выкатился из горящего дверного проема, рассыпая вокруг себя искры, яростно откашливаясь, ругаясь, отплевываясь и крепко сжимая в руках Гунтерову стрелялку. Одежда на рыцаре дымилась, волосы обгорели на концах, лицо перепачкано в саже.

– Кольчуга! – ревел сэр Мишель, катаясь по земле. – Кольчуга!

Гунтер неведомо как сообразил, что железные кольца брони раскалились, и немедленно пришел на выручку нормандцу способом не слишком достойным благородного сэра, но весьма действенным. Чертыхаясь, он с натугой приподнял огромное корыто с заготовленным наутро пойлом для свиней и выворотил его на стонущего сквозь зубы сэра Мишеля. Раздалось тихое

шипение, рыцарь некоторое время полежал, не двигаясь, затем приподнял мокрую, отвратительно грязную голову и, сплюнув, произнес:

– Послал Господь оруженосца...

– А ты хотел зажариться? – зло рявкнул Гунтер. – Кто тебя вообще просил лезть в огонь?

Сэр Мишель ничего не ответил, поднялся на ноги, обтекая вонючей жижей, и уставился на хозяина «Серебряного щита»; Уилли, поняв, что сарай уже не спасти, мигом раздал постояльцам горшки, кадушки, бадьи, все подходящее, найденное в доме. Теперь все, черпая воду из бочек, поливали стены построек, стоящих рядом с сеновалом. Если б не это быстрое, здоровое решение хозяина – гореть бы всему двору. Сам Уилли, размашисто выплескивая из кожаного ведра воду на бревна хлева, надрывно орал:

– Завтра же к господину Александру пойду! Ужо он штаны вам спустит да научит умуму! Это ж додуматься – все мое хозяйство, нажитое таким трудом, едва не разорить!

– Двинулись отсюда, а? – попросил Гунтер, но сэр Мишель, решительно мотнув головой, дал понять, что уходить никуда не собирается, пока не восстановит справедливость. Рыцарь приблизился к раскрасневшемуся, потному Уилли и спокойно произнес.

– Это не я поджег сарай – сатана!

– Ага, а бесенята ему помогали... – выдохнул Уилл, будто нарочно плеснув на бревна воду так, что она обрызгала и без того промокшего до нитки сэра Мишеля с ног до головы.

– Говорю тебе, здесь был Нечистый! – продолжал гнуть свое сэр Мишель. Тут Уилл медленно опустил ведро, пристально всмотрелся в глаза рыцарю и скрипнул зубами. Гунтер заметил, что двое пожилых, замкнутых монахов в светлых рясах цистерцианцев, работавших поблизости, тоже прекратили лить воду из горшков и настороженно покосились на рыцаря, собиравшегося снова повторить свои жуткие слова.

Гунтер почувствовал, что не миновать еще одному пожару, на сей раз в сердцах искренно верующих в силы потусторонние жителей двенадцатого века. Правильно говорил Мессир, психология у них совершенно иная, а логика – железная. Говорил с сатаной – значит, его слуга!

– Так ты привадила на мой двор нечистого? – процедил сквозь зубы Уилли, крепко стиснув кулаки. Сэр Мишель, ничего не замечая, открыл было рот для возмущенной напыщенной реплики, но Гунтер, поняв, что сейчас настало время действовать, а не стоять истуканом, решительно шагнул к рыцарю, тяжело опустил одну руку ему на плечо, другой стиснул шею сзади так, что сэр Мишель захрипел от неожиданности.

– Молчи, – прошипел германец на ухо рыцарю и, подняв глаза на Уилла, больше всего напоминавшего сейчас быка, перед которым долго трясли красной тряпкой, любезно осклабившись, старательно выговорил на старофранцузском: – Мсье, мой друг перебрал лишнего да еще и угорел малость. Неужели вы сами никогда не допивались до зеленых чертей в глазах?

– А ты кто такой? – Уилл, поигрывая желваками, едва не рыл носком сапога землю.

Гунтер (была не была!) решил врать напрапалу:

– Я рыцарь из Германии, барон Райхерт, – и добавил низким и сколь возможно величественно-надменным голосом: – Не заставляйте меня поступать с вами неблагородно. Я же сказал, мой друг выпил лишку, вот и чудилась ему всякая непотребщина.

С этими словами Гунтер резко отшвырнул сэра Мишеля назад, так что рыцарь, поскользнувшись в луже свиного хлебова, упал. Уилл внезапно смешался, отступил назад, наклонив голову, и буркнул:

– Так кто ж знал... У вас, сударь, на лбу благородство поди не написано. Меча вот нету, без коня пришли. За кого хочешь принять можно. А другу вашему скажите, что батюшке его все доложено будет. Сарай по пьяни пожгли... Нехорошо. Не вы ж сарай строили, а я, вот этими руками. – Он ткнул в Гунтера огромные ручищи, узловатые, грубые. – Денег с вас, опять же, просить без толку...

– Правильно, нет у нас денег! – закончил за него Гунтер, круто развернулся, показывая, что не намерен больше беседовать с простолюдином, поднял с земли автомат, подошел к сэру Мишелю, все еще сидевшему в вонючей луже, и протянул ему руку.

– Вставай, сэр, пошли отсюда.

Рыцарь смотрел со злостью, тяжело дыша от обиды, руку оттолкнул и поднялся сам.

– Я из-за твоей паршивой железяки в огонь лез, а ты... – Он шмыгнул носом и резко вытер его тыльной стороной ладони снизу вверх. – Не нужен мне такой оруженосец. Да с такими приятелями. Иди вот к *нему*, уголья таскай для котлов...

Гунтер пожевал губами, сдержал почти неодолимое желание двинуть сэру Мишелю по перемазанной сажей и помоями физиономии и просто вздохнул.

– Дурак ты, – сказал он. – А еще рыцарь. Пойдем, в лесу переночуем.

Гунтер по-военному резко развернулся в сторону дороги и зашагал, не оборачиваясь. Сэр Мишель постоял, машинально приглаживая слипшиеся волосы, махнул рукой да и потопал за «германским рыцарем и бароном». Нагнав, пристроился рядышком, пытаясь попасть в ногу.

Молчал долго, сосредоточенно сопя, покуда не вышли к границе леса, темной стеной вставшего на пути, по обе стороны Алансонского тракта. Тут только сэр Мишель дернул Гунтера за рукав и хмуро выговорил:

– Ладно, оставайся. Не буду тебя из оруженосцев гнать. А ведь шлем в сарае остался... Жалко, хороший был, пускай и без забрала.

* * *

Прежде Гунтер был уверен – климат Нормандии да и вообще северной Франции исключительно мягок. Летом здесь должно быть тепло. Даже ночью. Теория теорией, но истинное положение вещей оказалось прямой противоположностью старым домыслам. Августовская ночь оказалась прохладной, точнее просто холодной, легкий, почти незаметный ветерок пробирал, однако до костей, а комары (совершенно такие же мерзкие, как и семь столетий спустя) спать не давали напрочь. Промучившись до времени, когда небо на востоке начало светлеть и в лесу стало возможно ходить без риска выколоть себе глаз веткой или свалиться в яму, Гунтер поднялся, дрожа от холода, набрал влажного от росы хвороста, утоптал место для костра и, воспользовавшись своей зажигалкой, разжег сильно дымящий, но согревший его костер. Привычный к ночевкам под открытым небом сэр Мишель спал беспробудным сном, забившись под корни вывороченного бурей большого дерева. Гунтер согревался то от костра, то ломая новые порции топлива. Наконец, натаскав к костру достаточное количество веток, способных поддерживать огонь не менее получаса, германец уселся поразмыслить. Благо было о чем.

«Значит так, разложим все по полочкам. Денек был насыщенный, памятный. Сутки с вылета с аэродрома под Бланжи-сюр-Брель прошли – сейчас уже половина пятого утра на часах. Бог-то с ним, с перемещением в прошлое – привык, притерпелся и почти приспособился. И, что характерно, не воспринимаю теперь случившееся как свою болезнь или заблуждение: вокруг в действительности эпоха крестовых походов и до ближайшего телефона на самом деле добираться лет семьсот. Не проживу столько. Сомнений, однако, хоть пруд пруди: всю жизнь пребывал в уверенности, что силы потусторонние, если даже существуют, то находятся очень далеко да в дела людские предпочитают не влезать. А тут – на тебе! – является лично Князь Тьмы,

<его не бывает...>

причем является тотчас, едва ты успел появиться в этом мире. Мире? Времени?

Как же так? Без сомнения, данный исторический период нашей Земли вполне соответствует

<по большей части. Или не соответствует?>

моим представлениям о раннем Средневековье. Рыцари в наличии, баронства, трактиры всякие, мечи, кольчуги, вешают кого-то едва не на воротах храма... Забавно... Однако в голове совершенно не укладывается откровенная чертовщина, творящаяся вокруг. Здесь. Несомненно, кто-то из философов указывал, будто нелицемерная и искренняя вера способна не только вершить чудеса, но и воплощать в реальность объект веры... Может, оттого и припожаловал ко мне вежливо-язвительный пожилой господин, назвавшийся Мессиром? А в наше время, насквозь пронизанное духом материализма, в эпоху потери веры и в Бога и в черта, бедный Мессир попросту потерял возможность обретать видимую форму и говорить со смертными? Или вообще перестал существовать? Погодите, погодите, вроде было сказано, будто для его сущности все времена нашего мира лишь мгновение, но мгновение реальные, бесконечно повторяющиеся... Вот и думай теперь.

Итак, если Мессир не врал, я очутился в прошлом по прямой воле Господа Бога. Но зачем? Творец желал спасти кого-то от предрешенной гибели там, в Британии двадцатого века и вышвырнул самолет куда ни пришлось? По-моему, проще было угробить меня прямо там, направив пули англичанина не в Курта, а мне в голову. И вообще, если Высшей Силе приходится утруивать настолько сложные... перестановки, изменения, вместо того, чтобы одним движением воли

< Разума? Духа? >

испепелить носителя угрозы для некоего человека, нужного ему там, то встает закономерный вопрос: кто же на самом деле властвует над миром? А не значит ли это, что великое творение вышло из-под контроля Творца? Ожившая Галатея... Если судить по последним событиям сорокового года, то начинает складываться впечатление, что Мир, вырвавшись на свободу, потеряв управление, катится в бездну хаоса...

Все начало ломаться с Великой французской революцией. Именно тогда впервые появилось красное знамя – цвет свободы. Свободы не только от авторитарной власти, человеческой, но и от неземной – и Господней, и сатанинской. Вся страна была охвачена бесцельной борьбой, освобождением от несуществующих оков. Летели головы невинных, все преступление которых состояло в «голубой крови», опьяненная и ослепленная безнаказанностью толпа вершила суд. И не последовало возмездия... Потом весь мир внезапно охватил красный огонь. Гражданские войны в Америке, Германии, России... Брат убивает брата, отец – сына, любимая – возлюбленного, и поводом служат не дела и поступки, как было во все времена, а пустые слова, эфемерные идеи, нелепые суждения...

А теперь

<тогда...>

красные знамена полощутся над половиной мира, причем лучшей, и вся разница между ними лишь в партийных символах, вышитых на ткани.

На престолы восходят не помазанники Божьи, великодушием и мудростью приближающиеся ко Всевышнему, а жалкие отпрыски рода человеческого, малодушные неудачники, мучающиеся комплексом неполноценности, параноики, единственная цель которых – реванш за страдания молодости и избавление от страха преследования, путем уничтожения „врагов“, без суда и следствия, просто слепо повинувшись малейшему подозрению. Кроме того, они умеют красиво говорить и объяснять свои капризы высокими побуждениями, а преступления – стараниями на благо народа. И самое страшное – люди верят... Овечье стадо взбунтовалось и перестало слушаться Пастыря, а поскольку неискоренимая привычка подчиняться и следовать за „перстом указующим“ взяла верх над умом, овцы, испугавшись свободы, за которую так отчаянно боролись, побежали за первым встретившимся на пути волком. И шли за ним, восторженно бляя, радостно погибая в волчьих клыках, покорно принимая волчьи законы...

Ты возжелал изменить свое тогдашнее „настоящее“? Вот и появилась возможность. Мессир, похоже сам того не желая, подсказал путь. Остается отыскать прадедушек да прабабушек

<ни в чем не виноватых!>

помянутых „волков“ да прирезать... Или как? Зачем я здесь, именно в этом году, в этом дне, именно в Нормандии, а не в Британии, Италии или Египте? Если уж сам сатана не сумел ответить, то кто окажется способен?..»

Костер догорал, и Гунтер впихнул в огонь последние ветки. Уже рассвело, серебристое небо на востоке приобрело золотисто-розовый оттенок – скоро из-за холмов появится солнце, рассеивая теплыми лучами утреннюю прохладу. Гунтер посмотрел на мирно посапывающего рыцаря. Надо бы разбудить его, а то скучно и мысли невеселые одолевают. Подойдя к вывороченному дереву, германец взялся за толстый, торчащий вверх корень и с силой рванул к земле.

Сэр Мишель, разбуженный громким треском ломающейся древесины, недовольно заворчал, просыпаясь, некоторое время поворочался, видимо пытаясь снова задремать, а затем сел потянувшись и осоловело уставился на Гунтера.

– Зачем огонь, когда еды нет?

– Холодно... – ответил германец, переламывая ногой особо прочную ветку. Пока Гунтер бродил по окрестностям, у него зрела одна мысль, претворить которую в реальность было возможно лишь имея источник тепла. Шагах в двадцати от импровизированной стоянки Гунтер обнаружил небольшой, заполненный прозрачной водой, овражек с чистым дном, устланным прошлогодними листьями. Сэра Мишеля было просто необходимо искупать. А без костра рыцарь непременно замерз бы, а потом и вовсе заболел.

«Заболел? Вот уж не думаю, – усмехнулся про себя Гунтер. – Это ты, не спав почти двое суток, едва держишься на ногах, а наш сэр, наплевав на все события, начиная от явления Люфтваффе и заканчивая аутодафе, которое по нашей милости устроил сараю милейший Мессир, дрых как ребенок. И, кажется, совершенно не замерз. Все правда, другие они...»

– Эй, сэр! – начал было германец, но сэр Мишель недовольно перебил:

– Не зови меня так – «эй»! Сэр рыцарь – можно, сэр Мишель – тоже, просто Мишель, наконец. А у тебя непочтительно получается.

Гунтер поморщился, но тут же сказал себе, что в этой «пьесе» и в самом деле следует подавать реплики согласно сценарию. Ведь не назовешь же командира дивизии ВВС «ваша милость»?

– Ладно, потом обсудим... наименования (аналога слову «субординация» в норманно-французском германец не нашел). Тебе не кажется, что ты... испачкался?

– Кажется, – согласился сэр Мишель, – А что делать, если собственный оруженосец купает тебя в помоях?

– Помыться! – твердо заявил Гунтер. – Я и местечко присмотрел. Тут рядом. Только прежде чем полезешь в воду, напейся, а то потом вода грязной будет. Пойдем со мной.

Рыцарь нерешительно встал, критически осмотрел свои скверные одеяния, прекрасно понимая, что благородному сэру так выглядеть не пристало, и осторожно двинулся за Джонни.

Ямина была неглубокой, так что плохо плававший сэр Мишель, утонуть не боялся. Единственно, не хотелось мокнуть заново, да еще в холоднющей воде. Утро-то свежее...

– Давай раздевайся, полезай в воду, – скомандовал Гунтер, наблюдая за нерешительно мявшимся у берега овражка рыцарем.

Сэр Мишель хотел ответить, потом подумал, что благородному сэру не след спорить с нерадивым слугой, расстегнул свой широкий кожаный пояс с пустыми ножнами, поднял руки и приказал:

– Помоги мне снять кольчугу!

– С удовольствием! – Джонни потянул кольчугу за воротник. – Тьфу, пропасть! Ты что, вовсе никогда не мылся?!

Обратив внимание на брезгливый взгляд Джонни, сэр Мишель оглядел себя и одернул грязно-серую рубаху.

– Тебе что-то не нравится? – спросил рыцарь, казавшийся без кольчуги голым. – Ну упал я год-полтора назад тоже в лужу – озеро отбросов в каком-то городишке, пришлось потом еще и в реку лезть... Мыться! Как-никак я к даме шел...

– Бедная дама... – задумчиво пробормотал себе под нос Гунтер, – хотя и она, наверно, благоухала под стать кавалеру. Да все они здесь такие...

– Что ж, все приходится делать самому! – воскликнул сэра Мишель, с воинственным видом твердой походкой вошел в воду, но тут же с шумом вдохнув, выскочил обратно.

– Холодная... прямо лед! – жалобно посетовал рыцарь, зябко передернув плечами.

– Марш в воду! – не выдержал Гунтер и, зажав двумя пальцами нос, затолкал свободной рукой сэра Мишеля в воду.

Растопырив руки и ноги, рыцарь влетел в овражек, скрылся с головой, но моментально вынырнул, фыркая и отдуваясь.

– Ну как водичка? – съехидничал Гунтер.

– Мокрая, – брезгливо выдохнул сэра Мишель. Содрав с себя одежду, он кинул ее к ногам Гунтера и принялся ожесточенно тереть руки, плечи, бока, подмышки, шею, окунаясь с головой.

Намывшись, сэра Мишель выпрыгнул из воды и, подбежав к костру, начал скакать вокруг него, приседать, махать руками, согреваясь. Гунтер посмотрел в его сторону, и на краткий миг его взяли сомнения насчет века, в котором он очутился. Ни дать ни взять пляшет вокруг костра косматый пещерный дикарь, чудом догадавшийся нацепить драную набедренную повязку...

– У тебя разве на нормальную одежду совсем денег нет?

– Да зачем? – пожал плечами сэра Мишель. – Когда домой к папеньке возвращаюсь, беру другую.

– Больше вопросов не имею.

* * *

...Семь лет назад, когда сэру Мишелю едва исполнился десяток, папенька, барон Александр, взял старшего сына с собой в Руан, на турнир, проводимый к празднику Пятидесятницы. Барон Александр вместе с супругой восторженно смотрели на ристалище, а юный Мишель, каковой и пяти минут не мог усидеть на месте, несмотря на интереснейшие бои между самыми знаменитыми рыцарями Англии и Франции, отправился рассматривать шатры гостей и участников турнира.

Шастая между роскошными палатками, разодетыми оруженосцами и слугами, великолепными породистыми лошадьми, нетерпеливо грызущими удила, он вдруг услышал отчаянный животный визг. Побежав на звук, он увидел возле синего шатра, расшитого золотыми лилиями, мальчишку примерно его возраста, разряженного в бархат и парчу. Маленький пижон с любопытно-злорадствующим выражением лица держал за хвост неистово извивающуюся бело-черную собачку. Несчастное животное скулило и огрызалось, пытаясь достать обидчика, но тот, едва зубы задевали его кожаную перчатку, с силой встряхивал собачку, и она заходила в крике.

Мишель шагнул к малолетнему извергу, не тратя времени на слова, с силой толкнул его в грудь, и мальчишка, все еще не выпуская свою жертву, попятился назад, пытаясь устоять, наткнулся на вовремя подставленную ногу и полетел наземь. Воспользовавшись тем, что ему пришлось разжать ладонь, собачка вывернулась и стремительно удрала.

Молодой Фармер, хорошо помня папины наставления насчет куртуазности и этикета, небрежно кивнул и поучительным тоном, старательно подражая барону Александру, произнес:

– Надеюсь, впредь, любезный сэ, вы не будете причинять муки бессловесным тварям, ибо написано: «Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»⁵.

Неизвестный мальчишка проворно вскочил, отряхнул свое платье и, трясаясь от злости, но также не забывая об этикете, проговорил сквозь зубы:

– Обойдусь без ваших нравоучений!

– Совестно так обращаться с Божьей тварью! – рявкнул сэ Мишель, возмущившись, а мальчишка, не обратив внимания на его возглас, продолжал:

– Кто вы такой, чтобы поднимать руку на герцога де Валуа? Да я велю своему отцу вызвать вашего на поединок, и ручаюсь головой, ваш папенька погибнет в первой же схватке!

Некоторое время они гневно сопели друг на друга, Мишель – в своей любимой позе – подбоченясь и задрав подбородок, а отпрыск Валуа – исподлобья, поскрипывая зубами. Наконец последний нашелся, что сказать, и, прищулив глаза, ехидно спросил:

– А может быть, у вас вообще нет отца? Вы бастард?

После этих слов Мишель, недолго думая, двинул юному герцогу де Валуа по спесивой откормленной физиономии. Драка завязалась нешуточная. После того как сын барона де Фармера выплюнул выросший на месте молочного зуб, стало ясно – Валуа не жить. Последствием очередного удара Мишеля явилась потеря наследником светлейшего герцога сразу двух зубов, причем, что самое обидное, передних. Стоявшие рядом оруженосцы, поначалу не обратившие особого внимания на мальчишескую потасовку, заинтересовались и подошли поближе с намерениями рязнять драчунов. Но события приняли неожиданный оборот.

Мимо катавшихся по траве, злобно рычащих друг на друга сорванцов проходил в сопровождении нескольких вооруженных дворян пожилой невысокий человек в богатой кольчуге с золотыми накладками. С неожиданной для его возраста легкостью он ухватил обоих мальчишек за шкурки, резким движением поставил на ноги и, продолжая удерживать их, все еще рвущихся в бой, строго спросил:

– Что не поделили, господа?

Мишель ответил первым. Искоса взглянув на незнакомого рыцаря, он угрюмо буркнул:

– Мы поспорили об одной цитате из Святого Писания.

– Хорошие мальчики, – хмыкнул рыцарь. – Я могу прислать к вам своего духовника, чтобы он растолковал спорный момент. Хотите?

– Сами разберемся! – прошипел Валуа.

– Я уж вижу, как вы разбираетесь! – улыбнулся незнакомец.

Слух о том, что молодой де Фармер сильно покалечил, если не убил насмерть потомка французских герцогов и родича самого короля Людовика Капетинга, с быстротой молнии прокатился по ложам у ристалища и достиг ушей барона Александра. Побледневший Фармер-старший кубарем скатился с трибуны, оставив супругу на попечение оруженосца, и бросился к шатру Валуа, где уже собралась небольшая толпа.

– Как есть порешил! – бормотал барон, бесцеремонно расталкивая рыцарей и оруженосцев, окруживших место драки. Когда он пробрался наконец к площадке перед шатром, взору его предстало совершенно умопомрачительная картина.

Его величество король Англии Генрих II Плантагенет крепко держал за ворота двух тяжело дышавших, вспотевших, раскрасневшихся мальчишек, одним из которых и был неугомонный Мишель. У обоих текла кровь носом и изо рта, оба, не подозревая, что находятся в обществе монарха, дергались, пытаясь вырваться из его сильных рук, и продолжали перебрасываться дерзкими словами. Король слушал молча, переводя взгляд с одного на другого.

⁵ Матф. 7:12.

Барон Александр, преклонив колена, извинился перед его величеством, принял Мишеля, возмущенного до глубины тем, что ему не дали достойно завершить честный бой, и, бормоча проклятия вперемешку с извинениями, поспешил удалиться. Но слова, сказанные королем Генрихом им вдогонку, сэра Мишель запомнил на всю оставшуюся жизнь. Провожая взглядом бледного барона Александра, Плантагенет, улыбаясь в седеющую бороду, промолвил:

– А ваш сын, любезнейший Фармер, вырастет добрым рыцарем. Не наказывайте его.

Но, видимо, отец не слышал последних слов короля, ибо последовавшая после турнира взбучка надолго отбила у Мишеля желание сидеть, а его младшему брату и сестре доставила массу удовольствия – старший брат, драчун и хам, был по отношению к ним настоящим тираном...

М-да... добрый рыцарь... Конечно, научился управляться с оружием, изрядно попутешествовал, опыта в делах амурных можно не занимать, а скорее даже делиться с другими... Нет, господа, пора оставить беспутство и подумать о будущем.

«Я, конечно, понимаю, – рассуждал сэра Мишель, – что в моем возрасте неприлично болтаться по дорогам, выискивая приключений да поединков. Соседи уже начали косо поглядывать. Благочестие – это замечательно, спокойная жизнь в поместье тоже имеет свои преимущества, но, клянусь Святой Кровью, мне будет скучно! Только приезжаю в Фармер и сразу начинается: Мишель, пойдись туда, сделай то, не делай этого... Кому интересно разбираться с жалобами вилланов или считать, сколько мер зерна припасено на зиму? Но если Господь послал мне этого человека вместе с драконом... Не может так быть, что Джонни встретился именно со мной по чистой случайности! Отцы церкви говорят – все предопределено Небесами. Таким образом, я должен быть вместе с Джонни. Решено. Пускай он теперь ходит со мной! Да и оруженосец нужен, честное слово... Какой я рыцарь без оруженосца?»

Мишель серьезно посмотрел на Гунтера и, больше не терзаясь сомнениями, спросил:

– Послушай... Ты, наверное, заметил, что я не такой, как все остальные дворяне? Денег нет, коня тоже. Меч проиграл, понимаешь... Скажи, ты уверен в том, что хочешь остаться со мной? Меня в графстве иначе как беспутным и не называют. Монсеньор де Бреаль здороваться не хочет. А соседям говорит, будто я позорю герб отца...

Гунтер решительно встал, потянулся и, встряхнув головой, вымолвил:

– Да всякое с людьми случается. Я решил впредь ничему не удивляться. Просох, сэра рыцарь? Тогда гаси костер и пошли дальше. Так где, говоришь, твой папенька живет?

Глава пятая О пользе святости

Белесые ключья тумана медленно поднимались от земли и растворялись высоко над головой, меж ветвей. Лес постепенно просыпался. Первые лучи солнца проникли сквозь листву и легли золотистыми пятнами на широких морщинистых стволах деревьев. Запели птицы, понемногу заполняя тишину своими редкими переливчатыми трелями. Роса лежала на траве, на выступавших из почвы корнях могучих старых буков, на листве кустарников, и солнце отражалось в прозрачных каплях маленькими золотыми звездочками. Запах влажной прошлогодней листвы легкими волнами восходил из-под ног, неуловимо касался лица и бесследно исчезал.

Ночной холодный воздух медленно согревался поднимавшимся все выше солнцем. Сквозь резную листву было видно чистое, будто бы умытое студеной водой, небо, предвещавшее очередной ослепительный жаркий день.

Сэра Мишель и Гунтер неторопливо брели, наслаждаясь утренней прохладой и покоем, который всегда нисходит на человека в старом лесу.

Деревья, пережившие не одну сотню лет, осенние ветра, зимние ледяные дожди, весенние грозы, летнюю засуху, топор человека, стояли на почтительно-отчужденном расстоянии друг от

друга, соприкасаясь лишь кронами в далекой выси, и с мудрой снисходительностью созерцали тонкие молодые деревья, с горделивой заносчивостью тянувшиеся вверх. Лет через сто, сто пятьдесят или двести они, если выживут, станут такими же бесстрастными и молчаливыми, но сейчас листва их нетерпеливо трепетала, и мелко подрагивали тонкие веточки.

Сэр Мишель внезапно схватил Гунтера за рукав и остановился.

– Слышишь? – прошептал он, наморщив лоб и вглядываясь в лесную чащу. – Битва как будто.

Гунтер прислушался. Действительно, издали доносились приглушенные расстоянием крики, треск ломаемых веток. Неужто разбойники?

– Послушай, а тут у вас разбойники не водятся? – поинтересовался Гунтер, перехватывая автомат поудобнее.

– Ну имелся один сарацин, так ты видел, что с ним случилось, – усмехнулся сэр Мишель. – А так мало ли, может быть, рыцари бьются друг с другом на поединке. Правда, звона мечей не слышно почему-то. Пойдем, посмотрим, разберемся.

С этими словами сэр Мишель осторожно двинулся вперед, желая подойти незаметно к месту схватки. Гунтер шел рядом, на всякий случай оглядываясь по сторонам.

Крики, ругань, топот и хруст веток становились слышны все громче и отчетливее. Впереди показалась небольшая поляна, и, скрывшись за широким буковым стволом, сэр Мишель увидел следующую картину.

Посреди прогалины, прижавшись к стволу березы, стоял высокий старик, седой, с двумя небольшими залысинами, лопатообразной бородой, одетый в длинную, светло-серую рясу, перевязанную толстой веревкой, концы которой были скручены в мохнатые, растрепанные узлы. К дереву его прижимал рукоятью изогнутой сабли, упертой в старческую грудь, человек странного вида. Оба тяжело дышали, видимо, после борьбы друг с другом.

– Сарацин! – ошалело прошептал сэр Мишель на ухо Гунтеру. – Как есть сарацин!

– Опять? Откуда они тут в таких количествах? – прошипел Гунтер, недоуменно взирая на творящееся у края прогалины непотребство.

И впрямь, неизвестный, столь непочтительно обращавшийся с обряженным в рясу стариком, выглядел, по мнению привыкшего к книжным описаниям Средневековья Гунтера, несколько странно. Лицо нападавшего было смуглым, черные усы щеточкой, глаза темно-карие, совершенно нехарактерные для нормандцев – потомков голубоглазых и светловолосых викингов. На голове «сарацина» красовался белый тюрбан без украшений, а одежда состояла из длинного халата, коричневого с золотистой вышивкой, из-под которого выглядывали тоже коричневые шаровары, заправленные в сапоги.

– Смотри, вон еще! – Сэр Мишель кивком головы указал на появившихся из леса всадников. – Клянусь кровью Христовой, все сарацины! Все до одного!

И верно. Из зарослей бузины, усыпанной ярко-красными гроздьями ягод, показались четверо всадников, трое были одеты так же, как и удерживающий старика, но четвертый по виду отличался от своих товарищей.

– Слушай, – прошептал Гунтер. – А этот, в черной кольчуге, наш вроде... Ваш то есть...

Один из всадников, выраженный в вороненую, длинную, едва не до пят, гибкую кольчатую броню с разрезами по бокам и спереди, носил открытый остроконечный шлем и лицом больше напоминал европейца, нежели жителя востока. Гунтеру он напомнил сохранившийся с детства образ классического злодея из мелодрамы – черные как смоль волосы до плеч, бледное худое лицо со впалыми щеками и выделяющимися скулами, тонкие бесцветные губы, массивная «лошадиная» челюсть, серые безжалостные глаза, надменно-мрачное выражение. Хоть сейчас в оперетту! Только вооружен был этот господин не по-опереточному: с кожаного клепаного пояса свисал широкий короткий меч и длинный кинжал. На пересекавшем наискось грудь ремешке – несколько метательных ножей.

«Злодей» подъехал к сарацину и старику, спешился, бросив поводья услужливо засуетившемуся чужестранцу, и сэр Мишель услышал его слова, сказанные резким гортанным голосом:

– Ну, рассказал он что-нибудь?

– Молчит, собака! – с сильным восточным акцентом ответил сарацин. – Говорит, что не знает. Врет!

Черноволокный рыцарь приблизился к старцу и заговорил с ним, не в пример восточному дикарю, вежливо и куртуазно:

– Послушай, святой отец, мы не желаем тебе ничего плохого – не станет добрый христианин и воин Креста причинять вред служителю Божьему. Ответь только, где находится Дамир, который, как мне точно известно, жил у тебя. Где он?

– Святой отец... – пробормотал сэр Мишель. – Господи, да это же отшельник Колумбан. Как я сразу не разглядел! Что надо этому рыцарю от благочестивого пустычника?

– Про Дамира какого-то спрашивает, – шепнул Гунтер.

Послышался тихий, чуть надтреснутый старческий голос:

– Я не представляю, где сейчас пребывает неверный, которого я лечил и выхаживал по доброте своей, следуя христианскому долгу. Третьего дня назад он ушел прочь, едва почувствовал силу и вернувшееся здоровье. – Неужели он не сказал тебе, куда уходит? – с притворным удивлением спросил рыцарь.

– Нет, – был ответ святого Колумбана.

– И не беседовал с тобой ни о чем?

– Нам, приверженцам противоположных учений, не о чем было разговаривать, кроме насущного.

Рыцаря стала раздражать кроткая непоколебимость святого, он, с трудом сдерживая желание ударить старика, оскалил зубы, сильно выдающиеся вперед, и сдавленным, дрожащим от ярости голосом проговорил:

– Послушай, святой отец! Рыцарское благородство и христианское благочестие не позволяют мне принять более крутые меры, чтобы вытянуть из тебя правду, но терпение мое безгранично. Мои спутники, «неверные», как ты выразился, с радостью убьют тебя, стоит мне только приказать.

Священник улыбнулся уголком рта и насмешливо сказал:

– На то они и неверные, сын мой! И ты зря связался с ними. Настанет час, когда они предадут тебя жестокой смерти, ибо не существует для сарацин понятий чести, благородства и милосердия, которые сейчас борются в твоей душе с бессильной злобой. Говорю тебе, я не знаю куда делся твой слуга. Поверь и отпусти с миром. Не бери смертного греха на свою душу.

– Я не нуждаюсь в твоих советах, Колумбан! – довольно резко сказал рыцарь в черненой кольчуге. – Дамир исчез. Последний, кто видел его – ты. Поэтому я и спрашиваю тебя. Пойми, я более не в состоянии задерживаться в этих местах и искать своего слугу! Меня ждут в Англии, и дела не терпят отлагательств! Не смей лгать, ибо ложь – тоже тяжкий грех!

– Не думай, что я поддамся на твою жалкую уловку, – усмехнулся Колумбан. – Не ложь, но лжесвидетельство – тяжкий грех. Я старше и мудрее тебя, ты должен верить моим словам без сомнений, тем более что мой разум и душа всецело принадлежат Господу.

– Вот-вот, – злорадно сверкнул глазами рыцарь. – Ты должен был отдать неверного на суд Божий!

Сэр Мишель откинулся к стволу и закрыл глаза.

– Я, кажется, знаю, о ком идет речь, – медленно проговорил он. – О том сарацине, которого вчера в деревне вешали.

– Ты уверен? – недоверчиво спросил Гунтер.

– Точно. Пора вмещаться. Чувствую, что этот рыцарь не страдает избытком благородства.

И прежде чем Гунтер успел обдумать, стоит ли впутываться в непонятную историю или нет, сэр Мишель вышел из-за дерева и уверенной походкой подошел к рыцарю в черном. Гунтер поспешил за ним.

Слегка поклонившись, как подобало этикету, сэр Мишель произнес:

– Благородный сэр, чье доброе имя мне пока неизвестно, не соизволите ли вы объяснить мне, что заставило вас столь невежливо обойтись с высокочтимым отцом Колумбаном?

Рыцарь резко обернулся, оглядел сэра Мишеля с ног до головы и, убедившись, что перед ним всего-навсего мальчишка с едва пробившимися усами, тем не менее тоже вежливо поклонился и, плохо скрывая иронию, ответил:

– Благородный сэр, чье имя, несомненно доблестное, мне также пока неизвестно, позвольте ответить вам, что причины, побудившие меня применить непозволительное ко святому отцу насилие, несомненно известны ему, и если он просветит меня относительно места пребывания одного человека, я не посмею больше отрывать почтенного отшельника от благочестивых размышлений.

Отец Колумбан, едва завидев Фармера-младшего, сперва просиял, а потом, заметив, что ни у сына барона Александра, ни у его спутника нет оружия, снова впал в грех уныния.

Сэр Мишель представился, рыцарь ответил ему тем же, и Гунтер узнал, что опереточного злодея зовут Понтием Ломбардским.

– Не удостоит ли меня благородный сэр Понтий чести узнать, что именно он жаждет услышать от святого отца Колумбана, и не могу ли я сколь-нибудь помочь доблестному рыцарю в его несомненно благородном желании?

Гунтер видел, что сэр Понтий больше желает дать сэру Мишелю хороший подзатыльник и пинок под зад, чтобы не задавал лишних вопросов, да пресловутый этикет не позволяет. Оскалив свои кроличьи зубы в вежливой ухмылке, сэр Понтий отвечал:

– Думаю, вряд ли тебе известно, благородный сэр Мишель, шевалье де Фармер, где находится человек, которого мы ищем.

– А если известно? – Сэр Мишель склонил голову набок и лукаво прищурился. – Уж не тот ли это сарацин, что болтается сейчас на суку в Сен-Рикье, возле церкви святого Томаса? – И, не давая сэру Понтию опомниться, продолжил: – Ломбардский, Ломбардский... слышал я это имя. Ты часом не родственник герцогу Ломбардскому?

– Его сводный брат, – процедил сэр Понтий сквозь зубы. – А какое до этого дело благородному шевалье де Фармеру?

– Сводный? – переспросил сэр Мишель. – Бастард, значит... Ну-ну!

Едва сэр Мишель произнес эти слова, как разъяренный, побледневший от бешенства Понтий выхватил копье из рук стоявшего рядом сарацина, бывшего, судя по всему, его оруженосцем, и упер в грудь нормандцу.

– Не соизволит ли... благородный сэр катиться своей дорогой и не вмешиваться в дела взрослых! – прорычал сэр Понтий. – И вообще, кто посвятил тебя, недоноска, в рыцари и не брешешь ли ты о своей принадлежности к высокому рыцарскому сану, являясь на самом деле деревенским ублюдком, наслушавшимся баллад и стащившим у своего сюзерена кольчугу?

«Один к одному мои мысли, – огорченно подумал Гунтер. – В точности. – Он большим пальцем снял автомат с предохранителя и сделал шаг назад, выставив одну ногу. – Похоже, придется вмешаться, или моего сэра сейчас запросто прикончат. Их пятеро. И вооружены эти странные господа отлично, а у сэра Мишеля оружия нет. У меня – только автомат. Пускай он и не относится к данной эпохе, но будет покруче местных заточенных железок».

Отец Колумбан, видя, что внимание сэра Понтия перенеслось на невесть откуда взявшегося молодого Фармера, стал потихоньку отступать назад, к лесу, читая про себя молитвы и призывая кары небесные на голову нечестивцев.

Тем временем не на шутку оскорбленный сэра Мишель схватился за копьё противника, но сию секунду получил тычок в грудь. Сила удара была погашена кольчугой, однако острие прошло между колец и поцарапало кожу. Прижав ладонь к груди, сэра Мишель посмотрел на нее и увидел кровь. Зарывав от ярости, он попытался выдернуть копьё из рук сэра Понтия. И вдруг оглушительный треск раздался за спиной, копьё неожиданно оказалось в руках сэра Мишеля, дико завизжали лошади, а отец Колумбан, успевший отойти к краю поляны и готовившийся припустить к замку барона де Фармера за помощью, упал ничком в траву, закрыв голову ладонями. Мишель увидел, как сэра Понтий, будто от удара невидимого кулака, опрокинулся навзничь, схватившись за плечо. Перепугавшиеся сарацины с тоскливыми воплями разбежались, будто увидели воплощенную птицу Рух.

Сэра Мишель обернулся и смятенно посмотрел на Гунтера. Черная железяка слегка дымилась на конце.

– Это ты? – с трудом оправляясь от потрясения, спросил он.

– Конечно, – спокойно ответил Гунтер. – Необходимо было как-то прекратить это безобразие.

Видя, что события приняли серьезный оборот и сэра Мишеля могут сейчас проткнуть насквозь, Гунтер поднял автомат вверх и дал короткую очередь в воздух. Совершенно случайно одна из пуль попала сэру Понтию в плечо и прошла навывлет, пробив кольчугу.

– Ты призвал молнии Господни на головы неверным? – Сэра Мишель благоговейно взглянул на автомат. – Ясно теперь, почему ты так переживал за это... святое оружие! Не зря я кидался за ним в адово пекло, в которое превратился сарай Рыжего Уилли!

Германец уныло зевнул, оглядываясь по сторонам. Благочестие сэра Мишеля хоть кого доведет до меланхолии.

– Все это замечательно, – сказал наконец Гунтер, – только одна из «молний» почему-то попала в доброго христианина. Единственная, кстати.

С этими словами германец подошел к сэру Понтию, который ворочался на траве, рыча сквозь зубы от боли в плече, наклонился над ним, сдвинув автомат за спину, и вежливо поинтересовался:

– Не пожелает ли благородный сэра Понтий принять помощь из рук оруженосца сэра Мишеля де Фармера?

– Пшел вон! – огрызнулся сэра Понтий, потянувшись к мечу здоровой рукой.

«Черт возьми! – выругался про себя Гунтер. – Эти рыцари только друг перед дружкой выделяются, а с простым честным трудягой-оруженосцем у них, благородных, разговор короткий. Ну и подыхай себе, мистер Икс недоделанный!»

Сдержанно поклонившись, Гунтер вернулся к сэру Мишелю, с ног до головы политый отборными ругательствами на старофранцузском, большую часть из которых он не понимал, но на всякий случай попытался запомнить.

– Иди сам разговаривай с сэром Понтием. Только учти, он хам тот еще! – буркнул он. – Или у вас принято некуртуазно обращаться с чужими оруженосцами?

Пропустив мимо ушей эти слова, сэра Мишель задумчиво посмотрел на ломбардского рыцаря, потом снова на Гунтера.

– Послушай, а ведь у нас с ним поединок был. Выходит, он повержен.

– Ну и дальше? – угрюмо спросил Гунтер.

– Ты, победитель, должен забрать у него оружие и доспех.

У германца глаза на лоб полезли после эдакого заявления.

– Дудки! А потом он кинется в... *polizei* с жалобой на ограбление? Хочешь его доспех – сам и отбирай. – Гунтер сел в траву, скрестив ноги по-турецки и уперев подбородок в ладони, и мысленно повторил звучное словосочетание, которое чаще всего проскакивало в славной рыцарской ругани.

Сэр Мишель, снова не понявший слова германца («полисия» какая-то...), все же не стал переспрашивать, решительно подошел к сэру Понтию, встал над ним в победной позе и надменным тоном произнес:

– Сэр рыцарь! Ты повержен в честном поединке и должен отдать мне... э... нам свое оружие, доспех и коня.

– А ну брысь отсюда, щенок! – взревел сэр Понтий, сорвал здоровой рукой нож с пояса и хотел было метнуть в сэра Мишеля, но молодой Фармер ударил его носком сапога по запястью, выбив кинжал, и наступил подошвой сапога на руку.

– А знаешь ли ты, сэр Понтий, ломбардский бастард, какая сила ранила тебя в плечо и разогнала точно мух твоих приспешников? Знаешь? – Сэр Мишель надавил сапогом на запястье, и сэр Понтий застонал от боли. – Это молния Господа поразила тебя за то, что ты посмел столь неучитиво обращаться со святым пустынноиком! И если ты погресишь против рыцарской чести, тебя ждет куда более тяжкая участь. Сдайся, не теряя достоинства доброго правого рыцаря!

Превозмогая боль, сэр Понтий протянул свободную руку, обхватил сэра Мишеля за щиколотку и рванул на себя. Не удержавшись, сэр Мишель свалился на бок, быстро откатился в сторону, чтобы избежать возможного удара кинжалом, однако сэр Понтий и не собирался нападать на Фармера. Вскочив на ноги, он схватил копье, тяжело подбежал к своей лошади, удравшей к лесу при звуке выстрелов, неловко запрыгнул в седло и галопом припустил в лес. Сэр Мишель бросился вслед, выкрикивая оскорбительные эпитеты по адресу стремительно удалявшегося рыцаря, и едва не наступил на отца Колумбана, тихонько лежавшего в траве.

– Отец Колумбан! – изумленно вскрикнул сэр Мишель, и несчастный старик вздрогнул, будто его ужалила змея. – Что с вами, святой отец?

Осторожно приподняв взлохмаченную седую голову, отец Колумбан посмотрел на норманна через плечо и, убедившись, что он не демон, вызванный нечистыми заклинаниями сарацинов, а всего-навсего младший Фармер, слабым голосом проговорил:

– Мальчик мой, ты не знаешь, что за дьявольские силы промчались над миром?

Сэр Мишель помог отцу Колумбану подняться, заботливо очистил его одежду от налипших травинок и цветочных лепестков и, с трудом скрывая гордость, сказал:

– И не дьявольские вовсе это силы были, святой отец, но молнии Господа. Они разогнали нечестивцев и поразили христианина, ступившего на греховный путь. А оружие, изрыгающее молнии сии, принадлежит мне. То есть моему оруженосцу.

– Может ли такое быть? – Отец Колумбан недоверчиво взглянул на баронета.

– Может! – уверенно тряхнул засаленными волосьями сэр Мишель. – Пойдемте, святой отец, я познакомлю вас с Джонни – так зовут моего оруженосца. К тому же он желает исповедаться.

– Прекрасно, дитя мое! – оживился отец Колумбан. – Я с радостью выслушаю его, отпущу грехи и, если он не откажется, расспрошу о чудесном оружии.

Опершись на руку сэра Мишеля, отец Колумбан засеменил к той самой березе, возле которой у него состоялся столь неприятный разговор со странным сэром Понтием.

Подойдя к Гунтеру, сэр Мишель представил отцу Колумбану своего оруженосца, назвав его Джонни. Тот не стал возражать, к тому же все равно надо было привыкать к новому имени. Гунтером он теперь останется только в разговорах с самим собой и в воспоминаниях.

– Вот, Джонни, отец Колумбан готов принять твою исповедь! – радостно сообщил сэр Мишель.

«Ага, теперь самое время исповедаться, – с раздражением подумал Гунтер. – Я, простите, хочу как следует поесть и отоспаться. Желательно в постели, а не под деревом».

– Да, конечно, после заката, когда я завершу свои дела, приходите в мой дом и примите мое благословение. Кстати, а куда вы идете?

– Вообще-то я иду домой, – почесывая в затылке, сказал сэр Мишель. – Одного боюсь – папенька начнет кричать и выставит нас взашей. Святой отец, может быть, вы с нами сходите? Все-таки барон вас уважает...

– Уважает, – хмыкнул отшельник. – Я тебе не рассказывал, что монсеньор Александр после твоего ухода из дому имел со мной беседу? Нет? Хорошая была беседа, длинная.

– И о чем? – подозрительно скосился на старца Фармер-младший.

– «Ты позволил моему наследнику начитаться бестолковых книжек! – явно передразнивая голос барона, продекламировал отец Колумбан. – И этот балбес возомнил себя кем-то наподобие Ланцелота!»

– И вам досталось, – вздохнул рыцарь. – А книжки все равно были хорошие. Правда, теперь я уяснил, что в наши времена все по-другому. – Зато набрался жизненного опыта, – махнул рукой святой отшельник. – Это тоже полезно. Не убили, не покалечили – и слава Богу. Ладно, я согласен. Поговорю с бароном Александром. Идемте в замок.

Мишель, обрадовавшись покладистости монаха, грохнулся на колени и полез целовать ему руку. Выглядело это не столько благочестиво, сколько шутовски.

«Рембрандт. Возвращение блудного сына, – умиленно подумал Гунтер, вставая и разминая затекшие ноги. – Только туфли упавшей не хватает».

Он вспомнил, как поздней осенью 1939 года он был с военной миссией люфтваффе в России. Их долго и утомительно возили по аэродромам, демонстрировали последние достижения русских авиаинженеров, а в конце поездки в качестве «культурного отдыха», как выразился на дурном немецком гид с насквозь продувной рожей полицейского агента, их отвезли в Петербург, который большевики переименовали годами в двадцатых в честь своего первого фюрера. И там он, отстав от спотыкающегося на каждом слове экскурсовода, долго смотрел на картину Рембрандта, виденную им до сих пор только на репродукциях. Странное было ощущение – будто картина потускнела, съезжилась от тоски, одиночества, непонимания в чужой холодной стране. А может быть, просто показалось – в огромном музее со множеством уникальных произведений искусства было на редкость дурное освещение.

Отец Колумбан, который знал окрестные пуши как свои пять пальцев, предложил не выходить обратно на Алансонскую дорогу, а пройти к замку напрямик через лес.

Поначалу Гунтер думал, что пустынный будет всю дорогу готовить сэра Мишеля ко встрече с бароном Александром, читая ему наставления, но вместо этого отец Колумбан начал рассказывать разные забавные и порой неосторожные истории из жизни святых, причем смеялся над ними громче сэра Мишеля с Гунтером, будто только что придумал их сам.

– А вы не слышали историю о святой Касильде и ее розах? – сказал он, отсмеявшись своим кудахтающим хохотком над очередной сказочкой. – Да впрочем, это неинтересно. Вот послушайте-ка лучше житие блаженного Целестина Вадхеймского, в землях норманнских просиявшего! – Это как? – нахмурился сэр Мишель, припоминая святцы и не находя в жизнеописании одного из первых Святых Пап название Вадхейм. И отчего, интересно знать, Папа Целестин I мог просиять в каком-то Вадхейме? Или это другой святой с таким же именем? Название-то вроде норманнское, больше принадлежащее стране Норэгр, далекой северной родине...

– Сейчас расскажу, – с готовностью отозвался отец Колумбан. Далее последовала длительная и крайне запутанная история о житии некоего бенедиктинского монаха, именем Целестин, изгнавшего злопамятных языческих богов, смущавших души людские премного, с земель Севера, и обратившего в веру истинную норвежцев-язычников. Впрочем, отец Колумбан и сам до конца эту легенду не знал, часто путался и, по мнению Гунтера, слишком уж привирал. Сэр Мишель слушал речи отшельника с благоговением.

– ...И вот тогда, – вещал святой Колумбан, – взял отец Целестин святую чашу, именуемую язычниками Трудхеймом, в рыцарских же христианских сказаниях – Грааль, и, преклонив

колени пред алтарем, вознес к престолу Всевышнего слезные молитвы свои с просьбою избавить предков твоих, милый мой Мишель, от гнуснейших и богопротивных верований. И тогда же явился святому Целестину Вадхеймскому в Граале лик... м-м... – Тут Колумбан запнулся, видимо выдумывая продолжение, а Гунтер, воспользовавшись неожиданной паузой в напыщенных и не совсем понятных ему речах старца, постарался перевести разговор на другую, более нейтральную тему.

– Отец мой, я в этих краях человек новый, многое мне здесь неизвестно...

Сэр Мишель и отец Колумбан одновременно кинули на германца укоризненные взгляды, и святой отшельник проговорил несколько обиженным тоном, нарочито обращаясь к одному сэру Мишелю:

– Ладно, Мишель, удивительную и поучительную историю о блаженном Целестине Вадхеймском я доскажу тебе после. Откуда же твой оруженосец пришел в нормандские земли?

Сэр Мишель открыл было рот, явно надеясь порадовать отца Колумбана предивным известием о неожиданном пришествии его нового оруженосца вкупе с драконом по имени Люфтваффе из далеких германских земель (и о будущих через семь с лишним столетий), но Гунтер ткнул рыцаря локтем в бок и бросил красноречивый взгляд – не лезь, сам скажу!

– Я... – Гунтер судорожно подыскивал слова, прекрасно понимая, что старик со своей пронизательностью мгновенно отличит ложь от правды. – Я из Германии. Позволь мне подробнее рассказать о себе позже, на исповеди. Это очень долгая и... – Гунтер подавил истерический смехок, – очень печальная история, мне самому не совсем понятная...

– Из Германии так из Германии, – сказал отец Колумбан, никогда не позволявший себе выпытывать из людей слова, которые они по каким-либо причинам не желают говорить. Рано или поздно все тайное становится явным. – Так что же тебя интересует?

– Далеко ли идти до замка? – выговорил Гунтер первый пришедший на ум вопрос.

Отец Колумбан, не без вставок сэра Мишеля, подробно рассказал Гунтеру несколько возможных путей к замку, доказав, что выбранная им дорога через лес наиболее краткая, но подходящая более для одиноких путников, нежели обозов с продовольствием или воинских отрядов. Про последних сэр Мишель с гордостью сообщил, что навещаются они к барону крайне редко, благо замок является неприступным, да и сам барон Александр не ссорится, будто петух, со всеми соседями подряд, а пытается решить споры разумным словом.

– Вот-вот, не мешало бы тебе поучиться добродетели у папаши, – заметил Гунтер. Сэр Мишель хмуро промолчал, прекрасно понимая справедливость слов оруженосца, но недовольный тем, что Джонни, что называется, наступил на любимую мозоль. И вообще, с какой стати он указывает благородному рыцарю? Надо будет потом заняться его воспитанием.

– А как ты думаешь, отец Колумбан, пустит ли барон Александр нас хотя бы... мнэ-э... в подсобное помещение? – задал Гунтер давно мучивший его вопрос.

– Для того я и отправился с вами, дорогой Джонни, к сожалению, не знаю вашего титула... – успокоил его отец Колумбан, – чтобы уладить все возможные неприятности. Я знаю барона Александра с тех пор, как он мальцом резвился во дворе с борзыми щенками, и, можно сказать, был его наставником, потому что дед Мишеля, Фридрих, основавший манор Фармер еще во времена короля Вильгельма Второго, сына покорителя саксов, мало интересовался воспитанием своего отпрыска. Полагаю, он воспримет мои речи, убедится, что Мишель решил взяться за ум, и с радостью пустит вас в замок.

Гунтер, не слушая ответ святого отца, задумался о своем титуле: «Поместье родовое имеется, значит, можно и благородным заделаться. Хотя нет, надо чтоб в рыцари посвятили... Впрочем, судя по всему, это дело наживное – если таких оболтусов, вроде моего рыцаря, посвящают, то я вполне приличная кандидатура». Составив в уме фразу на норманно-французском, Гунтер выговорил:

– До того, как попасть сюда, я жил в своем родовом маноре Райхерт. Значит, меня должно именовать фон Райхерт или по-здешнему – де Райхерт.

– Ну вот мы почти у цели, скоро окажемся в замке! Еще немного – и сядем за гостеприимный стол сэра Александра. Господин барон поест любит и угостит на славу, – обнадеживающе сообщил отец Колумбан.

Сэр Мишель облизнулся и вздохнул. Ведь прошло немало времени с тех пор, как они отужинали в трактире «Серебряный щит», и голод неоднократно давал о себе знать посасыванием под ложечкой и громким урчанием в животе. Он пытался обмануть голод, срывая сочную ежевику, но сладкие водянистые ягоды только еще больше разжигали аппетит. Все чаще вспоминалось любимое блюдо – бараньи ребрышки с сочными кусками мяса, щедро политые душистым соусом (папенька, побывав на Востоке, не признавал теперь пищи без пряностей, пусть и стоили они безумных денег), уложенные розанчиком на ржаном круглом каравае и украшенные всевозможной пряной зеленью. Зелень сэр Мишель не любил и аккуратно складывал на стол, а косточки доставались собакам, нетерпеливо поскуливавшим под его локтями в ожидании подачи, только после того, как он тщательно обглаживал мясо до последнего волоконца и выковыривал узким кинжалом костный мозг.

А сейчас бедный сэр Мишель только и успевал подтирать слюни. И до замка вроде бы недалеко уже, но за стол его посадят лишь после серьезного разговора.

Наконец путники выбрались из леса на луг, пересеченный неширокой дорогой. Впереди высился неровный обрывистый холм, на вершине которого стоял замок барона де Фармера.

Гунтер приостановился, залюбовавшись открывшимся зрелищем. Снова появилось ощущение нереальности увиденного, будто он смотрит на красочную картинку из детской книжки про рыцарей или на декорации, оформлявшие его любимую полку в магазине игрушек.

На самом краю обрыва стояла башня-донжон, ее охватывала невысокая стена с широкими зубцами, тянулась по кромке и закруглялась в лесу, подступившему к самому замку. Вокруг холма росли высокие сосны и ели, и издали казалось, будто подходов к замку нет. Гунтер сперва удивился, почему крепостная стена настолько низкая, но после догадался: для того чтобы проникнуть в замок, следовало для начала преодолеть крутой каменистый обрыв, а это, учитывая современный уровень техники, практически невозможно. Кроме того, осаждаемым легче и быстрее взбираться на стену, забрасывать нападающих камнями и поливать всякой дрянью – кипящей смолой, расплавленным воском, свинцом. Да уж, сэр Мишель прав был – мало кто решится взять с боем такую цитадель.

– Впечатляет, однако, – пробормотал Гунтер. – Красиво.

– Век бы мне этой красоты не видеть. – буркнул сэр Мишель, исподлобья оглядывая приземистую широкую, сложенную из необработанного камня башню донжона. – Как есть, прогонят нас. И пожрать не дадут. И проклятый Уилл наверняка нажаловаться успел. Ему-то по дороге да на коне добираться всего ничего.

– На что это нажаловаться? – Отшельник строго посмотрел на рыцаря, мигом смешавшегося под его взглядом. – Чем ты обидел нашего славного сакса? Он, между прочим, человек добрый и богобоязненный, как все англичане...

На этот раз Гунтер не успел вмешаться. Он продолжал оглядывать мрачноватые стены Фармера и совершенно не обратил внимания на то, как сэр Мишель полупшепотом, косясь на Гунтера и изредка осеняя себя крестом, принялся излагать отцу Колумбану события минувшей ночи. Отшельник слушал, затаив дыхание.

Наконец до германца стал доходить смысл долетавших обрывочных фраз рыцаря, и он похолодел. Иисус и Святая Дева, нашел кому растрепать! Все, теперь старый монах немедля побежит в ближайший монастырь, а то и к епископу с жалобой на неизвестного иноземца, толковавшего с дьяволом! И инквизиция появится на сотню лет раньше. Специально для Джонни

де Райхерта... Интересно, на костре умираешь сразу от удушья или все-таки придется поджариться живьем? Ничего, скоро выяснится...

Гунтер напряженно ждал реакции отшельника на повесть сэра Мишеля – краткую и скудную на детали, но все же четко проясняющую суть произошедшего. Святой отец хмурился, качал головой, вздыхал украдкой, несколько раз бросал на оруженосца сэра Мишеля многозначительные взгляды, в которых, впрочем, не сквозила враждебность, и пока молчал. Уже когда до ворот Фармера оставалось не больше пятидесяти шагов, отец Колумбан вдруг протянул руку, взял Гунтера за плечо (тот аж вздрогнул) и, приостановившись, отдельно и тихо произнес:

– Боишься?

– Чего? – округлил глаза Гунтер. Он и вправду боялся.

– Тебе совершенно не следует беспокоиться. Я никому не скажу. А ты приходи как-нибудь вечером – поговорим, побеседуем. Приходите вдвоем.

Гунтер внимательно посмотрел в глаза старого священника. Одна доброта и ничего больше. Еще, может быть, сострадание. Нет, отец Колумбан не продаст... Костер отменяется.

– Придем, – кивнул Гунтер. – Сэр Мишель-то дорогу знает?

– Знает, – махнул рукой отшельник. – Да тут у любого спроси – сразу укажут.

Отец Колумбан наклонился к уху германца, неожиданно подмигнул и хрипло прошептал:

– Ты первым делом одежду-то поменяй. А то вырядился не по-нашему совсем. Меньше замечать будут.

Отшельник потрепал Гунтера по плечу, ухмыльнулся в бороду и, крепко взяв за локоть настороженно-мрачного сэра Мишеля, повел его по огибающей холм дороге к южной части замка, к воротам. Гунтер, вздохнув, поплелся вслед. У него осталось странное впечатление, что отец Колумбан не слишком-то удивился и ужаснулся рассказу сэра Мишеля о явлении Мессира и беседе с ним. Впрочем, если судить по поведению рыцаря, то и он не слишком растерян – за все утро, начиная от купания в лесном овражке рыцарь ни единым словом не обмолвился о ночном госте, хотя Гунтер предполагал, что насквозь пропитанное суеверием сознание человека из двенадцатого века должно быть серьезно травмировано подобным событием. Или сэр Мишель просто предпочитает не помянуть всуе имя Князя Ночи?

Гунтер по себе знал, что неприятные, а то и попросту страшные мысли легче отогнать, заместить их другими, избежать. Наверняка ведь сэр Мишель до настоящего времени насмерть перепуган.

Но вот старый священник... Подозрение о том, что отец Колумбан или немного знает о случившемся вчера событии, или догадывается, что Гунтер не просто «нездешний», а вообще не должен существовать, германца не оставляло. Шестое, так сказать, чувство...

Гунтер тотчас поймал себя на мысли, что был не прав, сравнив замок Фармер с гробом. Да, мрачноват, да, тяжел – впечатление тяжести особенно усиливалось, когда проходили возле каменистого откоса холма, из гребня которого вырастали темные серо-коричневые стены – нависла над тобой эдакая громадина, и мнится, будто камень вот-вот обрушится, покатится с обрыва неостановимой лавиной, придавит трех беззащитных перед такой мощью людей. А замок-то на самом деле совсем небольшой: Гунтер на глаз прикинул размеры и счел, что каждая сторона стены не больше семидесяти метров, а единственная башня, встроенная в северную стену – поднимается от основания до оконечья крыши всего метров на пятнадцать. Архитектурных излишеств, конечно, никаких. Все просто, грубовато, но добротное и крепкое. Очень напоминает квадратную шляпную картонку, разве что очень большую и сделанную из булыжников. Вот интересно, внутри там какво? Посмотрим, посмотрим... Если, правда, барон де Фармер не прикажет тотчас гнать в шею нежданных гостей.

Дорога резко повернула налево и начала подниматься на холм. На этой стороне склона деревья были когда-то вырублены, и образовалась довольно обширная лужайка. Сейчас здесь

бродило полтора десятка овец, за которыми никто не присматривал, кроме разве что громадного серого пса с обрезанными ушами, возлежавшего в позе сфинкса у самого края колеи, в запыленной траве. Пес проводил прохожих серьезным взглядом, чуть пригнув шею к траве, но не шелохнулся – люди вели себя тихо, на овец не покушались. Однако Гунтер расслышал, как в необъятной груди волкодава родился и моментально затих низкий грозный рык. Связываться с собачкой точно не стоило...

«Если папаша моего рыцаря прикажет спустить на нас свору таких мопсиков, – мелькнула у германца идиотская мысль, – пожалуй, даже с автоматом не отобьешься».

Но сэра Мишель, видимо, поняв – чему быть того не миновать, с вызывающим и одновременно смущенным выражением лица топал к воротам вслед за святым отцом. Холщовая ряса отшельника развевалась под ветерком, а сам он лукаво улыбался, надо полагать в предвкушении беседы с бароном Александром.

Сперва Гунтер решил, что ворота не охраняются. Одна из створок была закрыта, вторая же лишь слегка отворена, но проход был достаточно широк для того, чтобы человек мог войти внутрь. Ворота были невысоки, так что всаднику следовало бы пригибать голову, чтобы не расшибиться о камень арки. Гунтер со знанием дела отметил, что держать оборону ворот в случае нападения будет непросто. Ни тебе бойниц рядом со створками, ни надвратных башенок, удобных для лучников и стрельбы из арбалета. Просто стена с корявыми неровными зубцами.

Когда подошли совсем близко, стало видно, что над самой аркой прибит потускневший от времени, ветра и дождей деревянный раскрашенный щит с гербом барона – красно-синими желтыми косыми полосами. Больше никаких изображений на щите не было. Гунтер хотел было спросить рыцаря, отчего герб настолько прост, но отец Колумбан уже стукнул пару раз кулаком в окованную проржавевшими железными полосами створку и громко воззвал:

– Pax vobiscum!⁶ Есть ли кто живой, чтобы встретить мирного служителя Господа и его благородных спутников?

Сэр Мишель насупился, а Гунтер неизвестно зачем перебрал автомат на грудь. Как ни странно, но ощущение холодного железа под пальцами придавало ему лишнюю уверенность.

Некоторое время за воротами слышалась возня, потом в щель меж створками выскочила грязно-белая курица, и сразу раздался хриплый мужской голос:

– И тебе мир, святой отец, рад тебя видеть! А хозяин и давно счастлив будет.

Ворота приоткрылись чуть шире, и вышел невысокий светловолосый человек лет тридцати пяти, чем-то похожий на сэра Мишеля. Только у привратника волосы были коротко обрешены, а густейшим желтоватым усам мог позавидовать самый отпетый щеголь. Кольчуги и прочих военных атрибутов на нем не было, одежда простая, кожаная и потертая, лишь у пояса здоровенный тесак в ножнах. Светлые глаза стража смотрели серьезно, но без настороженности – отшельника в Фармере знали все, лишь когда взгляд скользнул по сэру Мишелю и его спутнику, привратник слегка нахмурился, но не позволил себе показать удивление или недовольство.

– Здравствуй, Эрик, – сказал сэр Мишель, – поди доложи батюшке о нашем приходе.

Страж по имени Эрик сдвинул брови еще сильнее, так что они сошлись в единую дугу над переносицей, и вопросительно посмотрел на отца Колумбана.

– Иди, иди! – ободрил его отшельник, махнув рукой.

Эрик, не говоря ни слова, развернулся и исчез за воротами.

– Хам какой, – пробормотал сэр Мишель, – даже не поздоровался. Распустились тут без меня...

– Нам пока подождать? – с надеждой спросил Гунтер у отца Колумбана, но отшельник помотал головой и категорично произнес:

⁶ Мир вам! (лат.)

– Еще чего! Чтобы мне, старому человеку, вместе со старшим сыном барона, которому принадлежит этот дом, ждать под дверью, подобно нищим бродягам, выпрашивающим милостыню? Идемте, дорогие мои.

Сэр Мишель издал невнятный звук, который Гунтер распенил как стон, и шагнул вслед за отцом Колумбаном. Германец счел, что ему сейчас лучше прикрывать тылы, и оттого держался за спину рыцаря. Видение оскаленных пастей сторожевых псов барона Фармера по-прежнему не оставляло его.

* * *

Это было сильное место. Наверняка сами обитатели замка Фармер не замечали того, что живут они в такой замечательной точке. Лишь снаружи замок казался враждебным, угрюмо склоняющимся над непрошеными гостями, как бы спрашивая их – уверены ли они, что здесь их ждут и стоит ли им входить за стены? Так и некоторые люди: мрачны, неприветливы с виду, охраняя сокровища своей души от бесцеремонных вторжений, но, поверив в чистоту твоих намерений, сбрасывают хмурую маску, приглашая тебя в свой мир.

Гунтеру казалось, что замок пристально изучает его – зачем пришел, с какими помыслами, и мысленно проговаривал про себя: я не причину тебе зла, я просто гость и ничего больше.

В стенах замка Фармер было светло и просторно. Казалось, целая деревня расположилась под защитой башни, стоявшей на северной стороне согласно старому поверью норманнов, говорившему о том, что зло всегда приходит с севера. Ко мшистым стенам донжона прилепилось множество пристроек – кухня, откуда доносились мучительные запахи, какие-то кладовки, «подсобные помещения», как окрестил их Гунтер. В противоположном конце двора лепилось несколько домиков, где жила прислуга, с крошечными огородиками, сараями, курятниками. Вдоль стены тянулись конюшни, рядом с ними – кузня. Посредине двора был виден огромный колодец, выложенный грубо отесанным камнем. Ближе к воротам располагалась псарня, там слышалось ленивое басовитое потягивание каких-то огромных, судя по голосу, собак. Рядом торчал еще один маленький домик – кречатня.

Жизнь в замке кипела. Из кузницы сквозь щели в дверях просачивался сизый дым и слышен был перезвон молотков, возле колодца толпились женщины с кожаными ведрами, повсюду расхаживали куры, бегали дворовые собаки вместе с румяными грязными детишками в холщовых рубашонках, мычали коровы, блеяли овцы – деревня деревней... Все необходимое для нормального существования обитателей замка было заключено в его стенах и жило слаженной, непрерывной жизнью, как организм человека. Гунтер мог только восхищаться. Вот оно – натуральное хозяйство в расцвете, прямо как в учебнике истории. Правда, там еще говорилось что-то о грубых и заносчивых феодалах и забитых ими крестьянах.

Отец Колумбан бодро направился к башне, приветливо здороваясь едва ли не с каждой курицей, сопровождаемый мрачным сэром Мишелем и Гунтером, который вертел головой во все стороны и даже пару раз споткнулся, вызвав хихиканье каких-то девиц, неотступно следовавших за ними на почетном расстоянии. Хоть и старались они щебетать между собой вполголоса, Гунтер все-таки уловил неоднократно промелькнувшее в их болтовне имя сэра Мишеля. «Подружки детства, скорее всего, – решил он и, усмехнувшись, добавил: – И юности... Весело ему тут жилось!»

Они вошли в небольшую пристройку через низкую полукруглую дверь, миновали темный узкий коридор, в котором пахло сушеными травами, сеном и свежеработанной кожей, и оказались в широком круглом зале внутри башни. Гунтер поднял голову, оглядел сильно закопченный деревянный потолок, державшийся на косых балках, покрытых бугристым налетом сажи. Под самыми досками в камне были проделаны круглые отверстия – отдушины, выходящие в

целях обороны только во двор, сквозь них пробивались полосы солнечных лучей, в которых густо клубилась пыль.

Чей-то влажный холодный нос коснулся ладони германца, и он увидел несколько мохнатых поджарых гончих, крутящихся у ног сэра Мишеля и с восторгом заглядывающих ему в лицо. Собаки явно были несказанно рады встрече с ним, да и сам сэр Мишель немного повеселел оттого, что первым делом встретился со своими старыми верными друзьями, которые не забыли его и, вопреки остальным домочадцам, довольны, что он вернулся.

Земляной пол зала был посыпан сеном, наполнявшим воздух терпким запахом; кроме того, ощущался легкий дух то ли сырости, то ли псины. Впереди виднелся огромный очаг, напоминавший камин, который был в поместье Райхерт, разве что был он намного больше и попроще да похуже устроен – в зале изрядно пахивало дымом, но это лишь добавляло колорита.

Через весь зал тянулся длинный широкий стол в виде буквы «Т». Часть стола, расположенная поперек зала, была покрыта протершейся на углах красной скатертью, остальная – некогда остругана, а потом за многие годы гладко отполирована локтями. По обе стороны стола тянулись деревянные скамьи, застеленные звериными шкурами. Перед главным столом, стоящим на небольшом помосте, стояли два дубовых резных кресла, предназначавшихся для хозяйина и хозяйки, – узкие с высокими спинками, без подлокотников и крепкие стулья для прочих членов хозяйской семьи, также покрытые шкурами.

Стены были увешаны выцветшими гобеленами, изображение на них было почти неразлично из-за старости полотнищ и зеленовато-бурых пятен, образовавшихся от сырости, но кое-где угадывались рисунки, имевшие несомненно религиозные сюжеты, казавшиеся по-детски нелепыми. На многочисленных крючьях, вбитых в камни прямо через ветхую ткань, висело разнообразное оружие: мечи, многие из которых были очень старыми, со сбитыми лезвиями и сточенными оконечьями, несколько продранных ржавых кольчуг, сохранявшихся как память о предках, множество сарацинского оружия, видимо, привезенного господином бароном из Святой Земли; щиты разнообразной формы и рисунков, помятые, погнутые, одним словом, заслуженные, особенно выделялись три больших каплевидных щита с красно-белыми крестами, оставшиеся еще со времен Вильгельма Завоевателя.

Гунтер так увлекся изучением зала, что не заметил, как на лестнице, ведущей вдоль стены на второй этаж, показался высокий широкоплечий человек в кожаной проклепанной безрукавке, надетой поверх полотняной рубахи, крашеной луковым отваром, в потертых кожаных штанах, таких же, как у сэра Мишеля, и высоких сапогах до колен. Собаки с лаем кинулись к нему, покружились у ног, затем кубарем скатились с лестницы и завертелись возле сэра Мишеля, будто говоря: «Смотри, кто пришел!»

Спустившись на несколько ступенек и увидев ожидавшую у широких скамеек троицу, он остановился и упер кулаки в широкий пояс, туго охватывающий его могучий торс.

– Ну? – коротко обронил он, глядя из-под черных бровей на сэра Мишеля. – Явился... – снова заговорил барон Александр и медленно потер тыльной стороной ладони темную густую бороду. – Учти, денег не дам. Эй, а где ты потерял клинок?

От удивления при виде нежданно-негаданно заявившегося сыночка барон забыл поздороваться со святым отцом и не заметил скромно стоявшего позади всех Гунтера.

«Да-а, плохо дело, – тоскливо подумал германец, с уважением оглядывая внушительную фигуру хозяина замка – он был не только сильным и высокорослым, а просто большим, – встречаются люди, которые выглядят гораздо более крупными, нежели все прочие. – Сейчас он возьмет да вышвырнет Мишеля без лишних разговоров, и меня в придачу...»

Наконец отец Колумбан решил вмешаться, как и обещал, прошел к лестнице и, приняв запоздалые приветствия, тихо проговорил:

– Сын мой, позволь мне перемолвиться с тобой парой слов наедине.

– Хорошо, – после некоторого раздумья согласился барон Александр, бросив на Мишеля тяжелый взгляд. Пропустив отца Колумбана вперед, он поднялся вслед за ним наверх. Заскрипели потолочные доски, и стукнула дверь.

Некоторое время сэр Мишель и Гунтер молча стояли посреди зала, в окружении вальяжно расположившихся на полу собак, потом Гунтер осторожно спросил:

– Думаешь, у него получится?

– Наверное, получится. Святой Колумбан его уговорит, – самоуверенно сказал сэр Мишель и опустил на скамью. Гунтер вздохнул, отошел к стене и принялся разглядывать гобелены, пытаясь угадать, что же на них было вышито изначально. Обойдя по периметру весь зал, он посмотрел на часы – прошло уже полчаса, с тех пор как барон Александр удалился с отшельником.

Между тем в зале шли приготовления к обеденной трапезе. Сновали слуги, вежливо, но с некоторым холодцом кланялись сэру Мишелю, мигом принявшему до отвращения спесивый вид. Стол протерли влажной тряпкой, поставили глиняные кувшины с вином, серебряные кубки, широкие блюда со стертой чеканкой, круглые караваи хлеба.

«Если так дальше будет продолжаться, – подумал Гунтер, с ужасом ожидая выноса жаркого, – то я скончаюсь тут в муках голода... Ну сколько можно...»

Наконец наверху вновь хлопнула дверь, проскрипели доски и на верхней ступени восхода возник улыбающийся отец Колумбан. Сэр Мишель вскочил и, увидев его сияющую физиономию, вопросительно поднял брови.

– Подойди сюда, дитя мое! – возгласил отшельник таким радостным голосом, что слуги недоуменно обернулись. – Господин барон желает говорить с тобой.

На нетвердых ногах сэр Мишель поплелся к лестнице. Когда он проходил мимо Гунтера, тот с ехидцей шепнул рыцарю:

– Бить будет...

Прошло еще минут двадцать, за это время отец Колумбан, заметив, что Гунтер едва не валится без сознания, прогулялся на кухню и, притащив ему блюдо с копченым мясом, усадил за главный стол, слева от хозяйских кресел. Осмелевший от дружеской заботы святого отшельника германец, ни у кого не спросив, выбил затычку из первого же кувшина с вином и до краев наполнил кубок, до которого сумел дотянуться.

– Надеюсь, барон не убьет свое дитя? – с набитым ртом осведомился Гунтер у отшельника.

– Ешь-ешь, не отвлекайся, – поморщился пустынный. – Ничего с твоим Мишелем не делается. Покричат друг на друга, потом младший начнет хвастаться своими липовыми подвидами, а барон станет жаловаться на неустроенность хозяйства. Эта мистерия знакома мне до отвращения, честно признаться. Второй год наблюдаю.

Гунтер, опростав сосуд, налил по новой, забыв предложить вина отцу Колумбану. Да тот, впрочем, и не настаивал. Вино, между прочим, было молодым, оттого кислым да вдобавок отдавало корицей.

– Хорошо быть святым, – вздохнул германец, опьяневший мгновенно – длительное воздержание от хорошей пищи давало себя знать. – Любого барона уломать можно. Вы, патер, часом, не пробовали королей... тем же манером?

Отец Колумбан снисходительно улыбнулся, глядя на мечтательно уставившегося в потолок Гунтера, чьи глаза уже не могли толком остановиться на одной точке, и спокойным тоном произнес:

– Так на то мы, святые, и нужны. В сущности, какой я святой? Так, скрипим помаленьку... А у тебя время будет – заходи, есть что обсудить. – Зайду, – пьяно буркнул Гунтер, размашисто кивнув.

Набив желудок до отказа и осушив второй кубок (каждый не менее полулитра, как показалось), германец начал было задремывать, совершенно позабыв, где находится, кто здесь хозяин и что случилось с его собственным рыцарем. Тогда-то за спиной послышались тяжелые шаги барона Александра. Чуть позади шел сэр Мишель, утирая нос, как обычно, рукавом снизу вверх.

Гунтер обернулся, резко вскочил, едва не повалившись на спину, но его опять-таки не заметили. Лишь отец Колумбан, ударив ладонью по плечу, безмолвно приказал сидеть и не рыпаться.

Барон Александр остановился возле своего кресла, обернулся на сэра Мишеля, помолчал немного, оглядывая сына с ног до головы слегка насмешливо – дескать, свинья свиной, а не баронский отпрыск – и наконец произнес:

– Ступай омойся. В бочке. Как следует. И переодеться не забудь, а то несет от тебя, как от козла... Раньше за стол не сядешь. Отец Колумбан, налейте-ка себе и мне вина.

Глава шестая

Сэры на отдыхе

Сэр Мишель развернулся на каблуках и едва не вприпрыжку выбежал из башни, сразу же направившись к кухне.

– Воду грейте! Я мыться буду! – закричал он прямо с порога. Один из слуг, удерживающий на руке огромное серебряное блюдо с зеленью, пробираясь к выходу, вздрогнул от неожиданности, посудина накренилась, и все, что на ней было, высыпалось на земляной пол.

– Ах, ты... ваша, черт возьми, милость! – вскричал слуга и в сердцах швырнул блюдо на пол. – Нельзя ж так врваться-то!

– Прости, Робер! Я сейчас все соберу! – Сэр Мишель опустился на колени и стал усердно ползать по полу, хватая испачканные в грязи зеленые веточки кинзы и укропа, причем больше топтал, нежели клал на блюдо.

– Подите, подите отсюда, сударь! – Робер бесцеремонно отстранил баронета и, кряхтя, нагнулся, бережно подбирая любимое угощение барона Александра. – Мы, сударь, сами уж справимся, а то вы, чего доброго, заново бед натворите!

Пожав плечами, сэр Мишель, слегка сконфуженный, вышел из кухни во двор. Ну вот, как всегда, не успел дома появиться, и мигом напакостил. И ведь не нарочно, Бог видит! Просто так получается...

В ожидании, пока согреют воду в котле да выкатят бочку, в которой хозяева обычно купались в теплое время года прямо во дворе, сэр Мишель присел возле порога кухни на траву, прислонился спиной к теплой, выбеленной солнцем деревянной стене и начал вспоминать разговор с отцом, рассеянно следя за бродившими перед кухней курами. Несколько мохнатых дворовых собак моментально подбежали к нему, стали тыкаться носами в ладони и подпрыгивать, норовя лизнуть в губы.

Возившиеся неподалеку в пыли детишки в замызганных рубашонках, вскочили было, приготовившись к бегству, но, видя, что господин не обращает на них внимание, остались стоять, глядя на него во все глаза, полураскрыв перепачканные соком черники рты.

Собственно, разговора-то особого и не было. Батюшка с наигранной тоской выслушал несколько историй о чудесных приключениях сэра Мишеля, поименовал сыночка «олухом», обреченно махнул рукой и сказал:

– Пойдем обедать, наследничек. Честное слово, тебе давно пора заняться делом. Все люди как люди... И вообще, кажется, ты уже полгода собираешься поехать в Марсель, к Ричарду!

– А я и поеду, – быстро кивнул Фармер-младший. – Вот передохну денька два – и поеду.

– Денег все равно не проси, – угрюмо проворчал барон. – Одно разорение с тобой! А еще и оруженосца завел... Нахлебники.

– В животе бурчит, – напомнил сэра Мишель. – Мы уже закончили ругаться?

– Иди вниз, – вздохнул монсеньор Александр. – Глаза бы мои тебя не видели.

* * *

Крупный шмат слежавшейся, прокисшей каши пролетел мимо уха сэра Мишеля и шлепнулся неподалеку. Распустив крылья и неистово толкаясь, куры принялись было клевать белесую лепешку, но их немедленно разогнали собаки и мигом уничтожили кашу, даже не успев подрасться. Птицам осталось лишь доклевывать отдельные разваренные крупинки.

– Ой! – хихикнул женский голосок. – Чуток в вас, сударь, не попала!

Сэр Мишель обернулся. На пороге с глиняным горшком в руке, откуда и вылетела каша, стояла девушка. Молодой Фармер хорошо знал всех прислужниц в замке, некоторых в лицо, большинство – поближе, но эту видел впервые. Она была примерно его возраста, худенькая, невысокая с маленьким личиком в обрамлении светло-пепельных волос, заплетенных в две косы. Красивой ее не назовешь, но было что-то симпатичное и милое в тонком носике с легкой горбинкой, серых узковатых глазах, маленьких губках, остром подбородке. Она немного напоминала мышку, и сэра Мишель так и спросил ее:

– Как тебя зовут, мышонок?

– Хотите – зовите так, я не обижусь, – лукаво улыбнулась девица. – А вообще меня зовут Иветта.

– Ты ведь недавно в замке Фармер, правда? – Сэр Мишель без труда завязывал беседы с девушками, разговаривал с ними, конечно, вовсе не как со светскими дамами, но и не пренебрежительно, нарочно указывая на низкое происхождение. Девичьи сердца быстро таяли от такого обхождения, это тебе не деревенский парень – облапает да на сеновал, и позволения не спросит – тут все по-благородному, красиво, ровно в балладах. А какой девушке не захочется хоть на одну ночь ощутить себя баронессой?

– Да. – Облокотившись о дверной косяк, Иветта прищурилась и посмотрела в небо, где в недостижимой выси кружили стрижи, похожие на тоненькие крестики. – Сестра моя приболела, дома лежит – встать не может. Вот меня вместо нее и взяли, при кухне помогать.

Сэр Мишель еще раз всмотрелся в ее скуластое загорелое лицо, освещенное клонящимся к западу солнцем. В самом деле, оно показалось немного знакомым.

– А сестру твою как звали?

Иветта опустила голову, накрутила на указательный палец кончик косы, искоса глянула на сэра Мишеля и ответила:

– Гретой звали.

Сэр Мишель на мгновение задумался и вспомнил белокурую служаночку, тоже чем-то напоминавшую мышку или другого подобного зверька. Хм, нетрудно догадаться чем, вернее, кем больна веселая хохотушка Грета... А Иветта и вправду похожа на нее.

Сэр Мишель помолчал немного, придумывая, как бы поосторожнее прояснить у этой самой Иветты ее отношение к скучающим рыцарям и воззрение на церковные запреты. Совершенно неожиданно она сама сделала шаг навстречу.

– Хотите, я помогу вам мыться? – чуть наклонившись, спросила она. – Спинку потру...

– Ты и вправду этого хочешь? – Молодой рыцарь поднял голову, и их лица оказались близко друг к другу.

«А она миленькая, ничуть не дурнее сестренки...» – промелькнула довольная мыслишка. И будто прочитав ее, Иветта улыбнулась, показав ровный ряд мелких зубок, и тихо проговорила, обдав сэра Мишеля свежим легким дыханием:

– А чем я хуже Греты?

Хихикнув, она взмахнула косами и упорхнула в кухню, помогать стряпухе Сванхильд. Сэр Мишель заглянул туда ей вслед и ухмыльнулся было, но сразу одернул себя:

«Так, а мы опять за старое! И кто же это такой разнесчастный только что клялся папеньке, каким он будет хорошим-расхорошим, тихим-претихим... Эх, безнадежный ты человек, благородный сэр Мишель де Фармер!.. А впрочем... человек же все-таки, а не дерево. Можно подумать, что по замку только мои детки незаконные бродят, а барон Александр монахом праведным заделался!.. Как бы не так! Взять того же Эрика, мерзавца эдакого – даже поздороваться не удосужился, а еще соко-ольничий! Подумаешь!..»

Оправдав себя таким образом в собственных глазах, сэр Мишель умиротворенно устоялся в небеса.

* * *

Когда отец Колумбан решительным ударом по плечу усадил начинающего трезветь Гунтера на место, а барон Александр опустился в свое кресло, германец подумал, что все-таки ему лучше ретироваться.

Только прилично ли вставать из-за стола, если хозяин вовсе и не начинал трапезу? Честно говоря, и нажираться-то до его прихода не следовало – так германец и дома у себя не поступал: раз пришел в гости, то за стол садисься, когда пригласят... Но отец Колумбан сам принес ему еды, значит, можно... Черт знает эти дурацкие средневековые обычаи!..

Гунтер решил просто сидеть на месте и ждать, что будет. Отец Колумбан уходит пока не собрался, и это придавало уверенности.

– Садитесь, святой отец, за стол и разделите со мной скромную трапезу. – Барон Александр жестом пригласил отшельника сесть рядом с ним.

На лестнице раздался дробный топоток, и к барону подбежал мальчик лет пяти, миниатюрная копия отца, только глаза у него были такие же, как у сэра Мишеля – серо-голубые. Он по-свойски вскарабкался к барону на колени и уселся, свесив ноги и с интересом уставившись на Гунтера.

«Сейчас задаст дурацкий вопрос, – подумал тот. – Папа, а почему у дяди штаны неправильные?.. Тьфу! Терпеть не могу балованных любимчиков!»

Но мальчишка просто глазел на него с легкой надменностью и молчал. – Благодарю тебя, сын мой, признаться, я успел проголодаться, пока провожал Мишеля. Кстати, ты не считаешь, что старший сын изменился в лучшую сторону, опыта поднабрался? – ответил отец Колумбан и, улыбнувшись мальчику, добавил: – А как поживает маленький Эдмунд?

– Изменился? – коротко рассмеялся барон, пропустив мимо ушей последний вопрос. – Как же, изменится он... Посидит месяцок-другой, помается и снова пустится во все тяжкие...

– Это все оттого, что дела себе придумать не может, – серьезно сказал отец Колумбан. – Добился рыцарского сана и, кроме поединков да попоек, ни на что больше ума не хватает. А ты позаботься, придумай ему занятие достойное. Почему бы в поход вместе с королем Ричардом не отправить? Или на вассальную службу к графу Анжуйскому...

– Можно подумать, Мишель будет этим делом заниматься, какое бы достойное оно ни было. У него же ровно кинжал в заднице – на месте усидеть не может... Ох, не знаю, право, святой отец, что делать! Наследства лишит, а титул передать Хьюго? – Барон в раздумье побарабанил пальцами по столу и решительно ссадил младшего сына с колен, который в ответ на это действие недовольно занудел. Во время беседы с отцом Колумбаном взгляд барона пару раз остановился на Гунтере, сидевшим тише воды, ниже травы, с легким недоумением скользнул по одежде.

К тому времени подошла дочь барона со средним братом. Девочке было около тринадцати лет, и она понемногу начинала превращаться в очаровательную девушку – под простым серым платьем уже угадывалась маленькая девичья грудь, белокурые локоны были уложены как у взрослой женщины, а заметив на себе взгляд Гунтера, она слегка зарделась и опустила веки с длинными пушистыми ресницами. Сопровождавший ее средний сын барона Александра ничем особенным не выделялся – он был и вправду каким-то «средним», волосы не темные, как у отца, но и не светлые, как у сестры и старшего брата, глаза неопределенного цвета, внешностью похож одинаково на обоих родителей. Подойдя к папеньке и поцеловав ему руку, а также приветствовав отца Колумбана, оба отпрыска сели на свои места.

– Да ведь Мишель совсем не мальчик. Много попутешествовал, разных людей видел... – вновь заговорил отшельник, стараясь, чтобы барон особо не сосредоточивал внимание на германце, но мигом пожалел о сказанном – нельзя все-таки два дела одновременно вершить: и Гунтера прикрывать, и Мишеля оправдывать.

– Путешествовал?! – Барон Александр метнул на святого отца язвительный взгляд. – А ума у него хватило, между прочим, лишь на то, чтобы всех девок в замке... того... обрюхатить! – Он вовремя вспомнил, что рядом находится подрастающая дочь, и с грохотом опустил кулак на стол и замолчал.

Отец Колумбан, обрадовавшись, что неприятный разговор окончился, встал, сложил руки и стал читать латинскую молитву. Гунтеру ничего не оставалось делать, как последовать его примеру, хотя Богом посланная пища была им давно уничтожена безо всяких благодарностей.

Окончив молитву, отец Колумбан и хозяин замка сели, стоящий позади кресла барона слуга наполнил им кубки, положил на тарелки по куску баранины, и только тогда все остальные тоже приступили к трапезе.

Отец Колумбан наклонился к Гунтеру и шепнул ему на ухо:

– А ты, бери еще мяса, ешь, не бойся!

Тот в свою очередь приблизил губы к уху отшельника и прошептал:

– Мне бы одежду поскорее сменить. А то смотрят... Да и барон на меня внимания не обращает. Что, так положено?

– Ему не до тебя, – отвечивал святой отец. – Если спросят, кто ты, говори – оруженосец Мишеля, этого будет вполне достаточно. А одежду мы тебе разом справим.

Отец Колумбан подозвал прислужницу, уносившую пустые сосуды из-под вина, сказал ей пару слов, та окинула Гунтера насмешливым взглядом, кивнула и ушла. Германец, вяло отщипывая кусочки сочной дичи и медленно пережевывая, напряженно ждал, когда же папенька Мишеля соизволит обратиться к нему. И дождался.

– А ты юноша, кто будешь? – сказал барон Александр, вытирая жирные пальцы о шкуры вертевшихся подле стола гончих и оглядывая Гунтера.

Гунтер едва не поперхнулся, прокашлялся и ответил:

– Я оруженосец сэра Мишеля.

– А откуда родом? – Барон явно намекал на странный костюм.

– Из Германии, – коротко ответил Гунтер. – Священная Римская империя.

– А-а, – протянул барон де Фармер. – Понятно. Ну-ну... Моя покойная жена была немкой.

На этом, к великому счастью Гунтера, интерес бородатого феодала к оруженосцу сына иссяк. Барон еще немного посидел, задумчиво потягивая вино из серебряного кубка, потом побросал собакам кости и поднялся с кресла. Трапеза была окончена, встали и все остальные.

– Оставьте Мишелю вина и мяса. Вина поменьше, – сквозь зевок проговорил барон и отправился к себе наверх. Эдмунд увязался за ним, то и дело повисая на отцовской руке и суча ногами от восторга, а брат с сестрой подошли к отцу Колумбану и принялись что-то рассказы-

вать ему. – Пожалуйте, сударь! – Рядом с Гунтером возникла служанка, держа в руках сверток с одеждой. Германец приподнял край сукна, в который его новое облачение было завернуто, углядел добротные кожаные штаны, красновато-коричневую рубаху, похожую на ту, что носил барон, и замшевую безрукавку. Ну что ж, одели просто, без вульгарной роскоши, но вроде как благородного. Вполне приемлемо. Особо если сравнить с рубищем сэра Мишеля.

– Спасибо, детка, – сказал Гунтер. Служанка хихикнула, жеманно пожалала плечиками и, захватив несколько блюд, отправилась на кухню, не забыв по дороге пару раз оглянуться на германца и ответить ухмылочкой на его дружеское подмигивание. Забавные здесь девицы, однако!

Отец Колумбан, отпустив детей с благословением, которые приняли его, преклонив колени, обратился к Гунтеру:

– Ну что, доволен?

– Разумеется, – ответил германец. – Теперь бы вздремнуть где-нибудь...

Отец Колумбан задумчиво потерел бороду, пожевал губами и решительно хлопнул ладонью по столу.

– Вот что, дорогой мой. Отправляйся-ка ты со мной, в мою лесную келью. Там ты и вздремнешь спокойно, а когда выспишься, я с удовольствием исповедаю тебя. Согласен?

Действительно, сейчас в замке Фармер Гунтеру делать было нечего – сэр Мишель будет заниматься тем же, чем и он, а именно – есть да спать. Да и мелькать перед бароном лишний раз не следует, пока его не представят как должно. Так что вполне можно принять предложение отшельника и отправиться к нему.

– Что ж, я не против, – ответил Гунтер. – А далеко идти?

– Да нет, не слишком – около полулиги. Ты подожди меня здесь, я только зайду к барону Александру, попрощаюсь.

Отец Колумбан ушел, а Гунтер задумался. «Пожалуй, столько я не пройду в таком состоянии. Не-ет, лучше уж здесь остаться, чем где-нибудь в лесу под дубом завалиться...»

Отшельник вернулся довольно быстро, и Гунтер сказал ему:

– Знаете, святой отец, я все-таки останусь здесь. Идти с вами у меня просто сил нет, да и мы с сэром Мишелем вроде как вместе собирались к вам пойти. Отоспимся, отдохнем да и навестим вас.

– Как знаешь, – пожал плечами отец Колумбан. – Я покажу тебе, где тут сеновал, там тебе никто мешать не будет. Лучше чем в духоте, в башне.

Они с Гунтером, державшим под мышкой сверток с одеждой, вышли во двор. Там они узрели весьма любопытную картинку, при виде которой Гунтер причмокнул со знанием дела и расплылся в улыбке, а отец Колумбан тихо выругался.

Посреди двора в огромной бочке с разбавленным кипятком, в клубах пара, плескался сэр Мишель, а рядом прыгала та самая красотка, что принесла Гунтеру сверток. Вокруг бочки носилась орава визжащих ребятишек и пискляво твякающих разномастных собак. Девица поливала сэра Мишеля горячей водой, черпая медным ковшом из деревянной кадки, стоявшей рядом с бочкой, и пыталась тереть пучком какой-то травы, а тот уворачивался, погружался с головой и бурно выныривал, брызгая водой во все стороны и норовя ухватить Иветту за косу. При этом оба отчаянно хохотали, заражая весь двор своим неподдельным весельем.

– Как мало надо человеку для счастья, а, отец Колумбан? – сказал Гунтер, но святой отшельник только головой покачал и сердито махнул рукой, пробурчав в бороду что-то насчет правоты барона Александра в отношении полной неисправимости Мишеля. Ухватив за рукав Гунтера, который уже начал подумывать, не присоединиться ли ему ко счастливой парочке, отец Колумбан направился к воротам.

Сэр Мишель заметил их и крикнул вслед:

– Святой отец, вы уже уходите? А ты куда направился?

Отец Колумбан обернулся и, скрывая в бороде улыбку, сварливо проговорил:

– Да, я ухожу, грехи твои замаливать, несчастный!

– Не соизволит ли благородный сэра отпустить своего верного оруженосца, чтобы он смог дать отдых своим усталым ногам? – Гунтеру и самому понравилась сочиненная им куртуазная фраза. Сэр Мишель в долгу не остался:

– Соизволит, а как же, сэра рыцарь, поди, не изверг какой. Видишь вон тот сарай? Там и устраивайся. Только не забудь разбудить меня, мы же собирались...

Он не смог договорить, потому что Иветта, положив руку на его мокрую голову, насильно окунула в воду, добавив вполголоса:

– Если только я тебя отпущу...

Когда сэру Мишелю удалось вынырнуть, и он как следует отфыркался от воды, залившей нос, отец Колумбан уже скрылся за воротами, а Гунтер, посмеиваясь, шел нетвердой походкой к сеновалу.

– Ну все, хватит, я уже чистый, – сказал сэр Мишель, встряхивая мокрые волосы. – Неси одежду, да поскорее, а то я с голоду помру. Интересно, мне там хоть немного оставили?..

* * *

...Гунтеру снился странный сон – он лежит на лесной поляне, а по лицу прыгают птицы, ползают какие-то насекомые, щекочутся крыльями бабочки. Он отмахивается от тварей обеими руками, но те и не собираются отставать от него. Наконец он проснулся, резко вскочил. Сквозь щели в досках просачивался серебристый лунный свет, а сверху сыпалась соломенная труха, сухие травинки и прочий колючий мусор, который во сне обратился в птиц и насекомых. Стряхнув с головы былинки, Гунтер прислушался. Со второго этажа сарая доносился приглушенный женский смех, какая-то возня, шуршание сена, словом, была ключом ночная жизнь влюбленной парочки.

«Интересно, уж не мой ли рыцарь, изголодавшийся по женской ласке, веселится там? У них тут, кажется, служанки благородным не должны отказывать...»

Гунтер недовольно посмотрел на дощатый потолок, и тут же глаза ему запылошило летевшей сверху пылью. Веселье на чердаке сеновала явно достигло апогея.

– Эй, вы что там с ума посходили? – возмущенно воззвал германец, протирая слезящийся глаз.

Наверху на мгновение стало тихо, потом послышался девичий смешок и короткое ругательство. Гунтер без труда узнал голос сэра Мишеля. – Послушайте, если уж так необходимо визжать и устраивать форменное землетрясение, то катитесь в поле и не мешайте спать уставшему оруженосцу! – Гунтер наконец протер глаз, соринку смыло слезой. Со второго этажа донеслись слова рыцаря:

– В поле холодно. Ночи-то студенья! И вообще стало скучно – присоединяйся. Грета, тьфу, Иветта, ты не против?

– Полезайте, полезайте, сударь! – послышался звонкий смеющийся голосок норманнской красавицы.

– Вот ведь ненормальные, – пробурчал Гунтер под нос. – Черт побери, где я нахожусь? В чопорном и чинном Средневековье или парижском борделе прошлого... будущего... в общем девятнадцатого века? Вот интересно, а неприличные болезни здесь бывают? И как от них лечатся?..

Еще чуток повозившись, буйная парочка притихла, и Гунтер, отвернувшись к стене и накрывшись сукном, в которое была завернута его новая одежда, начал засыпать. На грани между дремотой и глубоким забытием ему приснился интересный сон. Его собственный самолет, дракон Люфтваффе, с утробным рычанием забрался на английский «Харрикейн», причем

последний был конкретно самкой. Покусывая подругу за загривок, Люфтваффе производил соответствующие данной позе движения, а та неистово вращала пропеллером и сладострастно подрагивала элеронами. Бред какой-то. Кто ж народится с такого-то союза? Русский У-2, не иначе...

...Сэр Мишель, утопая в сене, лежал на спине в бесхитростном костюме Адама, к вспотевшей груди и бокам налипли травинки. Оба порядком подустали от длительной любовной игры, причем сэр Мишель не переставал удивляться искусственности юной девы. Поначалу он не поверил ей на предмет целомудрия, но очень скоро убедился сам в ее правоте. Поняв, что Иветта не обманула, он, имея опыт в подобных вещах, действовал так осторожно, что девушка почти не почувствовала боли и только немного морщилась поначалу. А потом она вошла во вкус да вдобавок вспомнила уроки сестрицы, потому что кое-что из ее придумок было знакомо сэру Мишелю.

Когда они гонялись друг за другом, путаясь в траве и падая, и разбудили Гунтера, Иветта, распалившись, похоже и вправду готова была принять германца в их альков...

В конце концов Адам и Ева выдохлись и устроились в сене передохнуть.

– Ну что, тебе понравилось? – спросил сэр Мишель, поглаживая Иветту по голому плечу. Та только потянулась, как кошка, и блаженно вздохнула.

– Слушай, а если ты... хм... заболеешь, как и твоя сестричка? Тебя родственники, часом, не утопят? Было бы очень жаль...

– А у нас с Гретой нет никого. Отца позапрошлой зимой волк задрал, когда он пошел в лес хворост собирать, мать помыкалась да и за ним отправилась. Так и живем вдвоем, работаем вот на кухне, о еде не беспокоимся.

– Бедняжки, – посочувствовал сэр Мишель и поцеловал Иветту в темя.

– Привыкли... – пожалала плечами девушка и серьезно добавила: – А дитя родится – Мишелем окрещу, ежели мальчик будет.

– Тебя и замуж никто не возьмет с дитем, прижитым... догадаются уж от кого, – вздохнул сэр Мишель.

Иветта усмехнулась, приподнявшись на локте:

– Да кому я нужна-то такая? С ребенком или без – все одно...

– Мне нужна... – убедительно сказал сэр Мишель и в подтверждение своим словам повернулся, обнял Иветту и провел рукой по ее бедру.

Но девушка мягко отстранила собравшегося было продолжить прерванную игру сэра Мишеля и тихо сказала:

– Я устала, потом...

Сэр Мишель и сам почувствовал, что силы пока еще не вернулись к нему, и откинулся на спину. Они немного помолчали, рыцарь начал было погружаться в сон, но голос девушки разбудил его.

– Да, вы, сударь, сразу видно – вежливый, умеете с девушками красиво обращаться, – сонным голосом бормотала Иветта. – Не то что сарацины проклятые...

– Кто? – Сэр Мишель тряхнул волосами и удивленно посмотрел на Иветту. – Какие такие сарацины? Ты что, во сне разговариваешь? – И не во сне вовсе, – капризно ответила та. – Вчера вот останавливался у батюшки вашего проезжий, сэр Понтий, а у него слуги – сарацины. Такие страшные – морды черные, говорят, будто каркают или чихают, как ввалятся в кухню и давай девок лапать. Я еле удрала, не знаю, что уж там было, но кажется они Сванхильд, потаскунью эту, завлекли в сарай и... Сами понимаете. Ужас какой! Народится еще волчонок какой, кто их знает, нечестивых...

Сэр Мишель не слушал Иветту. Понтий, бастард Ломбардский? К папеньке заявился? Интересно, зачем?

– ...Слава Богу, на рассвете их выставили. Кстати, и господин-то их не больно вежлив был, – продолжала Иветта. – Я, когда пришла утром, увидела, как его выпроваживали. У ворот четверо наших парней с арбалетами стояли, а сам барон Александр с обнаженным мечом в руке шел за сэром Понтием. Ну тот сел на лошадь, сарацинов своих свистнул да и уехал.

– Что же он такого натворил? – спросил сэр Мишель.

– Да я толком не знаю, люди говорят – напился, буяннить стал, с бароном дерзко говорил. Они даже едва на мечях не подрались, только хозяин не стал с пьяным связываться, а велел на рассвете убираться подобру-поздорову.

«Да уж, на сэра Понтия это вполне похоже, если вспомнить, как он с отцом Колумбаном, святым отшельником, обращался, – подумал сэр Мишель. – Кстати, что он здесь вынюхивал? Надо будет у папеньки спросить. Не к добру это все...»

– Пойду я, сударь, светать начинает. Да и сестрицу надо будет проведать. Я уходила – к ней повитуха пришла, роды вроде бы начались.

«Роды? – недоуменно нахмурился сэр Мишель. – Ах, да, я был здесь последний раз поздней осенью, в ноябре, холодно уже было, зима подбиралась. Я расстался тогда навсегда с королем Генрихом и его сыном Годфри... Впрочем, с последним, надеюсь, еще доведется встретиться, отблагодарить бы надо за посвящение в рыцарский сан...»

– Иди, раз дело такое, – вздохнул сэр Мишель, отбросив воспоминания, и стал рыться в сене в поисках рубашки и штанов.

Одевшись, они спустились во двор. Солнце еще не поднялось из-за холмов, лишь небо на востоке налилось золотисто-розовым светом, и побледнели звезды. Двор был безлюден, но сэр Мишель на всякий случай хорошенько осмотрелся и прислушался, прежде чем выйти из-за сарая.

Он проводил Иветту до потайной калитки, спрятанной в разросшихся кустах белого шиповника, которые посадила чуть меньше двадцати лет назад баронесса Юлиана. После ее смерти никто не занимался садом, не подстригал кусты, и они росли свободно, образовав вдоль стен баронской фортеции колючие заросли, источавшие весь июнь густой аромат. Перед калиткой ветки были обломаны или загнуты в сторону, так что образовалось нечто вроде арки. Обменявшись с сэром Мишелем долгим поцелуем, Иветта, сжимая в ладошке подарок, предназначавшийся новорожденному племяннику – две необычные серебряные монетки с орлом, сидящим на венке, нырнула под естественную арку, а рыцарь шепнул ей вслед:

– Привет передавай Грете!

Замок постепенно просыпался. В курятнике заголосил петух, его первый утренний крик подхватил еще один, а чуть погодя, из ближайшей деревни донеслась приглушенная расстоянием петушиная переключка. Замычала корова, требуя, чтобы ее подоили, послышался чей-то громкий протяжный зевок, кашель, захныкал ребенок, видимо, не желая просыпаться и покидать теплую постельку. Скрипнула дверь одного из домов, где жила прислуга, и на пороге показалась высокая дородная девица. Подняв стоявшую возле стены деревянную кадку, она взяла ее под руку, утвердив один край на талии, и не спеша поплыла к колодцу. Сэр Мишель, уже подходивший к сеновалу, остановился и невольно залюбовался.

Девица была выше его на полторы головы, грудастая, с широкими округлыми бедрами, и вдобавок имела огненно-рыжие густые волосы, обрамлявшие круглое свежее лицо, усыпанное крупными яркими веснушками. Подойдя к колодцу, она поставила кадку на каменный обод, откинула с плеч толстые тяжелые косы и подмигнула сэру Мишелю. И тотчас его осенило.

Он подошел к рыжеволосой красавице, сказал ей что-то на ухо, причем ей пришлось слегка нагнуться, задев рыцаря полной грудью, после чего девица, засмеявшись грудным баском, потрепала сэра Мишеля по щеке, чмокнула в лоб и, покачивая бедрами так аппетитно, что у рыцаря едва слюнки не потекли, будто и не было утомительного амурного приключения

с Иветтой, направилась к сеновалу. В дверях она обернулась и помахала сэру Мишелю полной веснушчатой рукой.

Сэр Мишель отлично помнил любвеобильность германской девицы по имени Сванхильд, дочери старой служанки почившей баронессы Юлианы, любвеобильность столь щедрую, что у рыцаря не всегда хватало сил доставить ей полное счастье. А Джонни наверняка было завидно в эту ночь, когда они с Иветтой бесились наверху, это он из вежливости не принял ее предложение. Так пусть насладится жизнью со Сванхильд, благо они, почитай, одной крови и, должно быть, темперамента...

Представляя радость, которую доставит его подарочек верному оруженосцу, Мишель уселся на край колодца и стал ждать. Уж очень хотелось сэру рыцарю узнать, чем все кончится.

Конец пришел неожиданно и был отнюдь не столь радужным, как предполагалось. Дверь сарая со стуком отворилась, едва не слетев с петель, в проеме возникла Сванхильд, растрепанная, покрасневшая и невероятно злая. Размашистым шагом она приблизилась к колодцу, не глядя на притихшего, недоумевающего сэра Мишеля, швырнула кожаное ведро в гулкую глубину, в два прихвата вытянула наполненную бадейку, расплескав половину, и, отведя локти назад, от души окатила рыцаря ледяной водой. Сэр Мишель чудом удержался на каменной кладке, избежав падения в бездонный колодец, вскочил, отбежал назад и, задыхаясь, взвизгнул:

– Ты что, дура, спятила?

– Это я-то? – хакнула Сванхильд, уперев кулаки в крутые бока. – Я как раз нормальная, а ваш оруженосец... скаженный! А вы тоже хорош, сынок баронский! Я вам что, корова какая, чтоб меня дарить всяким... Он же меня чуть не прибил!

Голос буйной красавицы гремел на весь двор, из окон высунулось несколько любопытных физиономий, затаивали проснувшиеся собаки. Сэр Мишель оттянул пальцами промокшую насквозь рубашку, громко выругался и, не обращая внимания на постепенно скапливающийся люд, вскричал:

– А я здесь при чем? Ты зачем меня облила, я же вчера только мылся. Два раза даже!

– Пыл кобелиный охладить! – парировала Сванхильд, выплескивая вновь набранную бадью в кадку.

На пороге сарая показался Гунтер, но, увидев бушующую валькирию, скрылся в спасительном полумраке.

– Да как ты со мной разговариваешь, девка! – не уступал ей сэр Мишель, не решаясь, однако, приблизиться к колодцу.

– Как умею, так и разговариваю! – И продолжая оглашать двор возмущенными криками насчет избалованных благородных негодяев, наглых баронских сыночков, так и норовящих забавы ради обидеть скромную девушку, Сванхильд, утвердив кадку на том месте, что у других женщин называется талией, вперевалку направилась к пристройке.

Позади сэра Мишеля послышался осторожный голос с усиленным акцентом:

– Ушла, слава тебе Господи...

Сэр Мишель резко обернулся и, раскрыв рот, некоторое время смотрел на взъерошенного спросонья и испуганного оруженосца, сменившего свою шутовскую одежду на нормальное платье.

– Ты что с ней сделал? – медленно проговорил рыцарь. – Чего Сванхильд так вызверилась?

Гунтер ошалело глядел в сторону, куда ушла жуткая рыжая валькирия, потом перевел взгляд на возмущенно сопящего сэра Мишеля, уверенного, что германец попытался совершить над добрячкой Сванхильд непонятное непотребство, отчего бедная женщина и пришла в жуткое неистовство.

– Я-то здесь при чем? – искренне изумился Гунтер. – Я проснулся, стал переодеваться, а тут...

Получилось же следующее: только германец успел натянуть новенькие, хрустящие, туго охватившие ноги штаны, как дверь отворилась и на пороге нарисовалась гигантская фигура, заслонявшая собой золотистый утренний свет. Фигура всплыла в сарай и, нависнув всей своей мощью над обомлевшим Гунтером, принялась неторопливо развязывать шнурок на бюсте, сопровождая сие действие такими словами, произнесенными густейшим контральто:

– Дождался, милый, своей курочки?

– Какая... к-курочка... – мотнул головой доблестный оруженосец, на всякий случай медленно отползая подальше – в случае, если бы фигура рухнула на него всей своей тяжестью (а она, видимо, и собиралась сделать это), германец был бы раздавлен в лепешку.

– Меня звать Сванхильд, – пророкотала дева, выкраивая на своем рябом от веснушек лице некое подобие милой улыбочки.

Гунтеру искренне захотелось закричать: «Мама!» и оказаться как можно дальше от замка Фармер. Какое это, к бесу, Средневековье? Разврат сплошной!

Когда лиф простецкого платья Сванхильд начал недвусмысленно сползать вниз, обнажая веснушчатые плечи и внушительные молочно-белые дыни, которые лишь с натяжкой можно назвать грудями, Гунтер откатился к самой стене сарая и начал медленно вставать на ноги. Колени, что характерно, дрожали.

– Ты со мной играешь, петушок? – осведомилась красавица, продолжая обнажаться и медленно подходить к прижавшемуся к стене германцу. В голове его немедленно возникла ассоциация с наезжающим на него танком «Колоссаль». Видел такой однажды, в музее.

– Не играю, – мотнул головой Гунтер. – Шли бы вы о-отсюда, сударыня, восвояси. Не мешайте одеваться...

– Суда-арыня... – протянула Сванхильд, ослабившись. – Да какая ж я тебе сударыня, дурачок? Иди поближе, медовый мой... Чего ты хочешь от меня?

– Чего я хочу? – Гунтер от смущения и неожиданности никак не мог сообразить, что же следует сделать, сказать, чтобы освободить себя от неотвратимо приближающихся объятий рыжего монстра в юбке. Еще немного, она просто-напросто придушит его... Когда пухлые тяжелые руки обвили шею германца, тот понял, что это конец, а раз терять ему нечего, значит надо сражаться до последнего. Позабыв все слова на норманно-французском, Гунтер, выкрикивая на немецком что-то о профилактике демографического взрыва, стал выворачиваться что было сил и, наконец, не рассчитав, съездил восхитительной соотечественнице коленом в мягкий округлый живот. Возмездие не заставило себя ждать, и спустя миг Гунтер полетел через весь сарай в кучу соломы, отброшенный увесистой оплеухой. Рухнув у противоположной стены, германец гадал, сломали ему шею или просто вывихнули, а разгневанная дева принялась яростно зашнуровывать лиф на платье, смачно плюнула и, пинком открыв дверь, вывалилась из сарая во двор.

– Тьфу... женщина-катастрофа, – проворчал Гунтер, ощупывая горевшее ухо, пострадавшее от праведной злобы удивительной девы.

...К финалу этой душераздирающей истории сэр Мишель сидел в пыли, согнувшись в три погибели и держась за живот, стонал, не в состоянии смеяться нормально.

Только теперь Гунтер начал соображать, что валькирия была подослана ему сэром рыцарем с совершенно определенными целями, и бурно возмутился:

– Ты, скотина, если еще раз...

– В чем дело? – раздался за его спиной голос барона Александра. Даже увидев отца, бедный сэр Мишель не мог остановиться и продолжал тихо ржать. Барон, приподняв бровь, оглядывал трясущегося от хохота сына и его оруженосца, ухо которого приобрело цвет спелой малины. Однако беды Гунтера на этом не закончились. Из дверей кухни вновь показалась красавица Сванхильд, нагруженная пустыми кожаными бадьями и с грацией откормленной на

убой хавроньи и целеустремленностью быка направилась к колодцу. Уже издали донесся ее грудной голос с мягкой хрипотцой:

– Нет, вы подумайте, господин барон, это что ж творится-то на белом свете! Меня, честную девушку, каждое воскресенье ходящую к святой мессе и исповеди, богобоязненную, обманом заманить в сарай для непотребного промысла! Думаете вам, благородным, законы Божьи не писаны?

Сэр Мишель опрокинулся на спину и тихонько завыл. Из-под зажмуренных век текли слезы. Гунтер, потупив взор, созерцал носки своих яловых сапог, которые не стал менять на местную обувь, и покраснел так, что цвет лица практически слился с багрянцем травмированного уха. Немедленно появилась мысль, что барон тут же выставит его взашей вместе с сэром Мишелем. Ладно, к выходкам сыночка проклятый феодал попривык уже, а тут еще и оруженосец такой же. Если не хуже. Средневековье, черт возьми...

Продолжая жаловаться на бесчинства сэра Мишеля и его порочного дружка, Сванхильд снова набрала воды и двинулась обратно, к кухне.

Барон Александр, фыркая, проводил ее взглядом и тихо сказал:

– Первая потаскушка в округе, а строит из себя... А ты, оруженосец из Германии, думай впрямь, с кем связываешься.

Сэр Мишель уселся, не имея сил встать на ноги, и, утирая слезы, проговорил:

– Папенька, это я послал Сванхильд к Джонни... Думал, ему понравится. Гы-ы-ы...

Барон ухмыльнулся – шутка была удачной, – но сразу же, с притворной суровостью сдвинув брови, отчетливо произнес:

– Не у всех же такие запросы, как у тебя, сын мой. Ладно, придете потом ко мне, поговорим. Может, к делу вас приставлю какому.

Как только барон де Фармер удалился, Гунтер размахнулся и крепко треснул сэра Мишеля по затылку. Тот, ткнувшись носом в колени и мгновенно перестав смеяться, обиженно взглянул на него:

– Ты чего? Больно ведь!

– Ну и дурень же ты. А еще рыцарь... – Германец по привычке попытался сунуть руки в карманы, до которых в XII веке еще не додумались (надо будет исправить это упущение и приказать пришить!) развернулся и зашагал к сараю, намереваясь привести в порядок свою форму, упаковать в сукно и потом отнести отцу Колумбану на хранение.

А старец явно что-то знает...

* * *

– Слушай, а покажи мне замок, – предложил Гунтер, видя искреннее смущение рыцаря по поводу своей неудачной выходки и не имея привычки долго держать зло. Он знал, что немного погодя происшествие со Сванхильд покажется ему таким же смешным, как и сэру Мишелю.

– А что там смотреть? – удивился тот. – Ты же говорил, у тебя поместье есть.

Сэр Мишель был уверен, что в будущем, откуда прилетел на Люфтваффе Джонни, все осталось таким же, как и сейчас, разве что с небольшими изменениями, типа прирученных драконов и прочих «*машин*». Норманн уже прояснил, что штуковина под названием «автомат», та самая, ради которой пришлось прыгать в горящий сарай Рыжего Уилли (и не зря, сказать по чести), вовсе не волшебный жезл из песен менестрелей о короле Артуре Пендрагоне и колдуне Мерлине, а род оружия наподобие арбалета. Только, как объяснил Гунтер, стреляет оно не стальными болтами, а маленькими свинцовыми шариками или заостренными штырьками. Почему при этом автомат ужасно хлопает, сэр Мишель совсем не понял, хотя Гунтер честно пытался объяснить рыцарю про порох и пороховые газы, выталкивающие пулю.

Целый час, пока Сванхильд с помощницами готовили утреннюю трапезу, а господин барон ездил в близлежащую деревеньку разбираться с непонятной для Гунтера жалобой арендаторов, сэр Мишель водил оруженосца по замку Фармер, с гордостью показывая все, от пропыленного чердака донжона до роскошного, по мнению германца, для XII века туалета – как рассказал рыцарь, такие вот отхожие места строились норманнами и двести, и триста лет назад, а то и еще раньше. Но более всего Гунтера поразили не гигиенические ухищрения феодалов, а совершенно потрясающая встреча, случившаяся на третьем, самом верхнем этаже башни, возле лесенки на чердак.

Из укромного уголка, образованного наклонным всходом, и округлой каменной стеной донжона на свет, падающий из узкой бойницы, выбралось странное существо, напоминавшее помесь кошки и енота. Круглые кошачьи глаза с вертикальным зрачком, всклокоченная полосатая черно-серая шерстка, квадратные ушки с небольшими кисточками и короткий, будто бы обрубленный хвост. И передние лапы один к одному напоминающие детские ручки, только поросшие темным пухом, с пальцами, оканчивающимися неострыми, но заметными коготками. Зверек неторопливо вышел из закутка, спокойно прошествовал мимо замершего сэра Мишеля и удивленного Гунтера, решившего, что это, наверное, вымершее к двадцатому веку животное, и наконец присел на задние лапки, сложив передние на мохнатой груди.

– Это что? – поинтересовался Гунтер, кивая в сторону непонятной твари, смотревшей на него с явным недоверием и по-кроличьи шевелившей черным мокрым носом.

– Тише, спугнешь! – шикнул сэр Мишель. – Разве домовых никогда не видел? Хорошая примета, когда домовый показывается, особенно среди бела дня. Молчи и смотри. Бояться нечего, не укусит.

Гунтер почувствовал, что ноги перестают держать его, и он медленно съехал по стенке вниз. Мама дорогая, какие, к дьяволу, домовые? Где я? В сказке или романе Томаса Мэлори?

– Их не бывает, домовых... – простонал Гунтер, созерцая мохнатого малыша, чьи глазки смотрели на удивление осмысленно для твари бессловесной.

После его слов домовый совершенно по-человечески вздохнул и четким писклявым голосом сказал:

– Это тебя не бывает. Совсем.

– Я бываю... я есть, – ошеломленно пробормотал германец, до сознания которого стало доходить, что зверек вдобавок прекрасно говорит на норманно-французском. И даже без акцента.

Домовой махнул ручкой, скривился, обнажив миниатюрные зубки, как у ребенка лет пяти, и поковылял куда-то в полумрак коридора. Спустя минуту оттуда донесся его голос:

– Ты в меня не веришь? И я в тебя не верю. Вот так.

Сэр Мишель был в совершенном восторге – осуществилась мечта детства: много раз виденный добрый знакомец, домовый замка Фармер, доселе всегда молчавший при встречах с баронским сыном, вдруг заговорил. К тому, что в замке живет это небольшое, но очень полезное в хозяйстве существо, все домочадцы относились благожелательно, да и как же быть иначе? Кто прогонит крыс и мышей из хлебных амбаров, почистит и успокоит уставшую лошадь, если хозяину недосуг, или потушит выпавший из кольца факел? Домовые жили у всех: и в крестьянских домах, и в лондонском королевском замке. Самая привычная домашняя скотинка, ничуть не хуже, но стократ полезнее кошки или собаки.

Гунтер, напротив, пребывал в смятении. Что же это такое? Ну не бывает домовых, не бы-ва-ет!!! Покажите лучше ожившую египетскую мумию или скажите, что Адольф Гитлер – потомственный еврей-ортодокс и каждую субботу ходит в синагогу! Ха, а не есть ли это шуточка Мессира? Впрочем, нет, сэр Мишель видел эту животинку и отнесся к ней спокойно, будто домовые здесь стаями бродят и ведут светские беседы с хозяевами о смысле бытия. И раньше-то не очень верилось во все эти старушечьи сказки про домовых, духов рек и коболь-

дов, а тут – на тебе! Врал Мессир, говоря, будто вокруг реальная история, описанная в школьных учебниках и известная по книгам! Да, король Ричард есть, в крестовые походы ходят, с девицами на сеновалах резвятся, мясо и вино самые настоящие, но ни в каких исторических справочниках и энциклопедиях не написано, что, допустим, Фридриху Барбароссе домовый штопал портянки! Кошмар!

Но, однако, следует припомнить появившуюся после разговора с Мессиром догадку – искренняя вера способна материально воплощать объект веры. Сэр Мишель, например, да и наверняка все прочие обитатели замка, по большей части суеверные крестьяне, взятые в господский дом для прислуживания, непритворно верят в существование мохнатого хранителя дома, так почему бы их уверенности не воплотиться в виде такого вот говорящего создания. Это, между прочим, и объясняет, отчего я его вижу. И почему домовый в меня не поверил. Просто мы очень чужие друг для друга. Просто. И давайте, господин Райхерт, придерживаться своего принципиального решения – ничему не удивляться, но обо всем расспрашивать. Может быть, жизнь этого времени станет для вас хоть чуть-чуть понятной.

Пока Гунтер сидел, привалившись к сыроватой каменной стене, погруженный в свои размышления, сэр Мишель проводил взглядом домового, на всякий случай прочел про себя молитву – домовый, это, конечно, здорово, но священник всегда утверждал, будто они порождение лукавого, как и все твари, коим поклонялись язычники – и, обернувшись к германцу, протянул ему руку, помогая подняться.

– Что так напугался? – поинтересовался рыцарь. – Неужели в твоём манере домового не было? Как же вы жили-то?

– Не было, – мелко кивнув, подтвердил Гунтер. – У нас их вообще не было. Разбежались, надо полагать.

– Нехорошо домовых распугивать, – серьезно сказал сэр Мишель, покачав головой. – Ладно, пошли вниз. Слышишь, приехал кто-то? Надо думать, папенька вернулся из деревни.

И в самом деле – из бойниц-отдушин донесся стук копыт. Спустившись на первый этаж башни, сэр Мишель и Гунтер вышли во двор и первым делом узрели бейлифа графства сэра Аллейна д'Эмери, передававшего конюху поводья своей лошади. Рядом с ним стоял господин барон де Фармер, а позади виднелась красная физиономия королевского сержанта.

Сэр Мишель обмер и схватил Гунтера за плечо. Не иначе сейчас потащат в монастырь Святой Троицы на аббатский суд, а потом заставят новый колодец рыть вместо загаженного. Но, судя по всему, у бейлифа были другие причины посетить барона Александра. Сэр Аллейн, сопровождаемый хозяином дома, прошел мимо сэра Мишеля и его оруженосца в зал и лишь холодно кивнул рыцарю.

– Трапеза подождет. – Барон обернулся к сыну, а лицо его было серьезное и озабоченное. – У нас важный разговор с господином королевским бейлифом, так что будь так добр не мешать нам.

Сэр Мишель, облегченно вздохнув, улыбнулся и потянул Гунтера во двор.

– Пошли в кузню, покажу, какие наш кузнец Бернар замечательные мечи кует. Если захочешь – выберешь себе вместо твоего... ов... автомата! Добрый клинок понадежнее будет.

* * *

– Барон – человек богатый, а зеркал до сих пор не завел. Или их не изобрели еще? – бурчал под нос Гунтер, тщетно пытаясь начисто выскрести подбородок маленьким кинжалом, склонившись над широкой миской с водой, в которой колыхалось его мутное отражение. Этот клинок был самым миниатюрным из имевшихся в кузне. К завершению операции, поименованной германцем как «бритье оруженосца», на лице уже имелось три пореза – отсутствие

зеркала и мыльной пены, а также непривычный и неудобный инструмент превращали самую простую и обыденную в прошлом процедуру в изощреннейшую пытку.

Гунтер совершенно не учел того обстоятельства, что во времена, сопутствующие крестовым походам, бриться не любили, и большинство мужчин носили бороды. Но когда Гунтер коснулся ладонью своей щеки и ощутил под пальцами изрядно отросшую жесткую щетину, он понял, что перебороть самого себя не в состоянии и, хочешь не хочешь, а приводить в порядок лицо придется. К тому же он не очень хорошо представлял себе, как будет выглядеть с бородой.

Втолковывать свою мысль сэру Мишелю пришлось долго, ибо рыцарь не совсем понял, о чем идет речь, а когда наконец сообразил, то жутко возмутился, произнес пламенную речь, суть которой сводилась к тому, что борода есть неременный атрибут мужественности, и ежели таковая растет, то сбривать ее сушее преступление. Правда, у самого рыцаря даже намеков на бороду не было – лишь над верхней губой произрастало нечто, способное со временем превратиться в густые светло-русые усы.

Когда сэр Мишель понял, что Джонни твердо вознамерился соскоблить пробившуюся щетину, перед ним встал вопрос, чем это можно сделать. Развешанные по стенам замка мечи для бритья годны явно не были, от кухонных ножей германец решительно отказался, вспомнив об элементарной гигиене, и тогда сэр Мишель предложил ему свой любимый кинжал. Придирчиво оглядев лезвие, Гунтер криво усмехнулся:

– Да кинжал у тебя тупой!

– Ничего он не тупой! – обиженно сказал сэр Мишель и, попробовав большим пальцем лезвие, добавил: – Его просто заточить надо.

Гунтер некоторое время молча смотрел на него, а потом произнес:

– Логика у тебя железная!

– Стальная! – гордо поправил сэр Мишель, не имея ни малейшего представления о том, что такое логика, но будучи уверенным – это нечто очень важное и должно быть всенепременно твердым. Как сталь.

Тяжко вздохнув, Гунтер пришел к выводу, что кинжал сэра Мишеля вдобавок слишком уж великоват, и, живо представив себе, как он неосторожным движением перерезает себе шею, вернул тесак рыцарю.

Требуемый инструмент нашелся в кузне – Бернар-кузнец в свободное время занимался починкой обуви, и среди его сапожного инвентаря нашелся подходящего размера ножик, ко всем своим прочим достоинствам достаточно острый. Затем Гунтер потребовал «зеркало», и после недолгих объяснений стало ясно, что такого предмета в замке нет. В ход пошли серебряные блюда и прочая хорошо начищенная посуда, но ни один предмет из кухонной утвари не устроил Гунтера. Сэр Мишель только презрительно фыркнул – то ему видно плохо, то отражение кривое, девица-красавица, понимаешь... Остановились на небольшом тазике с водой, поверхность которой довольно сносно отражала заросшую физиономию Гунтера, и, в конце концов, процедура, за которой сэр Мишель наблюдал, затаив дыхание и не смея пошевелиться, была завершена.

– Ну как? – Гунтер повернулся к нему, страдальчески приподняв брови.

– Лучше бы ты этого не делал, – произнес сэр Мишель тоном, каким читают заупокойные молитвы.

– Иди ты к черту! – Гунтер в сердцах швырнул нож в землю. Проведя ладонями по щекам и подбородку, он обнаружил гладкую кожу с небольшими колючими островками оставшихся волосинок. Можно было, конечно, еще помучиться, но... было бы ради чего стараться! И так сойдет.

– Да все хорошо, – засмеялся сэр Мишель, – я пошутил. Дочери вилланов будут гроздьями вешаться тебе на шею, – и, видя, что Гунтер готов съездить ему по уху, поспешно добавил: – Самое главное-то я не показал...

– Нет, почему же, – язвительно буркнул Гунтер. – А Сванхильд?

– Будет тебе, – примирительно сказал сэр Мишель. – Сглупил я, признаю... Пойдем в конюшню, посмотрим на лошадей. У нас есть даже несколько арабских – папенька из Палестины привез пару. Эти двое, конечно, давно умерли, зато жеребят народить успели. Такие красавцы!

Тут рыцарь осекся, привстал и наклонил голову, прислушиваясь. Его кто-то звал.

– Сударь, где вы? – Разумеется, это была Сванхильд. – Вас папенька видеть желает!

– Папенька... – вздохнул Мишель. – Воображаю, что ему бейлиф наговорил! Все равно идти придется, не прятаться же на чердаке...

– Не убьют они тебя, – уверенно сказал Гунтер. – На мой взгляд, ты не натворил ничего страшного.

– Для светских властей – да. А если сэру Аллейну жаловался аббат монастыря, могут привлечь к духовному суду. – Норманн даже побледнел немного. – Таковую епитимью в обители наложат, что проще будет удавиться! Ладно, бросай свой кинжал и пошли наверх, в дом. В конце концов, ты теперь оруженосец и имеешь право меня сопровождать.

«Боишься? – чуть злорадно подумал Гунтер. – Хочешь чувствовать рядом мою твердую руку? Надо бы тебя предупредить, что в случае допроса с пристрастием я буду все отрицать...»

И они двинулись к дверям жилых покоев замка.

Часть вторая Канцлер Британии

*Вне Римской Церкви нет христианства!
св. Киприан Карфагенский*

*Что есть Римская Церковь?.. Блудница Вавилонская!
Мартин Лютер, еретик*

*Угрюмо плещется прибой
О берег Англии родной.*

*Цвел наш зеленый отчий край
Един в деснице короля,
И мы не торопились в рай —
Была нам в радость и земля.
Но Веры долг позвал в поход,
И вот давно без короля
Едва живет и не цветет
Покинутая им земля.*

*Угрюмо плещется прибой
О берег Англии родной.*

*И где тот безмятежный день,
Когда, хоть дождик шел с утра,
Монархию восславив сень,
Любой батрак кричал: «Ура!»?
Где блеск и слава дней былых?
Где цвет анжуйского двора? —
В песках безвестных и чужих
Пришла побед его пора.*

*Угрюмо плещется прибой
О берег Англии родной.*

*Теперь унылый временицк
Воссел на королевский трон.
Какой он принц? Какой он Джон?
Немало добрых Джонов здесь,
Что чтут порядок и закон,
И знают цену слова «честь»,
И не позорят древний трон.*

*Угрюмо плещется прибой
О берег Англии родной.*

*Пускай они как пенс просты,
Их не купить за золотой.
Холуйской крови голубой
Не перекрасить их полей.*

*Они за тем пойдут на бой,
Кто дал им радость лучших дней,
Кого в короне золотой,
Однажды возвратит прибой
На берег Англии родной...*

Глава седьмая

Песни на поляне

Настежь открывшаяся дверь в отцовские покои едва не зашибла чудом успевшего отскокить в сторону сэра Мишеля, когда они с Гунтером поднялись на второй этаж и подошли к высоким двойным створкам.

– Ты звал нас? – спросил рыцарь, просунув голову в проем и подтягивая за рукав Гунтера, державшегося позади.

– Входите.

Зал, принадлежащий барону Александру, был столь же прост и строг, как и трапезная. Те же полуистлевшие гобелены, прикрывавшие холодные каменные стены, скрадывая их мрачность. Те же незамысловатые предметы обстановки – несколько кресел без подлокотников с высокими спинками и немудреной резьбой. Посреди зала – огромный тяжелый стол, на котором в беспорядке лежали скрученные пергаментные свитки, гусиные перья, так же стоял кувшин, очевидно с вином, и два высоких серебряных кубка. В очаге шумно трещали хорошо высушенные березовые поленья, а воздух был пропитан неизменным запахом дыма, пыли и сырости.

За столом сидел барон Александр, задумчиво глядя на свой пустой кубок и медленно покручивая в пальцах его тонкую подставку. Бейлиф, откинувшись на спинку кресла и скрестив на груди руки, смотрел на остановившихся возле дверей молодого Фармера и его оруженосца.

Свет в зал проникал через узкие окна, выходившие во двор, да огонь в камине слегка подсвечивал шафранными отблесками стены и деревянный пол, посыпанный сеном. Солнце поднялось уже высоко, и прозрачно-золотые лучи не светили прямо в узкие окна, отчего в зале царил мягкий полумрак.

– Ну что встали, ровно чужие? – сказал барон Александр. – Будет смирных овечек из себя строить. Жак, принеси еще два бокала и кувшин с вином. Да и закуска, видишь, кончилась. Садись, Мишель. – Барон Александр указал на стул напротив.

Господин бейлиф не был слишком грозен – старый рыцарь даже благожелательно улыбнулся Мишелю. Незаметно было, что он приехал специально для того, чтобы обрушить на молодого Фармера карающий меч правосудия.

– Кстати, – барон опять повернулся к сыну, – твой слуга, Жак, вернувшись, рассказал мне обо всем, что ты успел натворить за последние два месяца. И про монастырь Святой Троицы...

Он замолчал, и сэр Мишель ощутил легкий холодок, поднимающийся снизу живота под самое горло. Ну вот, сейчас начнется... И сэр Аллейн ко всему прочему тут... Беда!

– Но сейчас мы об этом говорить не станем, есть дела поважнее, – продолжил барон Александр, – Прошу вас, сэр Аллейн. – Барон де Фармер обернулся к бейлифу, и тот, пригладив седоватые волосы, заговорил:

– Насколько я понял, ты, Мишель де Фармер, решил остепениться, перестать вести недостойный благородного рыцаря образ бытия и даже завел себе оруженосца. – При этих словах сэр Аллейн посмотрел на Гунтера, слегка кивнув головой. Германец ответил ему более глубоко-

ким поклоном и чуть привстал с кресла, чувствуя себя не совсем уютно. Однако бейлиф, не заметив его смущения, продолжал говорить:

– Думаю, молодой человек, простите – не знаю еще вашего имени – вы несколько необдуманно поступили, согласившись сопутствовать молодому сэру рыцарю... Впрочем, время покажет. Так как вас зовут?

– Гунтер фон Райхерт, – четко выговорил Гунтер, – сэс Мишель называет меня Джонни. – Он подумал, что его непременно сочтут полнейшим идиотом – при чем тут Джонни? Все-таки это английское имя... И вдобавок от него за милю тянет неистребимым плебейством.

– Фон Райхерт? – повторил бейлиф. – Так вы, выходит, из Германии?

– Да, сэс, – кивнул Гунтер.

– Как же вы оказались в Нормандии, королевстве Английском?

«Вот пристал!»

– Так получилось, – ляпнул первый пришедший на ум ответ Гунтер.

Сэс Аллейн понимающе покачал головой – одного поля ягоды, что рыцарь, что оруженосец. В трактире, не иначе, познакомились, а во Францию германец попал примерно такими же путями, что и Мишель в монастырь Святой Троицы. Бейлифу было отлично известно про пропитое оружие, подбитый глаз отца приора и про изгаженный колодец... – Что ж, шевалье де Фармер и господин фон Райхерт, – произнес бейлиф. – Я приехал сюда по делу, способному заинтересовать вас. В графстве творятся беззакония, которые необходимо немедленно пресечь. Мне требуются люди, не состоящие на государственной службе, непременно дворяне. Если вы желаете послужить королю, то я буду ждать вас послезавтра к утру в Аржантане, в городском замке. Вы представитесь страже, которая будет заранее предупреждена, и вас немедленно пропустят. Согласны?

– Сэс Аллейн, я бы хотел знать, в чем именно будет состоять наша служба и о каких беспорядках идет речь, – сказал сэс Мишель.

– Разрешите мне, дорогой Фармер, воздержаться покамест от разъяснений. Скажу только, что вам, возможно, будет поручена поимка серьезного злоумышленника, грозящего бедой всему королевству.

Наступила изумленная тишина. Сэс Мишель нерешительно поерзал на сиденье, а потом тихо спросил:

– И вы хотите поручить это дело мне, то есть нам с Джонни?

– Да, и вам в числе прочих, – коротко ответил бейлиф. – Так что, ждать мне вас послезавтра утром в Аржантане?

«Государева служба, – подумал сэс Мишель, нахмурившись. – Честно признаться, можно было бы попробовать. Правда, ни о какой свободе тогда и речи идти не будет, но... Ладно, королевскому наместнику отказывать неудобно, а поэтому...»

– Да, сэс. Мы приедем в город послезавтра утром.

«А меня, как обычно, никто и не спросил, – грустно подумал Гунтер. – Хотя, с другой стороны, поучаствовать в какой-нибудь политической интрижке, а предложение бейлифа, скорее всего, к этому и сводится, было бы весьма интересно. Не торчать же всю оставшуюся жизнь в чужом замке?..»

– Джонни, ты согласен отправиться вместе со мной? – спросил его сэс Мишель преувеличенно торжественным тоном.

Бейлиф усмехнулся в бороду.

– Безусловно, сэс, – произнес Гунтер и тоже встал, а про себя добавил: «Куда тебе без меня, несчастный? У первого же трактира закончится твоя государственная служба, если я тебя оттуда за шиворот не выволоку да не напощаю как следует, чтоб вернуться не захотелось... Ну и рыцарь мне достался...»

Если бы Гунтер знал, чем закончится его встреча с Мишеlem и каковы будут последствия предложенного сэром Аллейном дела, он бы лучше ушел в монастырь...

* * *

Неширокая, едва утоптанная тропинка затейливо петляла меж пологих склонов холмов, поросших удивительно чистым и красивым лесом. Среди источающих тягучий запах смолы елей и сосен красовались белоствольные березы, поднимавшие к солнцу упругие, покрытые пышной листвой ветви. Иногда встречались изобиловавшие душистыми многоцветными травами лужайки и светлые прогалины, залитые не жарким еще утренним солнцем. Для Гунтера было совершенно удивительным то количество дичи и разного лесного зверья, которое встречалось по пути к хижине отшельника Колумбана. Крапчатые коричневатые куропатки взлетали прямо из-под копыт лошадей, испуганно молотя воздух крыльями, в густом кустарнике мелькнул силуэт красавца-оленья – огромный, темной масти самец исчез в лесу, как только люди обратили на него внимание – сэр Мишель объяснил, что на оленей охотятся и дичь в пределах баронства Фармер достаточно пуганая. Но пуганая здесь дичь или нет, а все равно в двадцатом веке увидеть такое множество диких животных, просто проезжая через лес, было делом немислимым...

– Во, гляди – кабаны! – Сэр Мишель вскинул руку указывая на недалекий пригорок, покрытый молодым сосняком. – Эх, жаль торопиться надо, а то затравили бы кабанчика на ужин отцу Колумбану.

– Как бы тебя такой кабанчик не затравил... – заметил Гунтер, оценивающим взглядом озирая копошащийся в подлеске выводок полосатых поросят и бродивших рядом здоровенных маток, во главе с вепрем настолько впечатляющих размеров, что у Гунтера невольно появилось желание прищпорить лошадь и исчезнуть отсюда побыстрее. Такой гигант вполне мог, придя в ярость, убить и лошадь и всадника...

Гунтер глянул на часы, которые исправно заводил и утром и вечером, выяснив, что едут они уже минут сорок. Впрочем, лошади шли неспешным шагом, а на узкой тропинке ехать другим аллюром было бы просто опасно – и корни деревьев встречались, и неглубокие ямины, и обломанные сухие ветви деревьев достаточно толстые для того, чтобы лошадь споткнувшись повредила ногу и сбросила всадника.

Ехали сэр Мишель и Гунтер к отцу Колумбану самой короткой дорогой, и тропинка эта использовалась лишь для пеших переходов теми людьми, которые хотели посетить пустытника – кто для исповеди и утешения, кто со скромными дарами и просьбами помолиться за их души, другие же, зная, что отец Колумбан пользуется больных травами, искали у него исцеления не только душевного, но и телесного. Сейчас же, рыцарю и оруженосцу приходилось поспешать, потому что сэр Аллейн д'Эмери ждал их в Аржантанском замке уже к послезавтрашнему утру. А в необходимости разговора с отцом Колумбаном Гунтер был уверен столь же крепко, как и в том, что родился в поместье Райхерт, а не в Китае.

Прогалины перемежались перелесками, кое-где были заметны следы недавней порубки – торчали еще не успевшие зарости мхом пни, оцетинившись желтоватыми щепками. Сэр Мишель сказал, что здесь папенька разрешил арендаторам валить лес для постройки домов. И вот, когда вырубленный участок кончился и над головами снова зазеленели пышные кроны деревьев, сэр Мишель вдруг натянул поводья лошади и жестом приказал Гунтеру тоже остановиться.

– В чем дело? – не понял германец. – Зачем встали?

– Тс-с-с... – Рыцарь приложил палец к губам и начал подозрительно озираться. – Ты ничего не слышишь? Прямо наваждение какое-то... – Ну-ка, ну-ка... – насторожился Гунтер. –

Что за ерунда? Кто это может так развлекаться в лесу, в совершеннейшей глухомани? Слушай, Мишель, у вас тут странствующие менестрели или там трубадуры какие-нибудь бывают?

– Встречаются иногда. Но какой болван станет распевать посреди чащи? Да тут до ближайшей деревни не меньше полулиги, а до папиного замка и того больше.

В ароматном лесном воздухе, заглушая легкий шум колышущейся под слабым ветерком листвы, разносились звуки лютни – простенькая, незамысловатая, но чарующая мелодия расплывалась мягкими волнами под ветвями столетних вязов, будто где-то там, в зеленоватом полумраке и впрямь спрятался хороший, умелый музыкант. И играл он просто так, в свое удовольствие, ни для кого.

– Поехали, посмотрим, – решительно сказал сэр Мишель, пришпоривая лошадь, которая почему-то начала беспокоиться и нервно пританцовывать. Коняга Гунтера вела себя, кстати, точно так же. Животные словно испугались неизвестного лютниста и не желали идти в сторону, куда намеревались направиться их хозяева.

Меж деревьев стала видна небольшая полянка, посреди которой на густо заросшем ярко-зеленым мхом пенечке, мягком, как бархатная подушка, восседал седой человек с аккуратно подстриженными усами, в черном бархатном камзоле, из которого выглядывал белоснежный накрахмаленный воротник рубашки, Малиновый берет был щегольски заломлен на левое ухо. Человек наигрывал на лютне, мурлыча себе под нос ту самую мелодию, что еще издавека слышали рыцарь с оруженосцем. Разве что теперь они могли слышать слова песни:

*В железном дворце греха живет наш ласковый враг,
На нем копыта и хвост, и золотом вышит жилет.
А где-то в него влюблена дева пятнадцати лет,
Потому что с соседями скучно, а с ним, может быть, нет...*

С правого бока к широкому поясу певца были прикреплены ножны с простым клинком. Лошади окончательно перестали слушаться, оседали на задние ноги, всхрапывая и ожесточенно грызя удила, и наотрез отказывались выходить из-под спасительной тени деревьев на поляну.

Сэр Мишель пристально всмотрелся в менестреля и, узнав его, изменился в лице, поднося два пальца ко лбу в молитвенном жесте.

– Pater noster, qui es in caelis...⁷

Мессир, услышав это, сладенько ухмыльнулся и слегка кивнул головой, продолжая петь:

*Ударим в малиновый звон, спасем всех дев от него, подлеца,
Посадим их всех под замок и к дверям приложим печать,
Но девы морально сильны и страсть как не любят скучать,
И сами построят дворец и найдут, как вызвать жреца...*

Сэр Мишель как во сне закончил молитву:

– ...et ne nos inducas in tetationem; sed libera nos a malo⁸, – и шепотом пробормотал, осеняя себя крестом: – Amen...

Мессир на секунду отнял пальцы от струн лютни, прервал пение, посмотрел на сэра Мишеля и брезгливо сморщился, будто старая дева, созерцающая целующуюся парочку на скамейке напротив. После чего деликатно прокашлялся, прикрыв рот кулаком, и запел заново,

⁷ «Отче наш сущий на небесах...» (лат.)

⁸ «И не введи нас во искушение, но избавь нас от зла». (лат.)

ничуть не обращая внимания на вытаращенные глаза рыцаря и наливающееся краской ярости лицо Гунтера.

*По морю плывет парход – из трубы березовый дым,
На мостике сам капитан, весь в белом, с медной трубой.
А снизу плывет морской змей и тащит его за собой,
Но если про это не знать, можно долго быть молодым.
Если бы я был один, я б всю жизнь искал, где ты;
Если бы нас было сто, мы бы пели за круглым столом.
А так, неизвестный нам, но похожий на ястреба с ясным крылом,
Глядит на себя и на нас из сияющей пустоты...*

Мессир неожиданно прервался, отложил лютную и приветливо помахал рукой, радостно улыбаясь. Видя, что лошади Гунтера и сэра Мишеля бьются, будто от колик, он устало вздохнул, щелкнул пальцами, и тотчас же обе кобылы успокоились, застыв как вкопанные. Всадники немедленно соскочили на землю.

– Вам понравилось, как я пою? Многие говорили, что у меня неплохой слух и хороший голос. И песня, между прочим, отчасти про меня... Один милейший человек написал, в конце двадцатого века. Русский, кстати говоря. А перевод – мой, и неплохо получилось, смею заметить, – и, видя, замешательство явно узнавших его людей, Мессир добавил погромче: – Господа, что же вы, идите сюда, я не кусаюсь. Впрочем, в этой истине вы уже могли убедиться. – И сатана весело расхохотался, хлопая себя ладонью по бедру.

«Вот зараза, что же ему теперь, понадобилось, когда все решено? – зверея, подумал Гунтер, засовывая руку за пазуху, куда утром запихнул кобуру с «вальтером». – Ну, получи, ублюдок!»

Позабыв обо всем прочем, германец, зарывав от ярости, выхватил пистолет и бездумно всадил в Мессира всю обойму. Сэр Мишель замер, ровно статуя.

Ничего не произошло. Пули растворились в воздухе перед сатаной, не причинив ни ему, ни музыкальному инструменту самого малейшего вреда. Мессир снова тяжело вздохнул, сдвинул с рукава своего черного камзола невидимую пылинку, потом выразительно посмотрел на Гунтера, покрутил пальцем у виска и громко сказал по-немецки:

– Ну бессмертный я, бессмертный. А вы, любезнейший, едва дорогой камзол мне не испортили. Портной, старый еврей из Венеции, некогда содрал с меня за этот камзол кучу денег, словно не знал, кто я такой... Между прочим, старик Менахем был, вернее *будет*, одним из лучших швейцов шестнадцатого века. Вот так...

– Дальше что? – рявкнул Гунтер. Больше всего ему было жалко настолько глупо истраченной обоймы. Впрочем, если вернуться к самолету, то там, в загашнике, должны лежать запасные. Да большей дурачности и не представить – стрелять в дьявола! Ладно бы пули серебряными были...

– А что касаясь вашей дурацкой выходки, молодой человек, – продолжал Мессир, невозмутимо и обходительно, – то ведь я могу и чем-нибудь покрепче шарахнуть, да так, что мало не покажется. Водородной бомбой, например...

– Какой бомбой? – не понял Гунтер.

– А-а, – досадливо отмахнулся Мессир. – Вы же не имеете представления о термоядерном синтезе и цепной реакции. Хотя картина разрушений, которые *она* способна причинить, как-то вам приснилась. Ай, да что объяснять! Это будет несколько позднее; ведь ваш нервный и недалновидный фюрер прогнал Айнштейна из страны. Замечательный ученый, этот Айнштейн, между прочим. Я с ним много беседовал в свое время, советовал кое-что – преинтереснейший человек, надобно сообщить...

Сэр Мишель переводил ошалелый взгляд с Мессира на своего оруженосца, говорящих на непонятном лающем языке, и наконец, преодолев робость и снедавший его смертный ужас, тихо попросил, тронув Гунтера за плечо:

– А нельзя по-нашему? Разговаривать, в смысле?..

Мессир встрепенулся, будто только что заметил незадачливого рыцаря, глянул с удивлением и воскликнул уже на норманно-французском:

– Ах, да, запомнил! Мой милый Фармер, ты здесь совершенно некстати. Поспи-ка полчаса. А мы с господином Райхертом потолкуем о делах наших скорбных...

Человек в черном, воздушным, почти незаметным движением щелкнул пальцами, и тотчас выражение лица рыцаря стало отрешенно-усталым.

– Пойду-ка я вздремну, Джонни. – Мишель словно забыл о присутствии дьявола. Он перестал замечать нежданного встречного. – Просто я не выспался. Разбудишь, когда солнце будет над верхушкой во-он той ели...

Бравый наследник барона де Фармер медленно, будто сомнамбула, прошествовал к лошадям, вытянул запасную попону из седельного мешка, расстелил ее на травке, улегся и тотчас захрапел.

Мессир молча развернулся на своем пеньке, закинул ногу за ногу, взял на колени лютню и заиграл прежний мотивчик, умело перебирая пальцами струны пальцами левой руки.

И тут Гунтер не выдержал. Никакого почтения или боязни к Мессире он почему-то сейчас не испытывал. Германец рванулся вперед, сгреб пожилого господина в малиновом берете за манишку и, тяжело дыша ему в лицо, прорычал:

– Слушай, ты, старый негодяй, оставь меня и Мишеля в покое. Сколько можно преследовать и донимать нас? Какого дья... тьфу, какого хрена ты опять заявился?

Мессир не сделал никакого движения, только лишь слегка дунул на германца, сложив губы трубочкой, будто сгоняя комара с руки. Гунтер, поднятый в воздух неведомой силой, отлетел на несколько шагов, неловко упал, сильно ушибив плечо о твердый корень дерева, но разом сумел подняться на ноги. Прямо ему в лицо смотрели бездонные глаза дьявола, в которых плескалось багрово-темное пламя. Взгляд не сулил ничего хорошего.

– Повежливее, молодой человек, – ледяным тоном посоветовал Мессир. – Знаете, почему я захотел встретиться с вами теперь? Помните, в нашем последнем разговоре я пообещал, будто дознаюсь до истины? Сегодня мне известно, что произошло со Вселенной. В тот день по воле нашего общего Создателя Миры разошлись. Получились две Вселенных. Одна – совершеннейшая точная копия другой. Но в *той*, вашем прежнем мире, вы оба погибли. Я не стану говорить умные слова, вы наверняка не сможете как следует уразуметь суть произошедшего. Да, впрочем, я сам по сей час до конца полностью не разобрался... Знаю только, что ныне существуют две Вселенных, но я и Он... – Мессир глазами указал на небеса, – ...мы вдвоем остались одни, никак совершенно не разделившись, – и со вздохом добавил, – соответственно теперь работы у нас обоих вдвойне больше. Для чего почтенный Создатель это сделал, я отказываюсь понимать. Может быть, в *этом* мире он хочет достичь неких целей, выполнить желаемое и вождевленное, не сбывшееся в *той*... А вы, вместе с шевалье де Фармером не должны здесь существовать. Следствиями вашего вмешательства, герр Райхерт, может быть создание новой истории. Помните, я рассказывал, будто для меня достижимы любые времена, и я способен перенестись из Древнего Египта или цивилизации шумеров, например, в пятитысячный год по вашему исчислению, в год, когда цивилизация *той* Земли вышла к звездам и иным планетам, создав колоссальную Империю?

– Помню, – кивнул Гунтер. – Что-то такое было.

– Так вот, господин Райхерт, у *этого* мира, мира нового, обратно-зеркального отражения исконного Творения, в котором вы жили прежде, сейчас будущего нет, но присутствует прошлое, совершенно аналогичное тому, что и у *первого, изначального*. Этот мир родился в

мгновение, когда ваш самолет... – Мессир с усмешкой посмотрел на сэра Мишеля, который безмятежно дрых на траве неподалеку, – ...то есть *страшный дракон Люфтваффе*, переместился во вновь созданную Вселенную.

– Спасибо за информацию, – пробормотал Гунтер. – выходит, что мои родители, сослуживцы, дом, страна остались черт знает где?

– Я действительно знаю, где они остались, – кивнув, подтвердил Мессир и, прищурившись, заметил: – Кстати, герр Райхерт, вы настолько часто поминали меня всеу, что вызвали у вашего покорного слуги длительный приступ икоты. Пожалуйста, не делайте так больше, а то у вас что ни слово, так я в чем-то виноват. Обидно даже...

– Простите, – отрешенно буркнул Гунтер, вспомнив, как приходской священник еще *там*, в *той* Германии говорил на проповеди: «Никогда не поминай всеу имена как Доброй, так и Злой сил... В том закон, который не нам нарушать».

Они некоторое время помолчали – Мессир тихонько перебирал струны лютни, Гунтер же просто стоял, глядя в никуда. В его голове горела одна мысль – никого и ничего у Гунтера фон Райхерта не осталось, а сам он в настоящий момент – просто никто. Маленькая пылинка, волею непостижной силы занесенная в другой мир, время, Вселенную...

Затянувшуюся паузу прервал Мессир:

– А желаете посмотреть на свою собственную смерть, *там*, в 1940 году, до которого *теперь* надо ждать семьсот сорок девять лет? Могу вам устроить просмотр. Как в кинематографе. Ваш аэроплан так красиво разбился...

Гунтер задумался ненадолго, почесал в затылке, хмыкнул и произнес, глянув на сэра Мишеля:

– Нет уж, увольте. – Гунтер поднял руки ладонями вперед, отказываясь от предложения. – Не желаю. И, кроме того, разве вы не знаете, что нельзя быть живым и мертвым одновременно? Я и мой рыцарь сейчас живехоньки, дышим и даже думаем – следовательно, разговоры о нашей смерти... ну...

Мессир тихо рассмеялся, огладил берет и продолжил за Гунтера:

– ...Несколько преувеличены, правда? Вы придерживаетесь догмы: «Один человек – одна душа», правильно?

– Да, правильно, – кивнул германец. Странно, но ему сейчас было исключительно интересно поговорить с этим седовласым господином. То, кем в действительности являлся Мессир, неожиданно позабылось, отошло на второй план. Просто умный и хороший собеседник. Или подобного впечатления от своей персоны и добивался Князь Ночи?

– Вы не учли одного, герр Райхерт, – вкрадчиво сказал Мессир. – Вселенных две, соответственно в наличии два Парижа, два Берлина и даже два Лондона. Всякой твари по паре, если цитировать так называемое Святое Писание... Таким образом, и вас тоже двое – два человека, две души. Тот самый лейтенант Райхерт, оставшийся во Вселенной номер один, погиб, равно как семью с лишним столетиями ранее к праотцам отправился некий шевалье де Фармер. Поняли?

– Отчасти, – пожал плечами Гунтер. – Не могу уяснить только одного – при чем тут я? В смысле, почему перекинуло через время и пространство между двумя Вселенными конкретно меня, а не английского пилота с «Харрикейна», не итальянского генерала или русского фюрера?

– Представьте себе, что все перечисленные вами люди задались бы в вашем положении аналогичным вопросом. Этот вопрос интересует всех – почему я? Подозреваю, что ваш самолет просто оказался в нужное время в нужном месте. Помните, когда мы недавно беседовали в сарае, я сказал, будто вы очутились здесь по прямой воле вот Того... – Мессир снова поднял взор на пробегавшие по небу облака. – Вообразите, я заблуждался. Страшный дракон Люфтваффе, как удалось абсолютно достоверно выяснить, в момент разделения миров ока-

зался в точку, куда Создатель фигурально выражаясь, обрушил удар своей секиры. Вас случайно занесло в поток времени, можно сказать, в небольшую дыру, образовавшуюся в момент катаклизма. Само собой, мига раздвоения вы не заметили. Просто отделились от прежней сущности. Таковая полетела дальше, к югу от Лондона, где благополучно прекратила свое существование, а вы, проскочив в упомянутую дырку, вывалились сюда. Случайно. С таким же успехом ваш самолет могло забросить во времена Генриха Четвертого или Юстиниана Августа. Или даже попросту в никуда... Помнится, похожая ситуация описана у одного американского писателя, Стивена Кинга, кажется...

– Никогда не слышал о таком писателе, – буркнул Гунтер, мрачней.

«Та-ак! Вот это новости! Таким образом, все прежние умозаключения о собственном месте в этом мире оказываются совершенно неверными, – смятенно думал германец. – Если верить Мессире, никакого высокого предназначения от высших сил, никакой цели моего пребывания в этом странном двенадцатом веке вообще нет! Оказывается, я – жертва эксперимента! Все случившееся – невозможная, уникальная случайность, и не более...»

– Да, безусловно, о господине Кинге вы слышать не могли. Запомню, он жил попозже, простите... – донесся голос Мессира, которому несомненно доставило удовольствие настолько разочаровать германца. – А на предмет «жертвы эксперимента», – Гунтер изумленно вскинулся, а сатана коротко кивнул: —...Вы слишком громко подумали, и я различил мысль, не впервой. Так вот, насчет «жертвы». Безупречно справедливое заключение. Вообразите, в кабину вашего «Юнкерса» случайно забирается самая обычная мышка и, спрятавшись, засыпает. В это время эскадру StG1 перебрасывают на аэродром в соседней стране, за тысячу километров. Мышка просыпается, выскакивает наружу и видит совершенно другой, непривычный мир, напрочь чужой. Полевка, глядишь, и приживется на новом месте, но вот вы... Вы же не мышь. Это, понятно, чисто умозрительный пример, но в целом я попытался объяснить доходчиво.

Гунтер молчал, будучи не в состоянии продолжать беседу. Слишком сильным оказался удар, нанесенный Мессиром. Германец успел свыкнуться с мыслью, что в этом времени и мире ему следует сделать нечто такое, на что способен лишь он один, человек, знающий будущее. А теперь выясняется крайне прискорбный факт: Гунтер фон Райхерт – обычная мышь-полевка, забравшаяся в чужой самолет и унесенная таковым в неизвестные и пугающие дали. Жертва, понимаете ли, мирового катаклизма...

– А вы не врете? – с надеждой спросил Гунтер у сатаны, но тот лишь состроил оскорбленную мину и развел руками:

– Я никогда не вру, сколько можно напоминать! Хотите, позову моих свитских, разведавших все обстоятельства вашего появления в Нормандии, королевстве Английском? Они подтвердят. Только не говорите, что мои помощники – кстати, некогда весьма великие и уважаемые люди, после телесной смерти вошедшие в мой скромный двор, – начнут лгать или лжесвидетельствовать, пытаясь угодить господину.

Я отличаюсь от прочих владык в лучшую сторону – не терплю лакейства, лести или обмана... Каждый скажет правду.

– И что мне теперь делать? – У Гунтера аж челюсть отвисла. Вот это новости! – Как поступать дальше?

– Милый мой, – сквозь слезы простонал Мессир. – Да делайте что душе угодно! Езжайте в Аржантан, служите в оруженосцах, ловите для господина бейлифа всяких преступников... Что угодно! Теперь, твердо уяснив, что вы не являетесь огненным мечом в руках моей противоположности, я обещаю оставить вас в покое. Я предлагал раньше земли, титулы, богатство – вы отказались, сказав, будто заработаете все сами. Вперед, зарабатывайте! Впрочем, имеется одна нешуточная деталь. Всего за несколько дней вы, герр Райхерт, успели много чего напортить в этом мире. По вашей милости остался жив господин де Фармер, которого непременно убил бы

Понтий Ломбардский, а одно лишь это обстоятельство повлечет за собой частичное изменение истории будущего. Сарай сгорел, опять же... – Еще скажите, будто я виноват! – искренне возмутился Гунтер. – И какие могут быть неприятности от простого пожара в зауряднейшем хлеву? Объясните!

– Да элементарно, – фыркнул Мессир. – Представьте, что на помянутом сеновале однажды могли бы устроиться прадедушка с прабабушкой... ну, к примеру, Жанны д'Арк. Помните такую? А вдруг Жанна теперь не появится на свет? Ха-ха!

Гунтер скривился, мельком подумав, что и без Орлеанской девы мир ничуть не станет хуже. Лучше, правда, тоже... Однако германец вспомнил, почему зашел разговор о спаленном сарае, и спросил:

– Говорите, я успел много напортить? А что прикажете делать? Теперь оруженосец Джонни пусть и чужеродная, но все же, одна из частей данной реальности! Мое вмешательство не предотвратит...

Тут появилась нехорошая мысль: как раз предотвратить-то дальнейшие изменения проще простого – кинжал в спину и никаких проблем! А ведь Мессир способен обставить все гораздо изящнее – падение с лошади, случайная драка в кабаке (в компании сэра Мишеля подобное более чем вероятно!..) или, допустим, самая банальная простуда. В двенадцатом веке не изобрели аспирин...

Видимо, Гунтер снова «подумал громко». Мессир недовольно поморщился, вздохнул и изрек:

– Ваше самомнение просто невероятно! Вы считаете, будто я хочу убить вас, устранив тем самым из истории и жизни этого мира?

– А это так уж невозможно? – спросил германец. – Нет, признайтесь, если вы хотите, чтобы *это* прошлое осталось неизменным, то разве не будет проще избавиться от причины беспокойства?

– Конечно, не проще, – сказал Мессир, сдвинув брови. – Поэтому и предлагаю вариант, устраивающий всех, включая вашего рыцаря.

– Ну? – заинтересовался германец. Что теперь ему начнут предлагать взамен фамильной гробницы и памяти благодарных потомков?

– Я имею возможность беспрепятственно перемещаться куда захочу, вы это знаете. Учитывая обстоятельства, пришлось потрудиться и изобрести способ перебрасывать... э... различные тела и предметы из одной Вселенной в другую. Равно как и во всякие времена их. Сами понимаете, в моей деятельности без владения пространством и временем абсолютно никак... Снова вынужден признать ошибку: в первые часы после катаклизма я был несколько обескуражен и не разобрался во всем до конца, однако сейчас я знаю, как вернуть вас вместе с самолетом обратно...

Последовала продолжительная немая сцена. Мессир отложил в сторону лютню, выжидающе глядя на германца. Гунтер, пораженный невероятной новостью, не выдержал и опустился на траву. Вот, значит, как? Вернуться? Вернуться! Обратно, домой!

– Вы сказали, что каждый останется доволен? Объясните, – настороженно спросил Гунтер, слегка очухавшись после невероятных слов Мессира. – А как же Мишель?

– Вы улетите, а сэр рыцарь отправится дальше, в Аржантан, – развел руками сатана. – Могу даже сделать так, чтобы господин де Фармер вас забыл, словно последних трех дней и не было никогда. Он проснется с другими воспоминаниями. Это уж я устрою, совсем несложный фокус. Посудите сами – вы возвратитесь в свой, привычный мир, сэр рыцарь отправится на службу, а я спокойно займусь своими делами, не беспокоясь о ваших возможных проделках. Благолепие!

– В самолете нет горячего, – инстинктивно пытаюсь отвертеться от неправдоподобного предложения возразил Гунтер. – И как я могу вернуться в свой сороковой год, когда... ну... моя тамошняя половина мертва? Верней, не половина, а первая сущность?

Мессир поскуучнел и страдальчески приложил ладони к лицу, словно сетуя на непроходимую тупость собеседника.

– Не следует тревожиться о такой безделице! Керосина для «Юнкерса» вы получите с избытком! – Сатана щелкнул пальцами, пробормотал какое-то словечко и поднял взгляд на германца. – Сделано. Полные баки. Можете пойти и проверить. Теперь о вашей второй половине... Да, тамошняя семьдесят седьмая машина разбилась, но о катастрофе в течение последующих двух часов командование точно не узнает. Вы отошли от основной группы, и падения вашего самолета никто из пилотов других машин не видел – следовательно, свидетели отсутствуют. Вернетесь в свое время спустя несколько минут после гибели двойника. Вынырнете где-нибудь над Ла-Маншем и спокойно полетите обратно.

– А как же Курт? – недоумевающе поднял брови Гунтер. – Меня обязательно спросят, куда пропал радист-оператор! Согласитесь, нельзя же сейчас выкопать труп и вернуть в кресло кабины? Прошло три дня, а погода стоит теплая...

– Тоже решаемо, – последовал ответ. – Воскресить несчастного господина Мюллера, уж не посетуйте, не смогу. Подобные чудеса не подпадают под мою юрисдикцию. К сожалению. Зато вернуть в кабину целехонькое, даже почти неостывшее тело – пожалуйста. Раны от пуль, безусловно, сохранятся – для правдоподобия. Как, согласны? Сделать?

– Не надо, – резко сказал Гунтер, даже на секунду не задумавшись. Перспектива снова увидеть изувеченное тело Курта никак не вдохновляла. – Я лучше сам как-нибудь отверчусь.

– Удивительно разумная мысль, – покивал Мессир, чутьчку улыбнувшись углом рта. – Берите, герр Райхерт, лошадь и поедем к вашему самолету. Можем успеть до заката. А Мишель... – сатана развернулся к рыцарю, – проснется совсем скоро. Ему придется ехать совсем в другую сторону. Желаю удачи, шевалье де Фармер!

* * *

Мессир безмятежно улыбался, наблюдая за спящим сэром Мишелем. Этот болван ничего не сумел добиться. Партия выиграна!

Сатана вложил два пальца в рот, свистнул, и тотчас на поляне из ничего материализовался огромный вороной конь без седла и узды.

– Все к лучшему, – пробормотал дьявол себе под нос. – Все к луч... Та-ак, а это что за явление?

Не кто иной, как отец Колумбан, вышел с тропинки, извивавшейся среди кустов боярышника, коротко взглянул на господина в черном камзоле и бархатном берете и быстрым шагом направился к расплывшемуся в бестолково-довольной улыбке Гунтеру. Не особо церемонясь, старец молча саданул посохом по голове не ожидавшего от святого отца такой подлости германца, да так, что тот, потеряв сознание, рухнул на землю. Отец Колумбан попутно пнул рыцаря, пытаюсь разбудить. Мишель вскинулся и охнул:

– Чего? А? – и тотчас начал тереть заспанные глаза.

– Ничего, – грубо ответил старец. – Поднимайся и займись делом. Твой оруженосец потерял сознание, но скоро очнется. Пока сними ремень и привяжи его к седлу. Понял?

– П-понял, – заикнувшись, кивнул сэр Мишель, с трудом встал на ноги и дрожащими пальцами начал расстегивать пряжку пояса. Спать хотелось неимоверно.

Отец Колумбан резко развернулся и зашагал к Мессиму, выглядевшему отчего-то удивительно расстроеным.

– Снова ты? – грубовато спросил отшельник, подойдя вплотную. – Я ведь, кажется, по-человечески просил оставить их в покое!

– Да, снова я, – подтвердил сатана, поджимая губы. – Зачем притащился? У меня все получилось! Ты же знаешь, чем грозит их присутствие в мире!

– Чем оборачивается твое – знаю, – прошипел отец Колумбан. – Убирайся!

– Фи, как невежливо, – ухмыльнулся Мессир. – Впрочем, я готов выслушать твои предложения...

– Есть только одно – возвращайся в ад и перестань бродить по земле. Хоть ненадолго.

– Брось, – махнул рукой Мессир. – Ты прекрасно знаешь, что ад – выдумка людей! Как я могу уйти в несуществующее место?

– Прекрати разводить бессмысленную софистику и уходи, – твердо сказал отшельник. – Ты должен понимать, от имени кого я говорю. Мессир неожиданно сдался, хлопнул себя ладонью по бедру и сказал не без сожаления:

– Мы оба представляем, что творится вокруг. Учти, я не стану больше приходить сам, но наша парочка всегда и постоянно будет наткаться на... трудности. Они сами будут их создавать, кстати. Ну, ты меня понял.

Не прощаясь, Мессир повернулся на каблуках, шагнул к своему громадному коню и легко вскочил ему на спину, ухватившись левой рукой за гриву. Жеребец тронулся с места в резвую рысь, постепенно переходящую в галоп и направился через всю поляну к лесу, прямо на строй деревьев. Сэр Мишель, зачарованно наблюдавший за ним, с легким ужасом разглядел, как конь и всадник пронеслись сквозь древесные стволы, превращаясь в черную смазанную полосу, и спустя мгновение растворились бесследно.

Лютня, лежавшая у пенька, полыхнула синеватым, почти незаметным пламенем и исчезла. Среди низкой травы осталось лишь выжженное пространство в виде силуэта сгинувшего инструмента.

Рыцарь подбежал к отцу Колумбану, схватил его за руку и, заглянув в глаза, хрипло спросил:

– Он больше не придет?

– Не придет, – успокоил сэра Мишеля отшельник.

– А Джонни? – Рыцарь беспокожно оглянулся на все еще пребывающего в забытьи оруженосца. – Здорово ему досталось... Кто его ударил? Он?

– Я. Отлежится твой оруженосец, – ответил святой. – Голова, конечно, поболит. Счастье, что я вовремя успел.

– А... – начал было сэр Мишель, но святой отец замахал руками и немедля перебил рыцаря:

– Потом, потом. Давай-ка погрузим нашего друга на лошадь и отправимся ко мне. Нам всем предстоят долгие разговоры...

– Да уж понятно, – проворчал рыцарь. – Что же делается вокруг, а? Они вдвоем подняли Гунтера, донесли до лошадки и, кряхтя от натуги, взвалили на седло. Сидеть оруженосец, само собой, не мог, а посему пришлось просто положить тело поперек седла, точно мешок с поклажей и вдобавок привязать – свалится еще!

С тем вся троица и покинула памятную полянку в лесу, окружавшем замок Фармер.

* * *

Хижина отшельника не была таковой в прямом смысле слова – отчасти дом походил на громадную землянку; сэр Мишель по рассказам отца Колумбана и Виглафа знал, что такие строения прежде возводили норманны, до времен, когда научились строить каменные жилища. Длинный бревенчатый сруб был наполовину вкопан в землю – открытой оставалась одна

крыша, сейчас, впрочем, всю поросшая травой. Издали складывалось впечатление, будто на расчищенной вырубке возвышается странный прямоугольный курган. Лишь взглянув с южного торца, можно было понять, что перед глазами самое настоящее человеческое жилище. Да вдобавок над длинным холмиком почти незаметной тонкой струйкой поднимался сизый дымок.

Теперь настало время рассказать подробнее о самом отшельнике.

Отец Колумбан появился в пределах баронства Фармер лет сорок или сорок пять назад. Тогдашний владетельный барон Фридрих, дед сэра Мишеля, воевавший на стороне императрицы Матильды за Английскую корону, однажды вернулся домой из Британии, после нескольких лет отсутствия не только со своими оруженосцами и лучниками, но и вместе с неким валлийским или ирландским (никто доподлинно не знал) монахом. На вид святому брату было годов пятьдесят или чуток поменьше, но люди замечали, что роскошная рыжая борода и мощные телеса больше подходили человеку молодому...

Сей пришелец с туманного острова прибил к копыю сэра Фридриха достаточно давно и путешествовал да воевал вместе с бароном де Фармер. История знакомства Фридриха с Колумбаном была темной и несколько загадочной, однако бабушка теперешнего Фармера, особа настойчивая и бойкая, сумела выведать у мужа обстоятельства встречи со странным кельтом, после чего сэру Фридриху в течение месяца пришлось спать отдельно от горячо любимой, но ревнивой супруги... Все оказалось просто и буднично – господин барон по пьяному делу сумел подцепить в Британии дурную болезнь, ибо и в те времена девицы определенного сорта, повсюду таскавшиеся за армией государыни Матильды, были самыми привычными и необходимыми спутницами рыцарского воинства. Барон Фридрих мучился лихорадкой и немощью в известных частях тела от Пасхи до дня святого Антония Падуанского. В тот памятный день судьба свела норманна с отцом Колумбаном, монахом, рукоположенным (правда, всего неделю тому назад) в священнический сан. Брат ордена святого Бенедикта не только отпустил не такие уж тяжкие грехи, отягощавшие душу барона, но и довольно быстро излечил мучимое болезнью тело. Благодарный сэр Фридрих попросил остаться отца Колумбана со своим отрядом, ибо не один только барон страдал от досадной хвори...

Отец Колумбан получил обширную паству, барон де Фармер – отрядного капеллана и заодно лекаря, а свита сэра Фридриха – личного исповедника, знавшего Писание почти наизусть и умевшего излагать духовные истины понятным языком, да так аппетитно, что даже самые заядлые грешники слушали монаха, раскрыв рот, и уходили с просветленными лицами. Что именно творилось в их душах после проповедей и молитв, по-прежнему оставалось загадкой – многие избегали приходить к исповеди, довольствуясь введенным отцом Колумбаном обычаем по воскресеньям отпускать все какие ни есть грехи коленопреклоненной пастве. Получилось, что и овцы были сыты, и волки целы.

Отец Колумбан при всей святости, положенной сану и верному служителю Святой Матери-Церкви, с оружием обращался удивительно умело, благо родился в Ирландии, в чем, правда, полной уверенности не было – просто первые детские воспоминания относились к пребыванию в ирландском пещерном монастыре в Донеголе. Сам Колумбан прекрасно знал, что являлся незаконным сыном впавшего некогда во грех отца-настоятеля и неизвестной бедной потаскушки, после родов подбросившей детище папаше. Аббату ничего не оставалось делать, кроме как взять сынка на воспитание. Все монахи, равно и епископ Донегола прекрасно знали о происхождении юного послушника, но помалкивали – у самих и не такие грехи водились. Двенадцати годов от роду, Колумбан сбежал от постылого папочки и его развеселых монахов, перебрался в Уэльс, где нанялся в поденщики, но позднее ушел послушником в Бенедиктинское аббатство и принял там постриг, не сумев преодолеть устоявшиеся с детства привычки.

И случилось так, что в один далеко не прекрасный день фламандские наемники из армии короля Стефана разорили обитель и сожгли ее. Отец Колумбан чудом сумел избежать расправы

– фламандцы, эти дьявольские отродья, перебили почти всю братию – и двинулся к Глостеру, надеясь примкнуть к отрядам императрицы.

Повезло барону Фридриху – он разом получил в свое копьё отличного лучника и самого настоящего священника: Колумбан успел до разграбления монастыря принять сан.

Не пожелав по окончании войны бросать господина барона (благо податься было совершенно некуда), отец Колумбан отправился с ним в Нормандию. Изначально Фридрих хотел предложить воинственному батюшке должность капеллана часовни в замке Фармер, но святой отец, несколько неожиданно раскаявшись в многочисленных грехах своих, решил последовать старой традиции кельтского христианства: зажить отшельником. Пустыни, к сожалению, под боком не оказалось, и отец Колумбан обнаружил, что жить в лесу ничуть не хуже, чем в безжизненных песках или на холодных, скудных горных склонах. Дом он построил самостоятельно, лишь с небольшой помощью барона, придерживаясь почерпнутых из сказаний о древних норманнах традиций, и зажил себе в тиши и уединении.

Лет десять об отшельнике мало кто знал в округе – живет себе монах, и пускай живет, благо никого не трогает, кур не ворует, девок не пугает. Но по прошествии этого времени про отца Колумбана начали распространяться любопытные слухи. То корову вылечит, то расслабленного на ноги поднимет, а иногда, случалось, помолившись, пустынный и вовсе неизлечимые хвори изгонял. Впрочем, святым его стали почитать после одного совершенно невероятного чуда, сотворенного лет восемнадцать назад, как раз во времена окончания второго похода христианского воинства в Палестину. Некий рыцарь, возвращаясь через баронство Фармер из Святой Земли в Англию оказался болен черной оспой. Остановился сей доблестный сэр в замке, за пару дней заразил большинство его обитателей, а деревенская прислуга принесла хворь в окрестные поселки.

Отец Колумбан явился в замок Фармер немедленно, осмотрел больных, среди коих оказался и сам Фридрих, к тому времени изрядно постаревший, и, против своего обыкновения творить молитву в уединении, бухнулся на колени прямо среди двора, громко взывая к Господу Богу и всем святым. Молился старец до заката, потом же просто встал и ушел.

К утру все были здоровы. Включая и проезжего рыцаря, бывшего еще вчера при смерти. Только слабость оставалась еще у некоторых дня три, да не исчезли с лица следы заживших чудесным образом язв и струпьев.

В деревнях баронства приключилась похожая история – отец Колумбан не пользовал недужных травами или целебными минералами, а лишь молился да распевал псалмы на латыни, благословляя направо и налево громадным деревянным крестом. Одним словом жертв черной хвори почти не досталось – единственно, немногие умерли раньше, чем отец Колумбан узнал о напасти.

В одночасье отец Колумбан в глазах крестьян, старого барона и соседей, узнавших про чудеса, превратился в святого. Сам он категорически отрицал свою святость, сообщая, что чудо сотворил вовсе не он, а иная, высшая сила – замусоленный указательный палец монаха при этих словах неизменно указывал в небеса.

Однако народная тропа к дому отшельника упрямо не желала зарастать. Приходили все: арендаторы, йомены, рыцари, разбойники (последних отец Колумбан почитал особо – кому же необходимо бороться за их души?). Следует отметить, что лесная братия зачастую являлась к святому не на исповедь или причастие, а с вполне мирскими просьбами: укрыть на время своего, вылечить раненого, а то и вовсе обратить свинец в золото... Ходили упорные сплетни, что святой Колумбан иногда обращал самые простые металлы в благородные, но с неким французским герцогом история приключилась прямо противоположная. Обедневший дворянин пригнал к жилищу пустытника воз, набитый медью, и потребовал немедленно облагородить металл. Колумбан выставил герцога со скандалом, а потом француз рассказывал,

будто последние золотые цехины в кошельке неожиданно-негаданно обратились в жалкие истертые медяки...

Наверняка все это были непотребные враки – чего только про святых не наплетут!

Отец Колумбан никогда не забывал своего благодетеля – старого барона, и с ним его сына Александра, да внука Мишеля. Гостем в замке святой отшельник был частым и желанным, три поколения Фармеров стали его духовными детьми, мелкие чудеса он творил постоянно, но такого, как сегодня, сэр Мишель еще не видал, да и не мог видеть прежде. Пустынный изгнал не кого-нибудь, а самого дьявола, ничуть при этом не испугавшись!

Рыцарь и святой подошли к самому входу в жилище, к небольшой грубой коновязи. Сэр Мишель так и не сел в седло на пути к обиталищу пустытника, боясь обидеть отца Колумбана, да и следовало поддерживать постоянно сползавшего с лошади бесчувственного оруженосца.

Как крепко его ни привязывай, результат один – почти бездыханное тело так и норовит свалиться с седла то на одну, то на другую сторону. Один раз Гунтер едва не грохнулся наземь, и сломать шею германцу не позволили только руки вовремя подхватившего его рыцаря.

По дороге сэр Мишель и старый Колумбан не разговаривали. Отшельник был угрюм да мрачен, а норманн пребывал в полнейшем расстройстве чувств и переживал молча. Прекрасно известно, что дьявол искушает смертных лишь необходимыми, вожденными вещами или желаниями, вот и сейчас нечистый безошибочно ударил по самому болезненному месту в душе оруженосца. Конечно, Джонни ужасно хочется домой, но наверняка, на самом деле, он сейчас желает остаться здесь, в Нормандии. К тому же Джонни у себя там не был даже оруженосцем, а о рыцарском посвящении уж точно мечтать не приходилось... Как здорово, что отец Колумбан пришел так вовремя!

– Давай снимать его, – проворчал пустынный, когда сэр Мишель прикрутил поводья своей кобылы к бревнышку. – Занесем в дом.

Они отвязали Гунтера от седла, опустили на утопанную землю перед дверью и норманн снова похлопал оруженосца по щекам.

– Эй, оруженосец, ты меня слышишь? – воззвал рыцарь. – Скажи что-нибудь!

– Что-нибудь... – не открывая глаз, покорно повторил Гунтер.

– В дом! – распорядился отшельник, пиная ногой притвор и нагибаясь к ногам германца. – Ну, взялись!

Жилище святого Колумбана меньше всего походило на келью, будучи на удивление просторным, хотя и мрачноватым по причине отсутствия окон. Свет давали только многочисленные сальные свечи возле самодельного алтаря да круглый открытый очаг под отдушиной в потолке, располагавшийся в дальнем, северном конце дома. Мишель бывал у отца Колумбана и раньше, потому и не удивился такому странному, по его понятиям, жилью. Насквозь прокопченный потолок покрывал толстенный слой сажи от смоляных факелов, возжигаемых зимой, и дыма постоянно горевшего очага. Справа, у восточной, как и положено каноном, стены красовались над алтарем деревянное распятие и раскрашенные фигурки святых.

Дальше, шагов на десять, посреди помещения громоздился чудовищно корявый, бесформенный стол, видимо, изначально задумывавшийся мастером как круглый, а по стенам тянулись лавки, заваленные поеденными молью волчьими шкурами. К отцу Колумбану частенько забредали паломники или просто путники, и по монастырскому обычаю места должно было хватать всем. Стол украшали несколько деревянных чаш и тарелок, сейчас немых и сваленных грудой прямо возле обеденного котла. Видимо, отец Колумбан мыл свою посуду только тогда, когда чистых мисок уже не оставалось, и святой оказывался перед выбором: есть из заплесневелой посуды или засучить рукава рясы и заняться мойкой. Правда, частенько проблема мытья посуды решалась менее болезненным для ее обладателя способом – накладывалась суровая епитимья на кого-нибудь из явившихся покаяться грешников.

– Фу, ну и денек! – вздохнул старец, усаживаясь на лавку. – Чудеса в решете!

– Как хорошо, что ты его прогнал, – снова завел свою музыку рыцарь, но отец Колумбан лишь отмахнулся.

– Не успел вовремя, – огорченно сказал он. – Ты знаешь, как я догадался, что этот господин бродит неподалеку? Очень просто! У меня все молоко в момент скисло. А ведь только сегодня прихожане из деревни принесли! Чем ужинать будем – не знаю...

Глава восьмая Поединок с крокодилом

Отец Колумбан между делом разбирал пузырьки с разнообразными целебными снадобьями, в изобилии стоявшие на многочисленных стеллах и, найдя потребное зелье, повернулся к сэру Мишелю:

– Мишель, поддержи своего оруженосца, он сейчас проснется и будет очень недоволен...

Норманн подошел к лавке, на которой лежал Гунтер, и, опустившись рядом, крепко взял германца за руки. Отец Колумбан нагнулся над бесчувственным гостем, пребывающем в странном полусне, и, нажав двумя пальцами на щеки, разомкнул челюсти.

– Держи! – рявкнул отшельник на Мишеля, вливая едко пахнущую жидкость в рот оруженосца.

Сэр Мишель налег на Гунтера всей тяжестью своего тела, но едва смог сдержать неожиданно начавшего вырываться и размахивать руками германца.

Гунтер все же успел проглотить большую часть отравы святого отца, закашлялся, неожиданно вскочил на ноги, с силой оттолкнув собственного рыцаря, и воззвал:

– Да что происходит, черт вас всех дерит? Чем вы меня опоили?! Какого дьявола? – Эти слова Гунтер выкрикнул по-немецки, не совсем пока понимая, где находится и что происходит. Сильно болела голова, а на затылке выросла солидная шишка. Рука отца Колумбана была крепкой, но куда крепче оказался его посох, настоящий, хорошо просушенный дубовый сук...

Старец стоял рядом, скрестив руки на груди, и ухмылялся, наблюдая за разбушевавшимся оруженосцем. Только последние слова Гунтера, видимо, слегка вывели его из себя.

– Какого, говоришь, дьявола? Самого обыкновенного! Он, к счастью, всего один, – прорычал гость, – А будешь поминать Князя Ночи все – еще и не на такие неприятности нарвешься! Скажи спасибо, болван, что жив остался!

Отец Колумбан, умолкнув, убрал со стола грязную посуду, положив тарелки прямо на пол, и принес деревянную бадюку с водой. Пригодится.

– Что стоите? Садитесь, – громко предложил отшельник, нарушая установившееся вдруг неловкое молчание.

– Ладно, – сдался Гунтер. – Кто-нибудь мне объяснит, почему я оказался здесь, что случилось раньше и вообще в чьем доме мы находимся?

Германец, безусловно, узнал отца Колумбана, однако воспоминания о пребывании на солнечной придорожной полянке в лесу канули бесследно с момента, когда Мессир заговорил о возвращении домой.

– Ты разве ничего не помнишь? – изумился сэр Мишель. – Этот... седой сначала играл на лютне, потом... Я тоже забыл.

– Ну-ка, ну-ка, – Гунтер с интересом воззрился на сэра Мишеля. – Нет, этого старого негодяя я прекрасно помню, но потом... Будто провал в памяти.

– Немудрено, – проворчал отец Колумбан, присаживаясь к столу, остальные, повинаясь знаку руки отшельника, последовали его примеру. – Больше слушай искусителя! Да с ним не только говорить опасно, но даже упоминать его имя все. Полагаю, он просто хотел избавиться от тебя. И наверняка уверил, что сможет вернуть обратно.

Память Гунтера начала проясняться. Ну и морок навел на него господин в малиновом берете! И ведь точно, вначале разговор шел о строении двух Вселенных, потом... Ох, он ведь даже пообещал заправить самолет бензином! Ну и ну...

Гунтер, немного робея под пронзительным взглядом отшельника, словно пытавшегося просверлить глазами дырку в голове оруженосца, в общих чертах передал отцу Колумбану смысл беседы с Мессиром.

– Искушение, искушение... – пробормотал германец, вспомнив слова монаха. – Вот оно что! А я и поддался. А вдруг, – Гунтер с некоторой опаской покосился на отшельника, – Мессир и вправду вернул бы меня обратно?

Услышав слова, произнесенные германцем почти шепотом, отец Колумбан гневно сверкнул глазами, но голос его остался ровным и спокойным:

– Вернуть-то он тебя действительно собирался, а вот дальше... Полагаю, Мессир нашел бы способ избавиться от ненужного человека. Не знаю. Говоря о твоей смерти *там*, Князь Ночи наверняка не лгал, всей правды, однако, тоже не открыл. Как обычно, впрочем. Ты слышал о предопределении? О судьбе?

– Конечно, – кивнул Гунтер. Между прочим, и Мессир о чем-то подобном упоминал еще в первом разговоре...

– Все в мире взаимосвязано, – сказал монах, обретая вдохновенный вид проповедника, – каждая травинка имеет свое значение и место в Большом Творении, а человек тем более! Твое предопределение в *старом* мире исполнилось – ты, вернее твоя первая сущность, перестала существовать в пределах зримого Творения...

– Это я и от Мессира слышал, – германец начал злиться. Сколько можно талдычить одно и то же! И святой, и бес повторяют как попугаи: «Ты, милейший мертв, но одновременно жив». Прекрасно, но тогда расскажите, каковы следствия этой абсурдной аксиомы?!

– Твое возвращение обратно, скорее всего, невозможно, – четко произнес отец Колумбан, – Нарушится общая картина Большого Творения. Неизвестно, что получится, если ты вернешься домой живым. Лишний человек... Вдруг однажды ты бы смог убить на поединке короля или принца, например, Франции? Которые обязательно остались бы живы, не будь тебя в пределах тварного мира?

– В нашей Франции нет короля, – машинально заметил Гунтер, – Там республика. Значит, Мессир, который так печется о том, чтобы история мира осталась стабильной, хотел выкинуть меня отсюда, а там угробить? Понимаю, понимаю... Тогда обе Вселенных развивались бы без всяких изменений, точно? Здесь случилось бы все, что должно случиться – все войны, эпидемии, инквизиции... Так?

Отец Колумбан молча кивнул. Сэр Мишель сидел тихо, стараясь не перебивать. Рыцарь по-прежнему понимал очень немного, но вопросы пока решил отложить на потом – Джонни рано или поздно разъяснит.

– Но если я понял правильно, – продолжил думать вслух Гунтер, не глядя на собеседника, – значит, и здесь мне нельзя оставаться...

– Почему? – искренне удивился старец. – Разве, зная будущую историю, тебе не захочется ее изменить в лучшую сторону? Насколько я могу судить, второе Творение было создано не для повторения прежних ошибок человечества, а с целью дать людям возможность пойти новой дорогой! И потом, существо, которое ты называешь Мессиром, уже начало действовать, сразу после твоего появления выставив на игральную доску свою фигуру и тем уравнив силы. Я это твердо знаю.

– Откуда? – оторопел германец.

– У меня частенько бывают теологические диспуты с некоторыми... э-э... личностями, – фыркнул святой. – А со знакомым тебе господином я имел встречу только вчера. Нехорошо, когда дьявол гуляет по земле. Вот мне и поручили вежливо попросить его вернуться в Пустоту.

– Кто поручил? – вытаращился Гунтер.

– И почему ты такой любопытный? – скривился отец Колумбан. – Кто надо, тот и поручил. Если ума достаточно – сам догадаешься.

«Великолепно, – отрешенно подумал Гунтер. – Значит, можно жить в двенадцатом веке, не опасаясь последствий собственной деятельности? Рыцари, монахи, запросто беседующие с Господом Богом... Вдобавок появилась „другая фигура“... Прикажете бороться с посланником сатаны? Да за кого они меня принимают?»

– А кто это? – не выдержал сэр Мишель, опередив на мгновение оруженосца, собиравшегося задать аналогичный вопрос. – Я про фигуру... Черную.

– Человек, – буркнул отшельник, – Обычный смертный, только отдавший душу и тело неназываемой силе... Он опасен тем, что сделал это не из страха или жадности мирских благ, а добровольно, искренне полагая, что Мессир сильнее... Кто он – мне неизвестно.

– Ладно, понятно, – вздохнул Гунтер и задал самый главный вопрос, ответ на который искал все последние дни: – Нам-то с Мишелем как быть дальше?

– Просто жить, – ответил отец Колумбан, – если вы избраны, значит, не вы найдете поприще, а оно вас. Однако это не значит, что следует бесцельно проводить время на охоте или... – святой строго покосился на рыцаря, – или на сеновалах. Поймите, дурни, в одиночку вы не сможете ничего совершить. Лишь вместе вы сила. Нечистый будет стараться разрушить ваш союз, вспомните тогда о моих наставлениях. Преодолеть искушения вам поможет чувство долга – крепко держите свое слово...

– Какое слово? – не понял Гунтер, перебивая отшельника. Оруженосец медленно оглядел отца Колумбана. – Вы хотите потребовать от меня... нас некоей клятвы?

Старец отрицательно покачал головой:

– Сказано в Писании – «Не клянись». И вообще, дорогие мои, вам вдвоем действительно представляется возможность изменить историю мира. Князь Ночи, насколько я понимаю, пугал вас всякими рассказами о том, что убей вы предка некоей великой личности из будущего – случится страшное? Подумайте сами, разве было бы плохо, если Гай Кесарь Калигула несколько столетий назад не появился бы на свет?

– Наверно, не было, – согласился Гунтер. – Но тогда все стало бы по-другому!

– А кто такой Калигула? – неожиданно встрял сэр Мишель.

– Да был один, – отмахнулся оруженосец, – Импер... э... ну, в общем, король Италии. Не самый лучший. – Гунтер снова взглянул на отшельника. – Значит, мы можем просто делать что хотим? И наши действия не повлекут... нехороших последствий?

Святой посмотрел на германца серьезно.

– Смотря какие действия. И при каких обстоятельствах.

– То есть, – осторожно начал Гунтер, – если я, неплохо зная историю своего мира, вмешаюсь в некие будущие события... Я, например, помню о смерти Фридриха Барбароссы, который должен утонуть через... – Гунтер нахмурился, прикидывая даты, – Ну да, почти через год. И ведь мы можем успеть на берег реки Салеф к десятому июня следующего года. Представляю, что станет, если император Фридрих фон Штауфен придет в Палестину, в Святую Землю вместе со своей армией! Предполагаю, это будет уже не обычное изменение истории, а нечто большее.

– Вот-вот, – подтвердил отшельник, пытаясь не обращать внимания на настойчивые тычки локтя сэра Мишеля. Рыцарь был поражен новостью о возможной смерти императора германского и ему очень хотелось расспросить подробнее.

«Любопытная картина вырисовывается, – подумал Гунтер, – слова этого необычного старца истолковать двояко невозможно. Если он действительно святой, а может, ангел, архангел или кто еще там, замаскировавшийся под человека? – получается, что мне вместе с рыца-

рем дается право делать самые невероятные вещи, не оглядываясь на возможные последствия в будущем. Спасти Барбароссу – только представьте!..»

– Хорошо, – сказал германец, – имеются три вопроса. Первый – что нам следует делать? Второй – сможем ли мы делать это спокойно, не сталкиваясь на каждом шагу с... потусторонними силами? И третий – не вызовет ли мое вмешательство последствий противоположных? Я имею в виду – а вдруг станет еще хуже?

– А это от тебя зависит! – ответил ирландский монах, разводя руками. – Понимаешь ли, никто не вправе отдавать тебе приказы. Пойди, мол, туда, сделай то, не делай это... Никому не позволено нарушать свободу воли, а мне и подавно! Единственно, я могу дать совет. А воспользоваться таковым или оставить без внимания – тебе решать... Я сказал уже, что в мир пришел, подобно тебе, посланник Люцифера. Он будет действовать не в пример быстрее, не стесняя себя законами или честью. Вот, кстати, ваша слабая сторона – зло всегда нападает внезапно, из-за угла, когда никто не ожидает его атаки. Вы не в состоянии нанести удар первыми.

– Прикажете бороться с этим неизвестным? – усмехнулся Гунтер.

– Не прикажу – придется. Повторяю, я не знаю кто это, как выглядит, сколько ему лет и как зовут. Жить этот человек может где угодно – и в соседней деревне, и в Китае. Вы о нем не знаете, он о вас знает. И будет искать... Делайте выводы.

– Нам что, теперь всем незнакомцам головы рубить? – вдруг вмешался сэр Мишель.

– Смысла не имеет. Ох, тяжка наставническая миссия... Маленькие вы еще. И, кстати, давайте отложим разговоры на другой день, – отец Колумбан неожиданно поднялся, видимо, уяснив, что гости устали, – шевалье де Фармер сейчас ляжет спать, понятно? Господин фон Райхерт, или как тебя там, пойдет мыть посуду! Я отправлюсь кормить лошадей и приготовить дров на ночь. Все понятно?

– Ага... – отрешенно кивнул рыцарь, – спать? Я с удовольствием...

Когда отец Колумбан вышел наружу, а рыцарь, смущенно подобрав меч, брошенный прямо на пол, улегся на лавку, зарывшись в шкуры, Гунтер, с легким ужасом оглядев гору грязных деревянных тарелок, налил в котел воды из бадейки и поставил его на огонь. Видимо, старец знал, какую епитимью следует наложить на проштрафившегося оруженосца – заниматься мытьем посуды Гунтер терпеть не мог.

* * *

Утром, семнадцатого августа, трактирщику Уилли Боулу пришлось собрать в кулак всю свою выдержку и смирение.

Уилл как раз вышел во двор, за водой, когда трое всадников свернули с Алансонской дороги и направились к дому. Трактирщик застыл и выругался, правда, едва слышно. Вся троица была ему прекрасно знакома – впереди, на высокой кобыле, восседал сын барона де Фармер, рядом ехал тот самый рыжий приятель сэра Мишеля, немец, ведущий на поводу заводную лошадь, а сзади, на пегом муле, трусил святой отшельник, отец Колумбан. Но самым странным было то, что молодой Фармер оказался прилично, хотя и без излишней роскоши, одет, при мече и новой кольчуге. Значит, господин барон Александр опять-таки простил своего непутевого сына. Добрый барон, ох добрый!..

Уилл молча поклонился гостям, набрал воды из колодца и направился обратно к дому, со смятением подсчитывая возможные убытки от пребывания сэра Мишеля в «Серебряном щите». Между прочим, Рыжий Уилли не решился поехать в замок к барону просить возмещения за сожженный сарай – чего доброго выставят взащей. Разве барон должен платить за буйства пьянчуги-сыночка?

Сегодня этот бесенок наверняка снова налижется до поросячьего визга, и даже присутствие отца Колумбана его не остановит. Кстати, а почему отшельник сопровождает двух благородных господ?..

Словом, Уилл промолчал, стараясь не показывать недовольства при виде господина Фармера. Скажешь лишнее слово – за меч может схватиться. От благородных чего угодно можно ждать!

Уилл поднялся на крыльцо и отворил дверь, когда его остановил возглас:

– Эй, любезный, подожди немного!

Сказано это было с сильным акцентом и немного гнусаво. Трактирщик вздохнул, развернулся и, поставив бадью у ног, сокрушенно воззрился на направлявшегося к нему дружка сэра Мишеля, спешившегося и передавшего поводья отцу Колумбану.

– Что будет угодно господину? – хмуро спросил Уилли, предполагая, впрочем, что сейчас потребуют неожиданные гости: вина, эля, хорошей еды. И желательно подешевле, а то и вовсе бесплатно.

Рыжий немец поднялся по всходу, остановился рядом с хозяином, и сказал, немного спотыкаясь на сложных словах:

– Двумя днями раньше по нашей вине сгорел твой сарай. Возьми это и построй новый.

Уилл ошеломленно наблюдал, как молодой господин снял с пояса тяжелый, плотно набитый мешочек, развязал стягивавший его кожаный шнурок и высыпал себе на ладонь с десяток монет. Когда кругляшки перекечевали в руки хозяина «Серебряного щита», рыжий слегка кивнул и двинулся обратно к своим спутникам, так и не покинув сидел.

– погодите. – Уилл настолько поразился произошедшему, что догадался остановить приежжего только опробовав на зуб золотые дублоны Людовика Французского и убедившись, что монеты самые настоящие. – Господа хорошие, святой отец, разве можно уезжать, не покушав? Тут не только на новый сеновал хватит, но и вам на обед! Заходите в дом!

Сэр Мишель вопросительно взглянул на отца Колумбана, и отшельник кивнул:

– Давайте перекусим, коли предлагают. Ехать долго.

Лошадьми и мулом отца Колумбана занялся прислуживавший в трактире мальчишка из Сен-Рикье. Отшельник первым прошел в трактир, потянул носом воздух и сокрушенно проворчал:

– Сегодня печеная баранина. Гореть нам всем в аду. Чревоугодие, если говорить прямо, есть смертный грех.

– Бросьте, святой отец, – отозвался Гунтер, усаживаясь за знакомый по недавнему посещению «Серебряного щита», стол. – Вас послушать, так простому человеку шагу ступить нельзя, не согрешив. У нас на многие вещи смотрели проще.

– Вот и докатились до всеобщих войн, – парировал отшельник. – Я, откровенно говоря, вообще не понимаю, как вы жили в своем будущем. После твоих рассказов, сын мой, мне плохие сны снились.

Сэр Мишель опустил на лавку рядом с оруженосцем, грохнув ножами меча.

– Почти до рассвета сидели, – укоризненным тоном сказал рыцарь, – вместо отдыха. Так кому хочешь разная жуть видется будет...

И правда, Гунтер да святой выглядели уставшими и не выспавшимися. Засиделись они вчера до глубокой полуночи, разговаривая тихо, чтоб не разбудить сэра Мишеля. Гунтер, перебив загаженную отцом Колумбаном посуду, вышел наружу вылить грязную воду из котла, да посмотреть, что подельывает отшельник. Святой увлеченно рубил дрова, беседуя сам с собой на высокой латыни – наверное, молитвы бормотал. Германец предложил свою помощь, и вдвоем они быстренько управились, а затем, устроив в очаге настоящий пожар, заново уселись за стол. Сэр Мишель дрых беспробудным сном истинного праведника или закоренелого грешника и посему слышать мудреных речей, продолжавшихся едва не до рассвета, не мог.

Гунтер задал, почитай, все интересовавшие его вопросы и получил ответы, не в пример более четкие и доходчивые, нежели во время бесед с Мессиром. Интересно было все: почему в замках живут домовые, кто сейчас король и что он делает, как расплачиваться с торговцами или содержателями постоялых дворов, хороший ли человек аржантанский бейлиф, и наконец, где можно спрятать страшного дракона Люфтваффе?..

Отец Колумбан покатывался со смеху, выслушивая недоуменные речи человека, рожденного семь с половиной столетий спустя, но искренне старался просветить несмышленного оруженосца как в делах чисто житейских, так и в высоких материях. Выяснилось множество занятных вещей. Оказывается, новый мир и действительно до последней пылинки повторял прежний, изначальный, а домовые, ведьмы и прочая нечисть, равно как и чудеса, творимые святыми да всякими штучками наподобие гвоздей Истинного Креста (само собой настоящих, а не поддельных), проистекали оттого, что мир просто не успел состариться и большая часть силы, вложенной в миг Творения, оставалась на Земле. Конечно, и непритворная вера играла огромную роль – люди здесь стоят гораздо ближе к Богу, нежели в более поздние времена. Однако и дьявол не пребывает в бездействии... Таким образом, в двенадцатом веке вполне можно встретить вампира, настоящее привидение или даже оборотня-вервольфа. А Чаша Святого Грааля и впрямь существует, а обретший ее рыцарь получит бессмертие...

Такие дела.

– Как я здесь буду жить? – в конце концов схватился за голову Гунтер, и отшельник мигом переменял тему разговора, не давая оруженосцу погрязнуть в грехе уныния:

– Кто-то здесь хотел исповедаться? Не передумал?

– Какое тут... – вздохнул германец. – Хорошо, святой отец, грешна я...

– Это и барсуку понятно, – хмыкнул отец Колумбан. – Давай к огню усаживайся. У меня, честно признаться, жбанчик с пивом остался, специально прятал. А то наш рыцарь пиво трескать горазд – все до капли выдул бы. Давай, кайся, сын мой...

И святой отшельник, умело выбив деревянную затычку, наполнил две кружки.

Шептались они очень долго, и на исповедь ночной разговор походил менее всего. Отец Колумбан принялся расспрашивать германца не про его грехи, а о житии людей в далеком будущем, об истории крестовых походов, про королей нынешних и пока не родившихся. Гунтер рассказывал все, что сумел вспомнить, немало огорчив отца Колумбана повестью о скорой гибели христианских королевств в Святой Земле, смерти императора Фридриха и предпринятом завоевании Нормандии и Аквитании армией французского короля. Отшельник ужасно расстроился, но потом вдруг просиял:

– А ведь этого может и не произойти! Вот будет здорово вам с Мишелем утереть нос проклятому язычнику Саладину! Попробовать всегда можно!

– Это как? – не понял Гунтер. – Мы же не короли и не герцоги! Кто станет нас слушать?

– Добиться можно многого, – отмахнулся отец Колумбан, – главное захотеть.

Когда Гунтер совершенно выдохся и захотел спать, отшельник отпустил ему грехи, сказав потом:

– Значит, так. Утром я вас подниму и отправлю в замок. Соберете нужные вещи, возьмете лошадей, прихватите какую-нибудь верховую скотинку для меня и заедете сюда.

– Зачем? – удивился германец. – Куда-то отправляетесь?

– Провожу до полдороги, – ответил святой Колумбан. – Хочется посмотреть на твоего дракона. Верней, на *са-мо-лет*. Может, получится к хозяйству приспособить.

После этих загадочных слов святой отвернулся к стене и почти сразу захрапел.

«Здорово все-таки водить знакомство с настоящим святым, бароном-феодалом и даже дьяволом, – задремывая, подумал Гунтер, – кто бы мог подумать...»

Когда все уснули, из небольшой норки за очагом вылез мохнатый бурый домовый и, забравшись на стол, допил оставшееся в кружке отшельника ячменное пиво.

Все утро было наполнено бегом. С превеликим трудом отец Колумбан растолкал сэра Мишеля и оруженосца, напоил жаловавшегося на головную боль после удара посохом Гунтера неким целительным, но исключительно гадостным на вкус отваром и вытолкал обоих за дверь, приказав вернуться до полудня. Едва заявившись в замок Фармер, сэр Мишель поднялся к барону, сказал, что они с оруженосцем уезжают в Аржантан, и попросил дать необходимое снаряжение. Барон Александр отослал сына вместе с оказавшимся рядом Жаком вниз, сказав слуге помочь сэру Мишелю собраться, а сам вызвал к себе Гунтера. В чем состояла беседа, германец рыцарю не признался, но это было и так понятно: Гунтер вышел из комнаты господина барона с парой увесистых кошель, набитых золотом. Наверняка батюшка сэра Мишеля приказал оруженосцу сына то же, что приказывал ранее Жаку – беречь каждую монету, а сэру Мишелю выдавать деньги только по самой насущной надобности. По расчетам барона Александра золота должно было хватить и на приличный доспех да доброе оружие, и на дорогу.

Однако оставаться совсем невооруженным рыцарь никак не желал. Потому со стены нижнего зала замка были сняты старенькая, хотя и вполне приличная кольчуга да пара мечей. Один из норманнских клинков предназначался Гунтеру, но германец решительно воспротивился – обращаться с холодным оружием он не умел и надеялся пока лишь на автомат да «Вальтер», в обойме которого сейчас не было и единого патрона. Помяная недобрыми словечками Мессира, оруженосец запихнул пистолет в седельную сумку, оставив при себе только вороненый «Шмайссер». В эти беспокойные времена лучше таскать оружие с собой, благо неприятных субъектов, вроде Понтия Ломбардского, по дорогам шляется предостаточно. Да еще этот загадочный субъект, Мессиром посланный...

«Между прочим, – вспомнил вдруг Гунтер, – мы совершенно позабыли, что отец Колумбан как-то связан с противным типом из Ломбардии... А сам отшельник даже словом не обмолвился, словно и не было ничего. Прилично это или нет, но порасспросить нашего пустынного придется...»

– Шлем, копье и щит купим в городе, – весело сказал сэр Мишель, когда Виглаф-конюх выводил лошадей и вытребованного отцом Колумбаном мула из стойла. Барон, кстати, расщедрился и дал заводную лошадь для поклажи. – Джонни, и тебе следует купить броню, нельзя без кольчуги или нагрудника, мало ли...

– Очень хорошо, – кивнул германец, но, представив себя в кольчуге, тихо рассмеялся. Любопытное будет зрелище.

– Удачи вам, господин мой, – не глядя на сэра Мишеля, буркнул Виглаф, передавая рыцарю поводья рыжей кобылки. – Думаю, в следующий раз приедете домой с мечом.

– Уж постараюсь, – ничуть не обидевшись, усмехнулся сэр Мишель. – Много изменилось теперь, Виглаф. Вдвоем мы не пропадем. Глядишь, с поручением бейлифа сладим, в Святую Землю отправимся. – Делать больше нечего... – Конюх тяжело вздохнул и, не прощаясь, медленно отправился обратно в стойло, к своим любимым лошадям.

– Иногда я его совсем не могу понять, – признался Гунтеру сэр Мишель, глядя вслед хмурому норманну. – То говорит, что драться с неверными дело для мужчины достойнейшее, теперь по-другому... Ну что, двинулись? Ничего не забыли?

Нет, все необходимые вещи были уложены. Впрочем, и было их немного: одежда, скромная еда и, почитай, все. Гунтеру забывать было нечего – нужные ему предметы оставались в самолете, и по пути в Аржантан многое следовало обязательно забрать. Германец очень надеялся, что никто пока «Юнкерс» не обнаружил и не обчистил. А если крестьяне или благородные господа наткнулись на самолет, то оставалось уповать на то, что они, увидев эдакое страшилище, испугались не меньше сэра Мишеля. Свою форму Гунтер еще минувшей ночью передал отцу Колумбану на хранение, оставив при себе лишь памятный железный крест за польскую кампанию...

Уже когда забрались в седла, вышел барон Александр. Критически осмотрев сына вместе с оруженосцем, он коротко махнул рукой и сказал:

– Ровной дороги, господа. Буду ждать известий...

Барон повернулся и ушел в дом.

«Коротко и ясно, – подумал Гунтер, трогая лошадь с места. – Никаких слезливых прощаний, скупых родительских слез или трогательных сцен. Слава Богу! Строгое Средневековье мне нравится несколько больше. Терпеть не могу долгие прощания!»

– Наконец-то, – с четко различимым облегчением сказал тут сэра Мишель. – В дороге всяко лучше, чем в четырех стенах, да и привычнее. Едем за отцом Колумбаном, а дальше – как Бог даст!

И верно – сэра Мишель за минувший год настолько привык к странствиям, дорогам и всяким приключениям, как приятным, так и не слишком, что уезжал из родного замка с радостью. Ну ответьте, что ему делать дома? Разбираться с жалобами арендаторов или следить за уборкой урожая? Лет через двадцать, когда он достигнет возраста своего отца, может быть, и станут интересными нудные хозяйственные хлопоты. А сейчас молодая кровь да унаследованный от северных предков буйный нрав зовут к опасным путешествиям, к славным войнам и делам достойным настоящего рыцаря. Все-таки надо будет отправиться в Святую Землю!

Услышанные нынче ночью разговоры о неизвестном посланнике нечистого, который будет всегда вставать на пути, при свете дня вовсе не казались зловещими и страшными. Человек не дьявол, с ним можно сладить и мечом и словом. Мечом лучше. А главное – верой в Бога и в свою победу!

Отбытие молодого Фармера с оруженосцем прошло почти незамеченным. Во двор вылезла одна лишь «валькирия» Сванхильд, и то не потому, что вознамерилась пожелать сэру рыцарю счастливого пути, но по причине куда более банальной – девица вынесла из кухни громадную бадью с помоями, собираясь отнести ее свинарю, в хлев.

– Счастливо, красавица! – выкрикнул сэра Мишель, скидывая руку. – Скажи доброе слово на прощание!

– Скатертью дорожка, сударь, – склочно гаркнула дева. Как видно, запас добрых слов на этом иссяк, и красавица-толстушка, не глядя более на рыцаря, потопала к хлеву.

Сэра Мишель обвел взглядом двор, надеясь, что мелькнет лицо Иветты, наверняка знавшей, что молодой баронет уезжает, но горько разочаровался. Видать, девица так и не пришла в себя после незабываемой ночи... Или за сестрой, скорее всего, благополучно разрешившейся от своей хвори, присматривала.

До дома-пещеры отшельника добрались без происшествий, правда, Гунтер машинально начал подгонять лошадь, когда проезжали через полянку, на которой вчера состоялась встреча с Мессиром. Оруженосец от всей души уповал, что пожилой джентльмен в черном камзоле более никогда не появится сам, как и обещал. Надежда, однако, была призрачной...

Отец Колумбан уже поджидал рыцаря с оруженосцем, сидя на бревнышке возле дома. Немногим после полудня трое всадников выбрались из леса на тракт, ведущий на северо-восток, и направились к деревне Сен-Рикье.

* * *

– Вот и я говорю, судари мои, больно странным мне сей дворянин показался, – Рыжий Уилл бухнул на стол новое блюдо с бараниной и два кругляша грубоватого хлеба. – Вы, господин Фармер, хоть и э... странствующий рыцарь, да без короля в голове, но правила чести блюдете, как видно. А тот – человек совсем никудышный...

Трактирщик, обрадованный неожиданной прибылью, обслужил троих гостей со всем тщанием, на какое был способен, не покупившись даже на красное вино. А когда сэра Мишель,

Гунтер и отец Колумбан насытились и разомлели от великолепного зелья из сладкого винограда, присел рядом за стол, благо проезжающие господа оказались не прочь поболтать.

Следует, между делом, заметить, что упомянутые Уиллом-саксом «правила чести» в виде возмещения убытка за спаленный сеновал, менее всего поддерживались сэром Мишелем. Просто святой отшельник настоял на том, чтобы заехать в «Серебряный щит» и отдать Уиллу Боулу деньги. Рыцарь посопровивлялся, но когда Гунтер одобрил мысли пустытника, сдался, сообразив – при таком раскладе недолго оказаться в проигрыше! Отец Колумбан заявил, что, сделав доброе дело, можно будет заслужить прощения за некоторые прежние грехи, коих у сэра Мишеля в запасе имелось, по словам отца Колумбана, «множество превеликое и престрашное».

Скучающий Уилл (гостей в «Серебряном щите» сейчас вовсе не было) принялся рассказывать о всех последних событиях на Алансонской дороге, своих делах и мелких происшествиях, случившихся за последние дни, мало обращая внимание на то, что гости его речей почти не слушают. Гунтер и лесной отшельник немного задремали – сказывалась бессонная ночь и сытный обед. Лишь когда хозяин упомянул о некоем рыцаре и его рабах-сарацинах, сэр Мишель навострил уши и толчком разбудил Гунтера.

Оказалось, что приснопамятный сэр Понтий, бастард Ломбардский, два дня тому назад остановился в «Серебряном щите» и вел себя самым непотребным образом: отказался платить за своих служек, говоря, будто сарацины не люди, а потому брать с них за постой серебром – грабеж; впоследствии поссорился с проезжающим в Анжу английским оруженосцем и едва того не убил; напоследок же сей добрый рыцарь прижал стряпуху (между прочим, страшную как смертный грех), и сельская девица подняла визг на всю округу. В общем, сэр Понтий Ломбардский заново показал себя удивительным грубияном и наглецом, недостойным рыцарских шпор.

Сэр Мишель громко возмутился и вместе с Гунтером косился на отца Колумбана, сидевшего с насквозь невозмутимым выражением лица. Отшельник делал вид, будто имя сэра Понтия ему ничего не говорило, а истории, случившейся третьего дня в лесу, когда сэр Мишель с оруженосцем спасли отца Колумбана от неминуемой смерти, словно и не случилось никогда.

Лишь покинув гостеприимный дом Уилла Боула и снова выехав на дорогу, святой отшельник заговорил:

– Слуга того рыцаря жил у меня несколько дней, – нехотя начал отец Колумбан. – Он просто заблудился, потерялся, принялся беспокоить людей – еда-то нужна была. Вот я нехристя и приютил. Откуда было знать, что этот раб настолько дорог хозяину...

На том объяснения пустытника закончились, хотя сэр Мишель и «германский оруженосец» пытались задавать отцу Колумбану вопросы. Святой лишь отмахивался да крутил головой, утверждая, будто ничего более не знает, а с сарацином не говорил, по причине незнания восточных языков. Да и о чем говорить с нехристом?

У Гунтера осталось стойкое впечатление, что батюшка по неясным причинам нечто скрывает, но расспрашивать далее смысла никакого не было. Отец Колумбан уперся и молчал.

«Если б наш пустыжник не разводил эдакую таинственность, – недовольно подумал Гунтер, – многое стало бы яснее. Теперь, после всего случившегося, я не верю в случайные встречи. Наверняка сэр Понтий имеет какое-то отношение либо ко мне, либо к истории, связанной с моим появлением здесь. Хотя, будь господин из Ломбардии опасен для нас с Мишелем, отец Колумбан предупредил бы... В конце концов, могут же быть у святого собственные тайны?»

Вдоль утоптанного тракта тянулись уже убранные по большей части поля. Вокруг почти ничего не изменилось, все так же желтели кое-где островки не сжатой пока пшеницы, темными пятнышками выделялись полоски перелесков и торчал справа на холме замок некоего сэра Бреалья, приходившегося барону де Фармер вассалом.

В деревне Сен-Рикье сегодня было несколько оживленнее – уборка урожая почти закончилась, и арендаторы в своих дворах молотили хлеб цепями жуткого вида, даже не оглядываясь на проезжающих мимо всадников. Показалась церковь прихода святого Томаса, и сэр Мишель, окликнув Гунтера, кивнул в сторону окружавших храм деревьев:

– Сарацина-то убрали. Недолго проболтался...

– У нас всегда так, – хмуро проворчал отшельник, расслышав фразу рыцаря. – Сначала вешают, а потом разбираются. Как хорошо в Уэльсе – человека можно казнить только после суда. Сарацин ведь совсем неплохой был. Работающий... Всю посуду перемыл. Сам, без напоминания – увидел, что в жбане мокнет, да и вымыл.

– Ага! – Сэр Мишель слегка натянул поводья, чтобы ехать медленнее. – Это ты епитимью на него наложил...

– Дурачина, – буркнул отец Колумбан.

Выбрался на крыльцо отец Дамиан. Узрел старца. Заулыбался. Сухо благословил сэра Мишеля.

– Мир вам! – Отец Колумбан воздел ладонь со сложенными для благословения пальцами. – Все ли благочинно в приходе?

– Хвала святому Томасу! – прогудел сельский священник. – Вот только прихожане не слишком щедры... Где взять денег на алтарь для придела Богородицы – ума не приложу.

Рыцарь развернулся всем телом к оруженосцу. Как видно, столь же быстрый на раскаяние, как и на грех доблестный рыцарь собирался приказать выдать обнищавшему святому отцу все имеющиеся денежные запасы. Как-никак, благотворительность тоже является одной из составляющих безгрешной жизни. Решив опередить собиравшегося с духом сэра Мишеля, германец сдернул с пояса мешок с золотом, и быстро вынув три монеты, протянул их отцу Дамиану.

– Вот, возьмите... На благо церкви и веры Христовой.

– Щедрый дар, – вдруг раздался новый голос – холодный и немного странный из-за едва уловимого акцента. – Я добавлю свою лепту.

Никто не заметил, как из полутьмы храма на свет выступил невысокий черноволосый и смуглый человек в коричневых одеждах, с кипарисовым посохом паломника и оливковой веточкой, прикрепленной к плечу. Сей пилигрим, метнув острый взгляд на собравшихся у входа, вынул из складок одежды пару серебряных кругляшков и передал монетки священнику.

– Я пойду, пожалуй, – сказал неизвестный. – Благодарю за приют и хлеб. Да благословит вас Господь...

Человек поклонился отцу Дамиану, принял благословение, несколько правда, поспешное, строго взглянул на сэра Мишеля и, спустившись вниз, вышел на дорогу.

– Паломник, – пояснил священник отцу Колумбану, глядящему вслед удалявшемуся незнакомцу, – возвращается из Святой Земли в Англию. А вы куда собрались?

– Тут... недалеко, – коротко ответил пустынный. – На обратном пути обязательно зайду к вам, поговорить.

– Конечно, конечно, – закивал отец Дамиан. – Может быть, задержитесь? Сейчас буду служить обедню...

Отшельник помотал головой, вежливо сказал, что у него и благородных спутников мало времени и они очень спешат. Неторопливо шедшего паломника они нагнали вскорости, возле последних домов. Ехали медленно, и когда мул отца Колумбана поравнялся с пилигримом, отшельник нагнулся и громко спросил:

– Почтенный, каковы дела в Святой Земле и вечном городе Иерусалиме? Ты, наверное, молился у самого Гроба Господня?

Паломник, смуглый от южного солнца, бородатый и хмурый человек, подозрительно оглядел серую рясу отца Колумбана, по монашескому обычаю перевязанную толстой веревкой, задержал взгляд на небольшом посеребренном кресте на его груди и только потом ответил:

– Плохи дела! Разве не слышали? Христиане ушли из Иерусалима. Одна надежда на наших добрых королей. Впрочем, Саладин пускает в город паломников и приходит к Гробу Господню можно... – Тут пилигрим запнулся, словно следующее слово ему было трудно выговорить. – Можно невозбранно.

– А родом ты откуда? – снова спросил отец Колумбан.

– Из Уэльса. Мое имя Годрик.

Странник отвернулся и зашагал медленнее, давая понять, что разговор окончен.

– Пилигрим, – уважительно заметил рыцарь. – Святой человек. В Иерусалиме был. Безгрешный. Как я после исповеди...

– Написано – «нет праведного ни одного»!⁹ – разгневанно рявкнул отец Колумбан. – А за такую ересь вот тебе епитимья – сорок раз прочесть Pater Noster! И, пожалуйста, про себя. Я и так святые тексты с пеленок знаю наизусть!

– Строго вы с ним, – усмехнулся Гунтер, когда сэра Мишель, немного поотстав, с серьезным видом погрузился в молитву. Теперь лошадь германца и мул отшельника шли рядом, а кобыла непутевого рыцаря плелась сзади.

– А как иначе? – вздохнул отец Колумбан. – С Мишелем по другому нельзя. Я вот жалею, что у тебя священнического сана нет. Присматривать за душой младшего Фармера ты не сможешь. Как я понял, там, в вашем будущем, народ обуян безбожием?

– Наподобие...

Дорога была Гунтеру знакомой, он узнавал некоторые приметные места и помнил, что вскоре нужно будет свернуть в лесок, где на одной из множества полянок был спрятан страшный дракон Люфтваффе. Плохо, впрочем, спрятан. Германец оставлял самолет, надеясь, что находится в оккупированной Франции сорокового года, где каждый знает, что это за машина. Но только не в двенадцатом веке... Гунтер представил себе, как один из крестьян, гуляющих по лесу, наткнется на эдакое чудище и с воплями побежит в деревню. А что он будет дальше делать?

Соберет крестьянское ополчение? С вилами и косами пойдет бить дракона? Или пожалуется проезжему рыцарю или своему хозяину-дворянину: дракон, мол, в кустах сидит?..

Гунтер, пускай и был погружен в свои мысли, заметил, что отец Колумбан иногда оглядывается на дорогу и что-то беспокойно бормочет под нос. Вначале германец решил, что святого беспокоит процесс исполнения епитимьи, благо сэра Мишель уже минут сорок не подавал голоса, а за это время можно было мысленно прочесть «Отче» раз сто. Но отца Колумбана духовное совершенствование сэра рыцаря, видимо, интересовало меньше всего – молчит, и то хорошо. Отшельник, озираясь, смотрел не на норманна, а на дорогу, между прочим, совершенно пустую. Единственного попугайчика, пилигрима Годрика из Уэльса, они давным-давно обогнали.

– Святой отец, что-нибудь не так? – Гунтер и сам начал беспокоиться, смотря на старца. Отец Колумбан огладил одной рукой бороду, пожал плечами и проворчал:

– Понимаешь ли, я совсем не могу понять, отчего паломник, встреченный нами в деревне, сказал неправду.

– То есть? – не понял Гунтер.

– Да то и есть! Я родился и вырос в Ирландии, долго жил в Англии, воевал со старым бароном де Фармер в Нортумберленде и Йоркшире, однако не припомню, чтобы уроженцы тех мест говорили с таким странным акцентом. Да и выглядит этот Годрик неправильно. Норманны

⁹ Рим. 3:10.

в большинстве своем – светлые, валлийцы и саксы – рыжие. А он – черный, будто сарацин... Хотя я могу и ошибаться.

– Вы сказали, будто у него неправильный выговор, – напомнил Гунтер. – А какой?

– Не представляю. Может быть итальянский или византийский? Да нет...

– Эй, – сэр Мишель вдруг окликнул своих попутчиков, – если так будем ехать, окажемся напрямик в Руане. Джонни, это тот самый лес, надобно сворачивать направо, а потом еще шагов пятьсот.

Точно. Гунтер нарочно заметил растущие у края дороги дубы, еще три дня назад, когда только состоялось знакомство с рыцарем, на голову коего свалились «железный дракон» и будущий оруженосец. Деревья довольно приметные – три ствола у земли срослись вместе, а средний был сломан, молнией, надо полагать.

– Сворачиваем, – согласился германец и, посмотрев на отца Колумбана, объяснил: – Там должен быть большой нераспаханный луг. Место глухое...

– В теперешние времена глухих мест не бывает, – заметил святой, – народ везде шляется.

Лес был густой, но чистый, без зарослей. Огромные деревья заслоняли своими кронами небо, а потому молодой поросли солнечных лучей почти не доставалось. Лишь темно-зеленый ковер из круглых листьев копытня, перемежавшегося с кислицей, мягко шуршал под лошадиными ногами. Сэр Мишель, заявив, будто помнит дорогу и направление лучше, выехал вперед, за ним шагал мул святого отца, Гунтер с заводной лошадейю оставался в арьергарде. Просвет между деревьев действительно показался через пять или шесть сотен шагов, появились ореховые кусты и заросли кипрея, окружавшие поляну. И моментально сэр Мишель резко остановил лошадь, подняв руку, требуя соблюдать полную тишину.

– Вы ничего не слышите? – Через некоторое время рыцарь обернулся и настороженно посмотрел на Гунтера и отца Колумбана.

Сквозь легкий шелест листья явственно доносились приглушенное постукивание копыт и звуки рога, причем не охотничьего, а боевого.

– Еще не хватало, – побледнел Гунтер. Одно из двух: или на лугу схватились два доблестных сэра (что вряд ли), либо там один доблестный сэр обнаружил спрятавшегося в кустах дракона и тшится повторить подвиг святого Георгия.

– Быстро! – скомандовал сэр Мишель, которого, надо полагать, посетили похожие мысли.

Рыцарь, недолго думая, выхватил меч, пришпорил лошадь и вломился в ореховые кусты, прикрывая левой рукой глаза от веток. Германец, перебросив поводья заводной лошади, оставшемуся странно спокойным, отцу Колумбану, перехватил автомат поудобнее, сбросил предохранитель и последовал за сэром Мишелем.

...Картина, открывшаяся взору рыцаря и его оруженосца, была бы достойна пера Томаса Мэлори, не будь она донельзя абсурдной. Гунтер и сэр Мишель выехали на огромную поляну почти рядом с лощинкой, окруженной с трех сторон молодыми деревцами. «Юнкерс» стоял где и положено, а германец, быстро оглядев самолет, понял, что машина внешне в полном порядке. Но творившееся шагах в сотне от самолета, стоило пристального внимания.

Вороной конь нетерпеливо гарцевал, готовясь сорваться с места по приказу хозяина. Последний – был облачен в длинную кольчугу из мелких колечек, плотно прилегавшую к телу, ноги покрывали стальные пластины, а голени были облачены в кольчужные чулки. Шлем, открытый, без забрала, украшали потрепанные, крашенные синим перья, а на щите красовался грубовато намалеванный белый лев на зеленом поле.

– Сэр Горациус Наваррский, – ахнул сэр Мишель. – Вот уж кого не ждал здесь увидеть!

Гунтеру было все равно, кем являлся неизвестный рыцарь. Хватало того, что бывший собутыльник сэра Мишеля намеревался сцепиться в смертельной схватке с пикирующим бомбардировщиком «Юнкерс-87 В2». Сей Горациус привесил рог, с помощью коего бросил вызов

непонятному чудовищу, обратно на пояс, выставил перед собой копьё, прикрылся щитом и пустил коня в галоп. Острие копья было нацелено прямо на винт машины.

– Эй! Это наш дракон! – заорал сэр Мишель. – Не трогай его!

Фармер-младший вместе с оруженосцем пришпорили лошадей, ринувшись вдогонку за драконоборцем из Наварры, однако остановить его теперь было невозможно.

«Надеюсь, он ничего не повредит, разве только себя может покалечить, – подумал Гунтер, наблюдая, как рыцарь на полном скаку приближается к самолету. – Броня у этой модели нехилая...»

Раздался треск ломающегося копья, лошадь сэра Горациуса шарахнулась в сторону, а сам он вылетел из седла и грохнулся наземь. Прежде чем Гунтер и сэр Мишель подоспели, рыцарь с трудом поднялся на ноги, отбросил щит и обнажил меч, ухватившись за рукоять обеими руками. Сокрушительный удар, обрушившийся на лопасть винта «Юнкерса», не причинил самолету никакого вреда, а клинок просто переломился у основания. Что ни говори, в двадцатом веке сталь делали получше... Мигом доскакав до самолета, сэр Мишель соскользнул с лошади, ударом ноги повалил сэра Горациуса наземь, а затем приставив ему к груди острие меча выдохнул коротко:

– Оставь...

– Это вы, сударь? – прохрипел сэр Горациус, ошеломленно глядя на Фармера. – Здесь крокодил, вы разве не видите?

– Это мой... наш дракон, и он ручной!

– Да нет же, эта тварь именуется крокодилом, – упрямо повторил наваррец, косясь на лезвие меча сэра Мишеля. – Рыцари, побывавшие в Египте, мне рассказывали о подобных чудовищах! Крокодилы длинные, зеленые и чешуйчатые! Как этот!

Гунтер, слушая препирательства обоих сэров, начал давиться со смеху. Надо же, теперь произведение конструкторов фирмы «Юнкерс» превратилось из дракона в зубастую рептилию, обитающую в водах Нила. А ведь он еще и летает...

– Это твой са-мо-лет? – Сзади послышался голос отца Колумбана, подоспевшего к месту событий. – Я думал, он поменьше размерами.

– Да, вы правы, – сквозь слезы смеха подтвердил германец. – Еще его именуют летучим крокодилом...

Глава девятая **Вести из Святой земли**

– Невероятно! – Гунтер сидел в кресле кабины, и зачарованно смотрел на приборную панель за штурвалом. Нет, все было, в большинстве своем, без изменений, как и должно быть, но стрелка индикатора количества топлива недвусмысленно говорила: оба бака полны, полтонны горючего на месте, словно и не было полета из французской Нормандии до Британии и снова в Нормандию, только на сей раз принадлежащую королевству Английскому...

Отец Колумбан стоял рядом, на левой консоли, и со сдержанным любопытством озирали кабину. Увидев, что германец чем-то сильно удивлен и даже немножко расстроен, святой окликнул его и спросил:

– Что-то не так, сын мой? Чем ты огорчен?

Гунтер молча ткнул пальцем в индикатор, не подумав о том, что отшельник ничего не поймет.

– Вот. Керосина – хоть залейся! Думаю, хватит долететь до Византии...

– Объясни по-человечески! – потребовал отец Колумбан. – Что есть «керосин», почему им нужно залиться и отчего таковой необходим подданным ромейского кесаря?

Гунтер поморщился – сейчас придется пускаться в долгие объяснения, а надежда, что отшельник уразумеет хоть часть названий и технических подробностей была слишком слаба. Однако святой продолжал настаивать, и германец, вздохнув, выбрался обратно на крыло.

– Пойдемте, святой отец, я все покажу.

Щиток, закрывавший отверстие топливоприемника, находился как раз на правой консоли. Гунтер подвел святого к нему, присел, отвинтил крышку и, бесцеремонно забрав у отшельника ореховую веточку, которую тот крутил в руках, сунул ее в трубку.

Когда Гунтер вытащил палочку обратно, на крыло закапало горячее. До этого момента германец отказывался верить показаниям прибора, думая, что он сломался. Но вот доказательство...

Когда крышка была завинчена, а щиток снова плотно закрыт, Гунтер, под пристальным взглядом отца Колумбана, осторожно шагавшего следом, отошел к краю консоли, вытащил из за голенища сапога зажигалку и, протянув мокрую ветку святому отцу, сказал:

– Понюхайте. Чем пахнет?

– Странный запах, – недоумевающе помотал головой отец Колумбан, приблизив нос к ветке, – этой жидкостью питается... дракон?

Гунтер молча кивнул, забрал палочку обратно и щелкнул зажигалкой. Ветка ярко вспыхнула, а когда огонь начал подбираться к пальцам, германец бросил ее под ноги и затоптал.

– Мессир действительно исполнил что обещал, – пробормотал Гунтер, – полные баки. А горячее – самое лучшее.

– Так, – отец Колумбан приобрел решительный вид, – я начинаю понимать, что сия... э... небесная колесница – совсем не дракон и не крокодил, но творение рук человеческих. Постарайся объяснить мне, почему твой Люфтваффе летает и зачем ему необходима эта вонючая жидкость?

– Хорошо, – сдался Гунтер, – понимаете ли, святой отец, для того, чтобы взлететь, необходимо очень быстро раскрутить вон ту штуковину, – оруженосец сэра Мишеля указал на винт, – она приводится в движение особым механизмом...

Пока святой Колумбан и германец обсуждали принципы практического воздухоплавания и теории построения летательных аппаратов тяжелее воздуха, неподалеку от самолета, возле привязанных к дереву лошадей, которые принялись щипать сочную луговую траву, мирно беседовали сэр Мишель и сэр Горациус. И некому было подивиться на странную картину: летчик германских ВВС с монахом оживленно спорят о чем-то, поочередно заглядывая в кабину «Юнкерса», а неподалеку отдыхают, полулежа в траве, и ведут неторопливую куртуазную беседу два рыцаря...

Довольно скоро сэр Мишель сумел убедить упрямого сэра Горациуса, что Люфтваффе вовсе никакой не крокодил, и взял у наваррца слово, что сэр Горациус не станет предпринимать каких-либо действий во вред ручному дракону. Далее речь зашла о недавнем происшествии в монастыре Святой Троицы. Выяснилось, что сэр Горациус только сегодня покинул гостеприимные стены обители и направлялся на юг, в Аквитанию, а дальше в королевство Сицилийское, к королю Ричарду. Решив срезать путь напрямик, ибо дорога описывала вокруг леса широкую петлю, наваррец наткнулся на дракона и, возомнив, что сие чудовище есть крокодил, невесть как попавший в Нормандию, вызвал тварь на поединок. Внимательно слушая историю сэра Горациуса, сэр Мишель вспомнил, что именно ему он проиграл свои доспехи и меч, и решив, что неплохо было бы вернуть дорогое вооружение, поинтересовался:

– Благородный сэр, не угодно ли будет вам позволить мне выкупить некоторые из моих вещей, перешедших к вам в монастыре Святой Троицы?

Сэр Горациус пожал плечами и сообщил:

– К превеликому моему сожалению, ничего из вашей собственности, сэр, при мне нет, ибо часть таковой я проиграл в кости сэру Понтию Ломбардскому, кой прибыл в обитель

Святой Троицы наместни вечером. Кое-что я продал гораздо раньше, дабы восполнить подхваченные к концу запасы вина...

Выяснилось следующее: сэра Понтий успел показать себя также и в монастыре, куда он прибыл, премного страдая от раны, причиненной чудесным оружием Джонни. К вечеру же, когда действие целебных мазей, наложенных на рану ломбардца сердобольными монахами, принесло облегчение, он, напившись, начал приставать к наиболее благообразным из молодых монахов и послушников, то ли приняв их спьяну за монашек, то ли от природы имея дурные наклонности. Слуги же его, сарацины, и вовсе едва не сожгли монастырь, воскурив некие зловонные травы и придя оттого в буйное и безобразное веселье...

– И что... – словно зачарованный спросил сэра Мишель, живо представив себе новые бедствия, свалившиеся на голову отца Теобальда, настоятеля обители Святой Троицы: сперва рыцарь де Фармер, теперь бастард из Ломбардии. А проистекает все оттого, что монастырь при дороге стоит да в странноприимный дом пускают кого ни попадя!

– А утром сего дня, – продолжал Горациус Наваррский, изредка с опаской косясь в сторону Люфтваффе, где отец Колумбан пристально изучал пулемет, а Гунтер старательно что-то втолковывал отшельнику, – на рассвете, отец Теобальд, приор и субприор пришли в странноприимный дом и потребовали от всех рыцарей немедленно покинуть землю обители. Сэру Понтию даже интердиктом угрожали...

– Давно пора! – проворчал сэра Мишель. – Только представьте, один-единственный рыцарь, проезжая к северу по своим, делам успел поставить на уши всю округу, напакостить всем и каждому, начиная от барона де Фармер и заканчивая монахами ордена святого Бенедикта Нурсийского! Даже сам молодой Фармер в лучшие времена разгульного прошлого не причинял столько беспокойства такому количеству людей всего за несколько дней – буянил, случалось, но меру знал. Неужели этого кошмарного Понтия настолько испортило пребывание в Палестине и ожесточили бесконечные битвы? Все равно нельзя забывать о чести дворянина!..

– Да, с сэром Понтием мы никогда не станем собутыльниками... – задумчиво проговорил сэра Мишель. – Так что дальше было?

Горациус пожал плечами:

– Ничего. Понтий со слугами отправился в Руан, а я заеду домой, в замок Барез, стоящий в наваррских горах, заберу свое копьё и двинусь в Святую Землю морем. Если угодно, шевалье де Фармер, приглашаю вас с собой...

– Нельзя, – мотнул головой сэра Мишель, – меня ждет бейлиф графства, да и дракона бросать нельзя одного. Помните, сударь: вы пообещали вредить дракону ни словом, ни делом, значит, и говорить о нем никому нельзя, до времени!

– Дьявольское отродье, – вздохнул Горациус, подозрительно оглядывая самолет, – да разве по-христиански воевать с сарацинами не добрым мечом, а использовать такую жуткую тварь? Если судьба меня занесет в Египет, обязательно посмотрю на крокоди...

Оба рыцаря шарахнулись в сторону и невольно схватились за оружие, так как дракон пару раз чихнул, зафыркал, а потом оглушительно взревел. От неизвестно откуда возникшего ураганного ветра пригнулась трава и ветки деревьев, лошади задрожали, а норовистый конь сэра Горациуса забил копытами и напуганно замотал головой, едва не сорвав узду.

Впрочем, оба доблестных сэра быстро оправались от первого испуга – сэра Мишель уже разок видел такое чудо, а наваррец, пребывая в твердой уверенности, что рыцарю не пристало бояться, произвольно шагнул к самолету с обнаженным мечом, но быстро отступил, вспомнив данное слово...

С пятого на десятое разяснив отцу Колумбану принципы устройства самолета (для этого пришлось приложить немало усилий, так как норманно-французский язык наличия потребных терминов не предусматривал, а жители двенадцатого века представления не имели о машинах сложнее водяных мельниц), Гунтер по просьбе отшельника завел двигатель. Да и германцу

тоже было интересно посмотреть, примет ли машина бензин сверхъестественного происхождения. На сей раз на Мессира жаловаться не пришлось – топливо работало. Только вот вопрос: намеренно Князь Тьмы оставил в баках горючее или просто забыл о нем? А может, гадость какую замыслил?

Надо полагать, отец Колумбан подумал о том же; когда Гунтер заглушил двигатель, он посмотрел на него серьезно и сказал:

– Дело к вечеру, а потому лучше будет вам отправиться в город с рассветом, а не прямо сейчас. Заночуем здесь. Я пока постараюсь освятить твоего... твое... ну, словом, эту штуку. Жаль только не прихватил всего нужного для обряда.

– Какая разница, – скривился Гунтер, – все работает, все нормально... Зачем?

– Помнишь красное вино, которым тебя угощал нечистый? Боюсь, не случилось бы похожего...

На том и порешили. Сэр Горациус церемонно распрощался с сэром Мишелем, Гунтером и отшельником, огорченно посмотрел на обломки своего копья, валявшиеся под винтом «Юнкерса», и отбыл. Сэр Мишель, кстати, посоветовал наваррскому рыцарю остановиться на ночь в замке Фармер, благо до него Горациус успел бы добраться точно к закату. Потом сэр Мишель занялся костром, нарубив мечом презрительно дров, а оруженосец начал собирать необходимые вещи.

Отец Колумбан же, помня из рассказа германца о погребенном неподалеку человеке, отыскал могилу оператора-радиота Мюллера, поправил несколько покосившийся крест, сделанный сэром Мишелем, и, набрав в ближайшей болотине воды да освятив ее, занялся привычным для святого делом: окропил могильную землю, а затем долго что-то бормотал на латыни, видимо, заупокойные молитвы.

Гунтер снова получил возможность убедиться, что Курт Мюллер, о душе которого сейчас заботился святой отшельник, был человеком, во многом незаменимым. Припасы, сделанные им за последний год, были исключительно обширны, и в самолете имелось все необходимое даже для человека, попавшего на необитаемый остров. Боеприпас к личному оружию, консервы, две ракетницы, тонкая парусиновая палатка, весящая не более килограмма, котелок, упрятанный не куда-нибудь, а в люк для подхода к пулемету в левой консоли. К вящей радости Гунтера нашлись сигареты, без которых ему было как-то тяжело. Но что самое интересное, Курт составил список всех вещей с четкими указаниями, где что лежит – таковой обнаружился под его сиденьем вместе с пятью банками сгущенного молока с сахаром... Одним словом, взлетный вес семьдесят седьмой машины стараниями Курта был увеличен килограммов на тридцать. В принципе почивший бортстрелок был прав – неизвестно, куда могли забросить эскадру StG1, а приземлиться в африканской пустыне или в необитаемой глухомани Балканских гор без еды и боеприпасов на случай появления противника или таблеток сухого спирта для разведения костра было бы неудобно.

Рыцарь прилежно пытался разжечь пламя в сложенной неподалеку от самолета горе сухих веток, орудуя кремневым огнивом, но казавшийся сухим хворост, набранный в лесу, упрямо не желал разгораться, а только дымился и чадил. Гунтер, сложивший все припасенные Куртом сокровища под крылом у шасси, некоторое время наблюдал за муками сэра Мишеля, а затем подошел, чиркнул зажигалкой, моментально запалив костер, и выдал рыцарю банку со сгущенкой.

– Есть хочешь? Сделай вот тут и тут, – германец ткнул пальцем в крышку, – две маленькие дырочки кинжалом, внутри есть сладкое молоко. Его можно высосать. Тебе понравится...

Сэр Мишель вначале зачарованно глядел на разгоравшееся пламя, затем не без труда перенес свое внимание на оказавшийся в руках железный цилиндр, и, подобно Гунтеру, решив оставить удивления на попозже, вынул тонкий кинжал, поставил банку на землю и осторожно проткнул острием тонкую жесть. Пока германец упаковывал вещи в седельные сумки, рыцарь,

очень быстро распробовавший, что такое сгущенное молоко, опустошил всю банку, потом разрезал ее кинжалом надвое и вылизал обе половинки изнутри.

– Джонни, у тебя еще есть такое? – Сэр Мишель с немного разочарованным видом подошел к оруженосцу, показывая пустые жестянки. На светлых усах белели капельки молока. – Дай еще!

– Оставим на вечер, к кофе. – Гунтер решил поразить своих попутчиков невиданной едой. Если получится как следует все приготовить, то итальянские спагетти с тушенкой, настоящий бразильский кофе и сгущенное молоко на десерт будут обеспечены. Вода должна обнаружиться неподалеку – отец Колумбан нашел относительно чистую яму, наполненную после дождей...

* * *

Гунтер и отец Колумбан опять засиделись допоздна. Наверняка свою роль здесь сыграл невиданный в Нормандии черный напиток – германец сварил полный котелок кофе и попытался угостить неподслащенным отваром сэра Мишеля. Рыцарь, отведав горького варева, долго плевался и, даже когда Гунтер разбавил кофе молоком, пить отказался. Отшельник же, напротив, пришел в восторг, выхлебал не меньше литра, и сон да усталость как рукой сняло.

Довольно много времени ушло на то, чтобы обучить сэра Мишеля ставить палатку, и вовсе не потому, что рыцарь представления не имел о подобных вещах (шатры-то в эти времена были прекрасно известны и не вызывали удивления). Вступили в действие дурацкие, по мнению Гунтера, предрассудки – мол, ставить шатер обязаны слуги, ну или в крайнем случае оруженосцы, а добрые рыцари в это время просто обязаны смотреть на облака и думать о вечном. Или о предстоящей битве... Вполне естественно, что Гунтер даже слушать ничего не стал и под насмешливым взглядом отца Колумбана едва не силой заставил рыцаря хоть подержать веревки и нарезать кольшков. Слегка обиженный сэр Мишель забрал из мешка с одеждой теплый меховой плащ, залез в палатку и мигом заснул, не дожидаясь, пока святой и оруженосец закончат свои дела. Вставать-то придется перед самым рассветом, чтобы успеть в город хотя бы до полудня...

Гунтер же не преминул еще разок потрясти воображение святого отца. Насытившись и налив себе очередную чашечку кофе, он достал из пачки сигарету, прикурил от костра и глубоко затянулся, закрыв глаза от удовольствия. Отец Колумбан перестал жевать, замер с кружкой в руке и истово перекрестился, когда изо рта Гунтера выполз густой синеватый дым. Спрашивать отшельник ни о чем не стал, узнавать что-то новое уже не осталось сил...

О чем Гунтер и отец Колумбан шушукались до поздней ночи, так и осталось неизвестным, но утром, когда привыкший подниматься очень рано святой растолкал рыцаря и германца, сэр Мишель с удивлением отметил, что тяжеленная железяка, называемая *пулеметом*, снята со своего места на спине Люфтваффе и погружена на отшельникова мула. А состоявшийся во время сбора вещей и приготовления какой-никакой еды разговор вообще был достоин всяческого внимания.

– Ты считаешь, будто я смогу сделать достаточное количество этой жидкости? – спрашивал отшельник. – Только, клянусь кровью Христовой, не пойму, зачем она тебе понадобилась, и сможет ли заменить этот твой бензин? Я, конечно, пошлю в Анжер за мэтром Адельхельмом, он неплохой алхимик и сможет помочь, к тому же его весьма заинтересует эта затея.

– Вы уверены, святой отец, что алхимик не проболтается? – Гунтер хмурился, и в голосе его слышались недоверчивые нотки. – Смотрите, не прошло и недели, а самолет уже нашли! И потом, уверены ли вы, что ваши изыскания не привлекут внимание м-м... некоторых заинтересованных лиц? Помните, я рассказывал об инквизиции? Правда, то будет немного позже, но не исключено, что появится и сейчас...

– Ерунда! – отмахнулся отец Колумбан, – Места у нас глухие, а Адельхельм умеет держать язык за зубами... Он мне кое-чем обязан – однажды, в Клерво, его обвинили в ереси, и, слава Богу, что я оказался рядом с аббатством и смог присутствовать на церковном суде... А охранять нашего дракона могут люди барона де Фармер. Я сам прослежу за всем. Никто не узнает.

– Дурацкая затея, – вздохнул Гунтер, – Я уже начинаю жалеть, что предложил. Так бесцеремонно вмешиваться в жизнь этого века... Подумайте, святой отец, разве будет хорошо, если сейчас появится, мнэ... оружие такой силы?

– Я, кажется, обещал, что потом мы все уничтожим! А тебя никто за язык не тянул... И, ко всему прочему, есть вероятность, что у нас ничего не выйдет.

Сэр Мишель, все это время прислушивавшийся к пересудам святого и оруженосца, помалкивал, не имея привычки вступать в разговор без приглашения. Едва небо на востоке из серо-золотистого стало голубым, а звезды начали растворяться в утренней заре, отец Колумбан затоптал костер и недвусмысленно указал на застоявшихся лошадей:

– Езжайте! Я попозже отправлюсь обратно, к дому. Если будете задерживаться в городе, пришлите известия господину барону, а он передаст мне. Джонни, я полагаю, что работы у меня будет до праздника Воздвижения Креста... К тому времени постарайтесь вернуться хоть на несколько дней.

...Тракт, ведущий на север, окрестные поля и перелески были затянуты сероватым туманом, позволявшим видеть лишь шагов на тридцать вперед. День обещал быть ясным – густокрасное солнце висело над холмами справа, неторопливо поднимаясь в оранжево-розовые небеса, где-то наверху, в выси, которой не мог достичь и самый быстрый дракон, плыли тонкие серебряные облака. Воздух теплел, белесую пелену тумана прошили широкие солнечные лучи, и он незаметно таял, поднимаясь выше и выше.

Дорога, влажная от росы, тянулась бесконечной желтоватой лентой, вокруг не было ни души, и только две трясогозки, непрерывно посвистывая, сновали шагах в пяти-шести от лошадиных копыт, присаживались на пару мгновений, покачивая длинными хвостами и взлетали вновь, проносясь над самой землей. Некоторое время они сопровождали двоих всадников, потом куда-то исчезли.

Двигались неспешной рысью, потому что, по расчетам Гунтера, до города было километров тридцать, а по здешним меркам – шесть с лишним лиг. Если ехать быстро, но в то же время не утомлять лошадей, то до Аржантана оставалось около двух часов пути или чуть больше. Германец, конечно, и раньше ездил на лошадях, у себя в поместье, но таковое больше было развлечением. Сейчас пришлось заново убедиться, что в двенадцатом веке средства передвижения не слишком удобные – никак не приноровиться к тряскому аллюру, ноги постоянно напряжены, седло донельзя непривычное и жесткое.

Гунтер с невольной завистью покосился на сэра Мишеля, который, слегка отклонившись назад, плавно покачивался в седле, одной рукой небрежно придерживая повод, а другую положив на колено.

«Привыкай, привыкай, – думал Гунтер. – Похоже, теперь всю жизнь придется трястись в седле. Господи Иисусе, а если нас действительно понесет в Святую Землю, то это какое же расстояние придется отмахать на лошади? Через всю Европу, Турцию,

<Какую Турцию? Сейчас эти земли принадлежат Византийскому кайзеру. Кстати, кто сейчас император в Константинополе? Кажется, Андроник Комнин... Или кто-то другой?>

Малую Азию, Киликийскую Армению... Больше двух тысяч километров. Я не доеду...»

– Слушай, Джонни, – вдруг окликнул его сэр Мишель. – А что вы с отцом Колумбаном замыслили? Зачем шептались?

– А, ерунда. – Гунтер по привычке хотел было махнуть рукой, но не осмелился отцепить руку от штырька на луке седла, за который крепко держался. – Есть у нас одна мыслишка. Помнишь, я тебе говорил о бензине?

– Вине для дракона? – уточнил сэра Мишель. Оруженосец поморщился, но поправлять рыцаря не стал и продолжил:

– Вот-вот. То, что Мессир, – при этом слове рыцарь быстро перекрестился, – налил мне полные баки, совсем ничего не значит! После всего случившегося я не верю, что у него может обнаружиться хоть капля благих намерений...

– Уж конечно, – буркнул сэра Мишель. – Стоило с ним связываться...

– Дальше слушай. Мы, вернее, отец Колумбан с каким-то своим дружкой хотят попробовать сделать. – Гунтер усмехнулся. – Вино для дракона. Самое настоящее. Ты про хлебный спирт слышал?

– Нет, – мотнул головой рыцарь. – Хотя, говорят, алхимики делают горючий состав, который, разбавляя, можно пить как вино. Но сам я никогда не пробовал. А было бы интересно...

«Твое счастье, – ехидно подумал Гунтер. – Воображаю, что случилось бы с тобой, если б сейчас умели готовить шнапс или водку...»

– Так вот, – сказал германец, – на всякий случай отец Колумбан собирается изготовить достаточно хлебного спирта, чтобы можно было дать попробовать нашему зубастому Люфтваффе. Может быть, тогда полетаем. Мы, кажется, собирались в Святую Землю? Если получится, то доставлю тебя к границам Турц... тьфу, Византии меньше, чем за день. – Сказки! – уверенно сказал сэра Мишель. – До Константинополя месяца два-три пути. Или даже больше. Хочешь сказать, будто наш дракон так быстро летает?

«Наш дракон! Только подумайте! Сэр рыцарь, отягощенный сословными предрассудками и понятиями о вассалитете, теперь считает своей собственностью не только меня как оруженосца, но и мой собственный

«Это теперь «собственный». Еще несколько дней назад он принадлежал Германскому государству...»

самолет. Хотя Мишель не сказал «мой», а «наш». Впрочем, наверняка это дело времени. Если через месяц он будет требовать подать ему самолет к подъезду, будто карету, не удивлюсь. Феодал...»

– Отсюда до Константинополя, – Гунтер прищурил глаза, прикидывая, – нам добираться недолго. Если подняться в полдень и лететь без единой посадки, то как раз к закату будем в Византии. Впрочем, нет, – германец уже думал вслух, почти позабыв о внимательно слушавшем рыцаре, – дальности не хватит, у меня запас не больше тысячи километров. Следовательно, мы можем добраться только до Италии... – Ричард собирает крестовое воинство в Марселе и в королевстве Сицилийском, – как бы невзначай напомнил сэра Мишель. – А туда можно будет попасть?

– Можно, – кивнул Гунтер. Воображение уже нарисовало яркую и впечатляющую картину того, как несметная толпа суеверных рыцарей, сильно напуганных, а потому очень злых, несет с копьями и мечами на приземлившийся рядом самолет. Нет, идея использовать «Юнкерс» как средство передвижения порочна изначально. Это какой же шум поднимется! Однако, если все делать с умом, совершить посадку далеко от городов или поселков, глядишь, и не заметят... А ехать через всю Европу на дурацкой лошади совершенно не хочется!

Некоторое время они ехали молча, задумавшись каждый о своем. Сэр Мишель бросил пару недоуменных взглядов на Гунтера, напряженно сидящего в седле, и, пожав плечами отвернулся. «Странная посадка. Неужели в той Германии стало принято именно так ездить на лошади? Это же неудобно! А может, они и вовсе на лошадях не ездят, а все больше на драконах летают да на всяких машинах? Хе, значит, Джонни попросту не обучен верховой езде?»

Он подумал немного и осторожно сказал:

– Джонни... А вы там, у себя совсем на лошадях не ездите?

– Иногда, для развлечения, кто хочет, – проворчал Гунтер, не догадываясь еще, к чему клонит сэра Мишель.

– А ты не хотел? – Рыцарь лукаво улыбнулся, надеясь, что оруженосец поймет намек.

– Иногда хотел... Но редко.

– Понятно... Ладно, вижу я, что тяжело тебе на лошади сидеть, ты вроде как не умеешь на ней ездить толком. – Сэр Мишель натянул повод, заставив лошадь идти шагом. – Ну-ка, ездай помедленнее и смотри, что я буду делать.

Далее сэр Мишель принялся посвящать Гунтера в тонкости и хитрости езды на «четвероногом друге». Нарочито медленно и с подчеркнuto преувеличенными движениями, он проехался вокруг Гунтера, рассказывая, как надо держать повод, как правильно ставить ногу в стремя, как, откидываясь назад, гасить, изгибая поясницу, толчки лошадиной спины, когда она бежит рысью. Гунтер старательно повторял все его движения, и, когда в качестве учебной пробежки, они затрусили рядом, заметил, что сидеть в седле стало намного удобнее и исчезло понемногу постоянное ощущение, что он вот-вот свалится в дорожную пыль, вздумай лошадь скакнуть в сторону или резко остановиться. Сэр Мишель остался вполне доволен первыми результатами своей работы и пообещал Джонни, что, едва выдастся свободная минутка, обязательно продолжит обучение.

Вдруг рыцарь прищпорил и без того двигавшуюся резвой рысью кобылу, кликнул Гунтера, чтобы тоже прибавил ходу, и, поднимая пыль, понесся вперед. Причиной тому послужило появление слева от дороги нескольких зданий, которые германец сначала принял за маленькую крепость. Серая, в два человеческих роста стена обносила с пяток приземистых домов, над одним из которых поднималась невысокая башенка, увенчанная потемневшим от времени деревянным крестом. Всадники быстро миновали ворота, ведущие внутрь ограды, возле которых слонялся угрюмого вида субъект в черной рясе и с выбритой макушкой. Субъект недружелюбно поглядывал на всадников, крутя в руках посох, раза в два потолще, чем у отца Колумбана – такая дубина вполне могла проломить череп с одного удара.

«Монах, – подумал Гунтер. – Значит, монастырь. Интересно, это не та обитель, где набезобразничал мой рыцарь, а потом и наш общий дружок Понтий? Тогда я прекрасно понимаю, отчего настоятель выставил привратником эдакого громилу».

Когда монастырь остался позади, сэр Мишель позволил лошади идти помедленнее. Гунтер нагнал его и молча метнул раздраженно-вопросительный взгляд. Не привыкший к быстрой скачке германец сразу позабыл все Мишелевы уроки и едва не навернулся с седла, а при такой скорости падение с лошади могло быть чревато самым меньшим несколькими переломами. Сэр Мишель молчал, делая вид, будто ничего не произошло.

Наконец Гунтер не выдержал и, собрав весь отпущенный ему Богом сарказм, спросил:

– Не ответит ли мне доблестный сэр, под чьим гербом я имею честь служить, как называлась та обитель смиренных братьев, мимо коей мы столь резво проскочили, и не там ли указанный доблестный сэр изволил наблевать в колодец?

– А не соизволит ли добрый оруженосец, – сэр Мишель мгновенно принял правила игры, – не обсуждать поступки опоясанного рыцаря и оставить мысли свои при себе? А на ваш вопрос, сударь, отвечу, что обитель сия действительно носит имя Святой Троицы, и столь некуртуазно обозначенное вами действие с колодцем было совершено именно в ее пределах. Доволен?

Оба дружно рассмеялись. Сэр Мишель, правда, несколько устыдился своей неприличной поспешности при проезде мимо монастырских ворот, но если и следовало в мире чего бояться, кроме Господа Бога, так это немилости Святой Матери-Церкви.

Пологие холмы остались позади, и теперь дорога шла по равнине, простертой до самого пролива, отделявшего Англию от ее владений на континенте. Пейзаж не отличался разнообразием.

разием – все те же поля сменяемые дубовыми и буковыми рощами, редкие деревни, иногда попадались дворянские замки, чаще совсем небольшие, но недурно укрепленные. О нормандских войнах короля Генриха здесь пока не забыли.

Вскоре от главной дороги ответвилась другая, не менее наезженная, ведущая к Руану, но сэр Мишель и Гунтер продолжили ехать вперед, не сворачивая. По пути стали встречаться путники, конные и пешие, рыцари (как заметил германец, все больше бедные и не слишком роскошно одетые) да крестьянские повозки с хлебом, репой и сеном. Очередной жаркий августовский день вступил в свои права.

Аржантанский замок, спрятавшийся в небольшом лесном массиве, показался незадолго до полудня. Даже издали можно было увидеть на донжоне красно-белое знамя святого Георгия с королевским львом посередине.

* * *

– Боже мой, они называют это городом! – проворчал по-немецки под нос Гунтер, оглядывая открывшийся вид. Они с сэром Мишелем стояли возле ворот, дожидаясь начальника караула, который должен был разобраться с их делом.

Невысокая крепостная стена обносила довольно небольшое пространство вокруг невысокого холма, на котором был выстроен замок Аржантан. Сразу за городскими воротами виделись приземистые домики, простые и без всяких изысков, в большинстве своем одноэтажные. Ближе к замку и вершине холма городские дома становились более солидными – были видны с полтора десятка двухэтажных строений. Но все равно, городок удивительно походил на крупную деревню, и, если бы не стена, стискивающая и без того слишком близко стоящие друг к другу дома (многие из них стояли, соприкасаясь стенами), то сходство стало бы полным. Тем более что из-за ворот слышались крик петуха и тоскливое коровье мычание. Надо полагать, в городке содержалось множество домашних животных, которых выгоняли на выпас за городскую стену, на луга, примыкавшие к Аржантану с запада. А запах, шедший со стороны городских улиц, стал ощутим еще при подходе к воротам.

Наконец ушедший будто бы за смертью начальник стражи, вернулся, вежливо поклонился и велел стражникам пропустить «благородного шевалье де Фармера и его доблестного оруженосца» в город без въездной оплаты и отрядил с ними одного из солдат, дабы тот проводил господ в замок к бейлифу.

Проезжая по узеньким городским улицам, постепенно поднимающимся к замку, Гунтер вспомнил слова сэра Мишеля, сказанные в день их знакомства: «Грязные они, города». И было воистину так. Германец уже успел присмотреться к коровьим лепешкам и кучкам конского навоза и с интересом наблюдал, как городские жители лавируют между ними, успевая еще и уступать дорогу конному рыцарю с поклонами.

«Вот она, вопиющая антисанитария средневековых городов! – подумал Гунтер, зажимая нос, так как из потревоженного ручейка всплыла волна отвратительного смрада. – Потом удивляются эпидемиям, подчистую косящим целые страны!.. А еще тут полно крыс, мышей – кошек-то сейчас не любят, считая дьявольским отродьем. Не говоря уж о тараканах, вшах, клопах и прочей дряни! Кошмар!..»

Словно уловив настроение и мысли оруженосца, сэр Мишель пробормотал:

– Терпеть не могу города! Сколько бывал, всякий раз мучился желанием пришпорить лошадь и мчаться отсюда без оглядки обратно в лес... Как тут люди живут, ума не приложу!

– Как-то живут, – ответил Гунтер.

– Разве что «как-то».

Уже на подъезде к замку обнаружилось относительно свободное от домов место, бывшее главной площадью города. Здесь сходились несколько больших улиц.

Гости из Фармера миновали небольшую каменную церквушку, на ступенях которой грелись на солнце калеки и нищие, выставив напоказ безобразные культы, какие-то жуткие язвы, высохшие руки или ноги. Гунтер невольно поразился, как такое количество несчастий могло свалиться на такое маленькое количество людей, их было всего-то человек пять, но у каждого было не меньше двух-трех страшных увечий. «Да, в мое время их бы без лишних разговоров отправили в... *особые учреждения*. Как сказали бы „партийные“: здоровой нации не нужны отбросы...» – подумал Гунтер, стараясь не обращать внимания на заунывные просьбы о милостыне, с которыми нищие потянули свои уродства к проезжавшему рыцарю с оруженосцем и сопровождающему их солдату.

– Джонни, брось им монетку, – кинул через плечо сэр Мишель и добавил: – Мелкую.

Когда Гунтер швырнул на паперть несколько медяшек, калеки, будто позабыв о своих болячках, с безобразной руганью резво бросились, расталкивая друг друга, за звонко подпрыгивавшими на выбеленном солнцем камне кругляшами.

Замок бейлифа выглядел куда роскошнее и крепче Фармера. Высокие стены, сложенные из огромных тесаных камней, окружал неширокий аккуратный и глубокий ров. Он не был заполнен водой доверху, лишь где-то метрах в трех внизу плескалась мутная вода. Откидной мост на толстых цепях был опущен, его охраняли четверо стражников в начищенных блестящих кольчугах, открытых шлемах и со внушительного вида копьями в руках. Две башни возвышались над воротами, и в их узких окнах можно было разглядеть витражи из красного и синего толстого стекла. За мостом, во глубине арки в стене виднелись острые широкие зубцы поднятой сейчас тяжелой решетки.

Провожатый сэра Мишеля и Гунтера попросил их немного подождать, резвым галопом пронесся по мосту, выбивая звонкую дробь по мощным деревянным брускам, осадил коня перед аркой и, склонившись, что-то сказал стражникам, после чего призывно замахал рукой.

– Поехали! – сказал сэр Мишель.

Проехав под аркой, они оказались в нешироком аккуратном дворике, мощенном камнем. Здесь не было никаких курятников, хлевов, домиков для прислуги, разве что вдоль стены тянулось длинное здание конюшни. Этот замок был чисто оборонительным сооружением, но при этом неплохо приспособлен для жилья. Внутренняя часть замка с донжоном сама по себе представляла отличное укрепление, даже если бы врагу удалось прорваться во внутренний дворик, там бы его не ждало ничего хорошего. Упершись в единственные крепкие двери, он оказался бы зажат между привратными башнями, на верхних площадках которых вполне могли бы стоять котлы с кипящим маслом или расплавленным свинцом, а из узких окон-бойниц донжона на головы врагов посыпался бы дождь арбалетных стрел. Вполне возможно, что донжон имел подземный ход, ведущий далеко за пределы крепости.

Вплотную примыкавшие к донжону одноэтажные каменные строения служили казармами городского гарнизона. Узнав об этом от сэра Мишеля, вполголоса объяснявшего германцу устройство крепости и ее военные достоинства, Гунтер справедливо изумился:

– Они что, тут все время живут в такой тесноте?

– Нет, – ответил сэр Мишель, – большинство солдат живут в городе, они местные. В самом замке живет только бейлиф со своими домочадцами и слугами, при нем есть небольшая гвардия, состоящая из нескольких местных знатных рыцарей. Находясь на службе, они живут здесь.

Передав подбежавшим слугам лошадей, сэр Мишель и Гунтер последовали за своим проводником и, пройдя внутрь донжона, поднялись по узкой витой лестнице на второй этаж. Их привели в округлый зал, имевший довольно воинственную обстановку. Стены были завешаны разнообразными гобеленами; среди них были как древние, обветшавшие и выцветшие, вроде тех, что украшали обеденную залу в Фармере, так и новые. Всех их объединяла общая тема сюжетов – батальные сцены с религиозным подтекстом. Поверх гобеленов висело мно-

жество разнообразного оружия, доспехов, кольчуг, щитов, шлемов. Зал пересекал длинный стол, покрытый темно-синей скатертью. По обе его стороны на высоких деревянных стульях с резными спинками сидело десятка полтора рыцарей и оруженосцев, а во главе стола восседал сам сэр Аллейн д'Эмери, бейлиф графства. Увидав такое количество богато разодетых дворян, Гунтер откровенно растерялся, но сэр Мишель вел себя вполне по-свойски, так как знал почти всех рыцарей, присутствующих в зале, и некоторых из их оруженосцев.

Едва солдат доложил о вновь прибывших, бейлиф сдержанно кивнул, приветствуя, и жестом указал на два оставшихся свободными стула.

– Благородные рыцари и доблестные оруженосцы! Я рад приветствовать вас всех в замке Аржантан, несмотря на то что поводом для нашей встречи стали события далеко не радостные. – Сэр Аллейн сделал многозначительную паузу, взял со стола скрученный пергаментный лист, развернул его и, обведя пристальным взглядом сидящих за столом продолжил: – Я получил письмо от одного моего родственника из Палестины. Ему стало известно, что некоторое время назад в столицу был отправлен человек, которому некое достаточно известное лицо из христианских князей Святой Земли дало поручение убить принца Джона и по возможности других членов королевской семьи... Скажите, господа, кому-нибудь известно о дьявольской секте исмаилитов? Об убийцах-фидаях? И надеюсь, здесь найдутся люди, которые знают, что именно происходит в Палестине и христианских владениях в Сирии и Триполитании?

Ему пришлось замолчать, потому что по залу пронесся тревожный ропот – рыцари переглядывались, покачивали головами и в то же время призывали друг друга к молчанию, чтобы поскорее услышать, что же бейлиф скажет дальше. Сэр Мишель молча смотрел на сэра Аллейна, жадно ловя каждое его слово. Наконец один оруженосец высказал общий ответ на вопрос бейлифа:

– Милорд, к превеликому сожалению, известия из Святой Земли доходят до нас не часто. Если это возможно, объясните подробнее. Если дело настолько серьезно и все изложенное в упомянутом письме истинно, то нам будет гораздо лучше знать все обстоятельства...

Бейлиф вздохнул, прошелся вправо-влево и, видимо, решившись, снова взялся за свиток.

– Хорошо, – сказал сэр Аллейн. – Если вы, господа, считаете необходимым ознакомиться с посланием, то я его зачитаю. Мой сын служит при дворе короля Иерусалимского Гвидо Лузиньяна. Это письмо написано с ведома короля и с его одобрения. Письмо датировано четвертым июня, и только сейчас его, а также копии, доставили мне, а заодно в Англию. Принц Джон, констебль Лондона и господин де Лоншан тоже извещены.

Бейлиф близоруко сощурился, поднося пергамент к глазам, и начал читать:

– *«Дорогой отец!*

Я был бы счастлив сообщить, что христианские владения в Палестине процветают, а народ живет в достатке и счастье, но, к моему глубочайшему сожалению и горю всех христиан, сие не соответствует истине. Вам наверняка известно, что два года назад войско сарацин вторглось в земли Иерусалимского королевства, затем мы потерпели чудовищное поражение в великой битве при Тивериаде, а вскоре, к неизбывной скорби каждого, верящего в Крест и Господа нашего Иисуса Христа, потеряли Святой Город, захваченный султаном Саладином.

Теперь же в наших руках остались лишь несколько крепостей на побережье: маркграф Конрад Монферратский удерживает Тир, граф Раймунд по-прежнему находится в Триполисе, а король Иерусалимский Гвидо после своего освобождения из сарацинского плена и недолгого пребывания в Дамаске собрал остатки верных ему рыцарей и направился к крепости Акка, где мы все сейчас и находимся.

Что и говорить, положение христианского воинства под Аккой самое жуткое и поддерживает нас лишь вера во Спасение и истинную правоту нашего дела. Лагерь осажден сарацинами со всех сторон, очень плохо с водой и пищей, множество больных, которым невозможно оказать помощи. Безусловно, мы всеми силами пытаемся не допустить, чтобы Саладин снял осаду с города, но возможности наши на исходе и теперь христиан Святой Земли вдохновляет лишь известие о скором прибытии короля Ричарда, Филиппа Августа и императора Фридриха Барбароссы. Может быть, с их приходом в Палестину дела пойдут значительно лучше...

Ни для кого не секрет, что маркграф Конрад Монферратский, верный своему обычаю, затевает новые интриги, видимо, стараясь сохранить свое положение владыки Тира. Между прочим, дорогой отец, при его дворе объявился небезызвестный Рено де Шатильон, коего мы все почитали погибшим еще год назад. Даже ходили слухи, будто убил его сам Саладин после Тивериадского поражения. Сам я Рено Шатильонского не видел, но некоторые рыцари, прибывшие к Акке из Тира, утверждают, будто этот негодяй действительно жив и граф Конрад всецело благоволит ему.

Теперь, дорогой отец, самое неприятное. Слишком многие владетельные князья Святой Земли, к величайшему сожалению, полагают, что новый крестовый поход, созванный Святым Папой Клементом III, не принесет ничего, кроме новых поражений и потерь. Сейчас некоторые правители предпочитают держаться за то, что имеют, забыв о Иерусалиме и Гробе Господнем, пребывающих ныне в руках язычников. Думаю, тебе, отец, понятно, что срыв или отсрочка крестового похода сыграет лишь на руку этим бесчестным людям и Саладину, с которым они готовы вступить в предательское соглашение, при условии, если сарацинский султан сохранит их земли и города в неприкосновенности. Ради спасения собственных ничемных жизней и достояния своего они готовы даже заключить союз с самой порочной и злокозненной сектой, отколовшейся от последователей пророка Мухаммеда. Не стану долго описывать все мерзости и непотребства, чинимые исмаилитами, как они себя именуют, вот уже на протяжении многих лет, но их глава, известный под прозвищем Старца Горы, полагает лучшим способом добыть власть и влияние бесчисленными убийствами противников. Для убийц-асассинов не имеет значения, кем является их жертва – приверженцем ислама или христианином, низкорожденным или князем.

Королю Гвидо Лузиньяну доверенные люди донесли, что некий христианский владыка, замыслив сбросить свои земли и положение, встал на путь, ведущий к гибели души. Есть возможность, что указанный человек нанял одного или нескольких исмаилитов с целью не допустить прибытия в Палестину крестового воинства, а особо нашего короля Ричарда. Неизвестно, какой именно приказ дан убийцам, но мы знаем точно, что смерть Джона, принца Английского, равно как и королевы Элеоноры Пуату может надолго отвлечь Ричарда от подготавливаемого похода, вызвать смятение в стране и привести к неисчислимым бедствиям.

Король Гвидо поручил мне посоветовать вам, как бейлифу, отвечающему за нормандские порты и дороги, ведущие к ним, присматривать за проезжающими, особо обращая внимание на людей, явно побывавших в Святой Земле, не делая различий в сословиях и происхождении. Главная

отличительная примета исмаилита – маленькая татуировка на предплечье слева, в виде коршуна, сидящего на полумесяце. Предупреждаю, что все до единого асасины происхождения южане, но могут знать нужные наречия и прикидываться кем угодно.

Эти люди донельзя опасны, потому сообщение о их возможном появлении отправлены не только вам, но также в Англию, Аквитанию и Лангедок. Если удастся перехватить людей с вышеозначенной приметой, король Гвидо Лузиньян советует уничтожить их без всякой жалости, как детей сатаны и богомерзких преступников.

Надеюсь на вас, дорогой отец. Да поможет нам всем Господь Бог.

С пожеланием удачи – ваш сын Альбрехт д'Эмери.

Дано четвертого дня июня 1189 года по пришествию Спасителя, окрестности Акки, что в королевстве Иерусалимском».

Бейлиф замолчал, прокашлялся и отложил свиток в сторону.

– Вот такие дела, – коротко сказал он. – Полагаю, господа, теперь вы сознаете, почему я просил вас собраться здесь. Я не могу полагаться только на наемную стражу графства или подчиненные мне военные отряды.

Возникла довольно долгая заминка. Некоторые из дворян удивленно перешептывались, другие молчали, явно не понимая, как может христианский владыка желать смерти членам королевской семьи и добиваться срыва похода для освобождения Иерусалима. Гунтер же сидел, глубоко задумавшись, так как услышанное поразило его несказанно. Германец достаточно знал историю двенадцатого века, но во всех прочитанных прежде книгах ни единого разу не встречалось упоминание о возможном покушении на принца Джона или вдовствующую королеву.

«Вариантов два, – думал Гунтер. – Либо в настоящей истории все прошло незамеченным и убийц переловили, либо начал действовать человек, про которого нам говорил отец Колумбан... Этот посланец Мессира вместе со своим хозяином – большая сила, переломить хребет которой практически невозможно. Если предположить, что я не ошибаюсь, то, по крайней мере, у нас с Мишелем появились некоторые намеки на то, кем является мой противовес в этом мире...»

Тут сэр Мишель подтолкнул оруженосца локтем в бок и прошептал:

– Послушай, Джонни, а если речь шла о Понтии?

Гунтер решительно замотал головой:

– Не может быть. Понтий, пускай и не может называться образцом благородства, совершенно не подходит.

– Почему? – поднял брови сэр Мишель.

– Во-первых, он не южанин, хоть и темноволос. А я читал, еще у себя, в Германии, будто исмаилиты не брали к себе в обучение европейцев. Только сарацин. Во-вторых, ломбардец едет, вообще не скрываясь, а с его склочным характером скрытым наемным убийцей стать просто невозможно...

– Зато у него слуги – сарацины, – рассудительно напомнил рыцарь. – Помнишь?

Гунтер охнул и почесал в затылке. На самом деле, Мишель прав. Разве станут обращать внимание на рыцаря, у которого слуги с Востока? Теперь это самое обычное дело...

– Ты прав, – кивнул Гунтер. – И что теперь делать?

– Как – что? – изумился сэр Мишель. – Надо все рассказать сэру Аллейну, вдруг мы напали на след?

– Слишком просто, любезный сэр. Донельзя просто. Ладно, потом подойдем и расскажем.

Бейлиф подождал, пока разговоры стихнут и первая волна изумления спадет, потом встал, снова кашлянул и произнес:

– Думаю, господа, вы поняли, каковы требования мои, а значит, и английской короны. Каждому из вас в отдельности и всем вместе поручается разыскать этого человека или людей. По возможности, следует доставить преступников ко мне. Вам следует задерживать каждого, кто по вашему мнению подходит под данное в послании описание. С помощью своих слуг осмотрите все странноприимные дома в округе, опросите содержателей постоянных дворов, особенно обращая внимание на подобные заведения, расположенные на побережье. Отмечайте все необычное – полагаю, посланные в Англию убийцы не смогут пройти незаметно или сделают по дороге нечто странное. Они могут хорошо говорить на нашем языке, но не знать местных обычаев... Каждый из вас, господа, получит необходимую бумагу, дающую право приказывать всем отрядам стражи в городах и деревнях, и получить помощь у владельцев маноров. Содержание, само собой, корона не оплачивает, но вознаграждение за труд я обещаю. Теперь, если кто-нибудь из вас, господа дворяне, желает задать мне вопросы – прошу.

Снова поднялся оживленный гомон, рыцари спорили между собой, договаривались о совместных действиях, но вопросов по существу ни у кого не было – бейлиф сумел предельно ясно и лаконично изложить суть дела.

– Все-таки это был Понтий! – уверенно заявил сэра Мишель Гунтеру, пока прочие дворяне переговаривались и обсуждали услышанное. – Надо же, он был у нас в руках!

Германец вздохнул и серьезно посмотрел на рыцаря:

– Если быть точным, это ты был у него в руках. Какая досада, что пуля задела только плечо...

– Вот-вот! – Глаза сэра Мишеля азартно заблестели. – Он ранен, и необычно. Конечно, будет искать помощи, правда не знаю, кто окажет ее такому ублюдку? Впрочем, люди у нас добрые... Идти за Понтием по следу будет легко, я уверен – достаточно порасспросить о раненом рыцаре и не была ли странной его рана! Насколько я понял, твое жуткое оружие делает маленькие дырочки в плоти?

Рыцари, позвякивая кольчугами, поднялись с кресел, стали прощаться друг с другом. К сэру Мишелю подошли несколько молодых рыцарей, которых Гунтер мысленно окрестил «бывшими собутыльниками», перебросились парой куртуазностей насчет погоды-природы и здоровья родителей, пожелали удачи и тепло распрощались, пообещав всячески помогать друг другу в их совместном великом деле. Сэр Мишель, отвыкнув немного от такого блестящего общества и соскучившись, сиял от удовольствия и чувствовал себя так, будто службу свою уже выполнил с честью и держит в руке голову врага.

Когда все покинули зал, сэра Мишель, слегка робея, подошел к бейлифу, который уже начал разбирать на столе какие-то свои бумаги. Гунтер, как обычно, держался чуть позади. Сэр Аллейн несколько недоумевающе взглянул на Фармера и поинтересовался:

– Вы что-то хотели спросить, сударь?

– Сэр Аллейн, – осторожно начал рыцарь, – Я и мой оруженосец хотели бы сообщить вам некоторые сведения относительно человека, которого должны разыскать и задержать...

Бейлиф серьезно посмотрел на обоих и жестом указал на кресла.

– Говорите, шеваье де Фармер, я внимаю каждому вашему слову, – произнес он, откинувшись на спинку стула.

Неторопливо и обстоятельно сэра Мишель изложил свои соображения и подозрения относительно личности сэра Понтия Ломбардского, рассказал о новом происшествии в несчастном монастыре Святой Троицы и подкрепил сказанное описанием его внешности, слегка походившей на восточную.

– Любопытно, – покачал головой сэра Аллейн, потерев перо, которым собирался писать. – Ваш рассказ, сударь, интересен, особенно в части, где говорилось о слугах-сарацинах и странном ранении...

Сэр Мишель сделал вид, будто не расслышал последних слов. Гунтер строго-настрого запретил рыцарю хоть кому-нибудь говорить про автомат и прочие необычности, привезенные из двадцатого века. Бейлиф же задумчиво продолжал:

– В последние дни произошло много необъяснимых событий, господа. Люди утверждают, что недавно видели некое летающее существо, кружившее над полями к югу и востоку отсюда.

«Начинается! – с легким ужасом подумал Гунтер. – Вот что значит искать аэродром в двенадцатом веке! Неужели он что-то заподозрил?»

Сэр Мишель оказался на высоте и врал совершенно бесстрастно и убедительно:

– Мы ничего не знаем об этом, сэр. Какое существо?

– Летучий змей, может быть, дракон... Один священник прислал письмо, в котором написал, будто третьего дня появился сам дьявол...

«Точно, появился! – Германец соорил как можно более невинное лицо, понимая, что если выдать себя, то положение может непоправимо осложниться. – Удивляюсь, почему этому военному губернатору не доложили, как в некоторых деревнях скисло молоко или застоявшиеся лошади были в пене – самые ясные приметы явления нечистого духа».

Но бейлиф и не думал подозревать сына барона де Фармер или его оруженосца. Просто слишком много неприятностей обрушилось на графство за минувшие четыре дня. Помолчав, сэр Аллейн лишь развел руками и произнес:

– Что ж, сэр Мишель, ищите вашего Понтия, только помните – если он действительно является исмаилитом или подкуплен этой дьявольской сектой, у него могут иметься тайные сообщники, и не в едином числе. Знаете что? Если вдруг вы обнаружите его, не пытайтесь захватить или убить, а пошлите вашего оруженосца ко мне за помощью или просто следите за ним. Хотите, дам вам сэра де Муалена и его копье в попутчики? Это опытные люди...

– Мы тоже, – самоуверенно заявил рыцарь. – Справимся.

Тут Гунтер осмелился вмешаться в разговор, потому что появилось одно немаловажное соображение:

– Господин бейлиф, нам говорили, будто ломбардец поехал в Руан. Там порт и, возможно, Понтий хочет плыть в Англию. Нам преследовать его за пределами графства?

– Конечно, – кивнул сэр Аллейн. – Давайте сделаем так: вот вам подорожная. – Бейлиф черкнул несколько слов на чистом пергаменте и, капнув красным сургучом, приложил свое кольцо с печаткой. – Это даст возможность сесть на первый же корабль к Дувру, если выяснится, что ваш сэр Понтий отправился в Англию. Денег у вас хватит?

– Смотря на что... – замялся сэр Мишель. – Надо еще купить оружие...

– Вы без оружия? – изумленно поднял брови бейлиф, но потом, старательно подавив улыбку, добавил: – А, понимаю! Вы наверняка проиграли поединок и победивший рыцарь по праву забрал доспех?

– Так и было, – встрял Гунтер, останавливая Фармера, который явно собирался сказать сэру Аллейну грубость. Ведь бейлиф прекрасно знал, в какую историю попал сэр Мишель в монастыре Святой Троицы и какой именно поединок был проигран. – Разрешите откланяться, ваше превосходство... Простите, сударь.

– Идите. – Бейлиф отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена. – Да благословит вас дева Мария и святой Бернар.

– И вам того же, – проворчал под нос Гунтер, выходя из зала вслед за сэром Мишелем. – Ну вот, поздравляю, мы на государственной службе... Никогда не думал, что стану работать на английского короля!

Глава десятая

Короткая дорога через Нормандию

Покинув замок бейлифа, сэра Мишель и Гунтер решили прежде всего как следует подкрепиться – с самого раннего утра у обоих во рту не было маковой росинки, если не считать опустошенные по дороге две банки сгущенного молока. Они разыскали более или менее приличный трактир, располагавшийся неподалеку от площади с церковью.

Заведение называлось «Кованый сапог», и, как подтверждение тому, над входом висел на толстых цепях немислимых размеров литой железный сапожище. В зале сэра Мишель узнал двух-трех рыцарей, присутствовавших у бейлифа, приветственно кивнул им, но выбрал стол подальше от них, в самом углу, так чтобы можно было обозревать весь зал, не пребывая на виду. Рыцарь уже с головой окунулся в свое новое дело и, по мнению Гунтера, корчил из себя эдакого Пинкертон. Впрочем, мысли свои германец оставил при себе, как и велел ему сегодня по дороге рыцарь, под гербом которого Гунтеру довелось служить. Будь они неладны, и герб, и рыцарь!..

Хуже всего было то, что германец отлично представлял, с какой именно непобедимой, коварной и жестокой организацией им предстоит связаться, если Понтий Ломбардский действительно имеет отношение к исмаилитам. Попытавшись вспомнить все известные из книг и исторических документов сведения про Старца Горы и его последователей, Гунтер сделал неутешительный вывод: влипли! На счету убийц, глава которых сделал власть и жестокость самоцелью, были многие тысячи жертв – как простых людей, так и великих. В основном погибали люди известные – султаны, визири, полководцы. Фидай – так иногда называли исмаилитов – отправили к праотцам восемь восточных государей, включая трех халифов, многих шейхов, наместников и правителей. Крестonosцам тоже не очень везло – старый граф Раймунд из Триполи был зарезан фидаем, а Конрад Монферратский, как вспомнил Гунтер, должен погибнуть от руки асассина *через три года*. Однако сейчас маркграф Конрад жив. Если будет желание, его смерть можно даже предотвратить...

Глава исмаилитов, некий Хасан ибн Саббах в начале двенадцатого века создал свое учение, не слишком отличавшееся от законов шариата и Корана, но в то же время совершенно новое. Хасан придумал имама, которому «известны все замыслы Божьи», а главный постулат исмаилитской ереси звучал так: «Познание Бога разумом и размышлением невозможно. Познание возможно только личным поучением имама». Все человечество, не признающее имама, известного одному Хасану ибн Саббаху, погрязло в заблуждениях. Таким образом, мусульмане, не принадлежащие к исмаилитам, попадут в ад, христиане и иудеи – тоже. Каждый, не исповедующий учение Старца, – нелюдь, а если кто-то смеет противостоять исмаилитам в открытую – то его смерть неизбежна.

Хасан ибн Саббах, захватив крепость Аламут, распространил свое влияние вплоть до побережья Средиземного моря на западе и Багдадского халифата на востоке и стал властелином никем не признанного государства. Исмаилиты террором или обманом заняли множество крепостей вокруг Аламута, используя свою славу непримиримых врагов сельджукских завоевателей. Но сейчас, когда часть Палестины находилась под рукой христиан, а Саладин изрядно поприжал исмаилитскую вольницу, могущество секты пошло на убыль и фидай все чаще нанимались к людям, не имеющим отношения к учению Старца. В том числе и к некоторым христианам, коим требовались услуги прекрасно обученных убийц...

«Одного не могу понять, – думал Гунтер. – Неужели человек, нанявший фидая, не понимает, что срыв похода Ричарда играет на руку только мусульманам? И кем может оказаться этот “владельческий князь”? Маркграфом Конрадом? Нет, конечно, если судить по сохранившимся к моему времени летописям или книге Бернгарда Куглера про крестовые походы, Монферрат

был удивительной скотиной, но никогда не стал бы связываться с асассинами. Впрочем, они же Конрада и прирезали, вернее, *прирежут*... Интересно, за что? Рено Шатильон, которому полагается год как быть в могиле? Вот этот может. Большого мерзавца за всю историю христианских королевств в Святой Земле не бывало. Граф Раймунд? Вполне приличный человек, пускай и себе на уме... Король Гвидо? Безусловно, его описывают полным ничтожеством, да и спасение его трона в руках Ричарда, так что Лузиньяну прибытие крестоносцев просто необходимо. Да разве стал бы предупреждать посланный убийца человек свою жертву? Брат Гвидо, Альмарик? Тоже нет... А вдруг это кто-нибудь из духовных лиц? Абсурд... Самым оригинальным будет, если нанимателем является мусульманин. Саладин, например. Султан вполне может это сделать и одновременно распространить слухи, будто нанести удар по английской королевской семье желают христиане... Вот тебе и простенький двенадцатый век! Запутано ничуть не хуже чем у нас... Ладно, разберемся!»

Сэр Мишель, хлебнув вина, сказал, отвлекая Гунтера от размышлений:

– Все беды в мире – от сарацин!

– А я думаю – от пьянства, – ответил германец и тоже приложился к кружке. – С чего начнем, сэр?

– Со свинины, – легкомысленно отмахнулся рыцарь. Дальнейшие действия ему были понятны насквозь: догнать Понтия, стукнуть чем-нибудь тяжелым или острым, а потом искать у него и его восточных слуг указанную в письме метку. Все просто и понятно. Зачем ломать голову?

Предостережения отца Колумбана начали забываться.

* * *

«Снова дорога... До чего же хорошо на воле! Ни жуткого смрада, ни страхолюдных калек, ни толкотни, ничего не осталось от города, – думал сэр Мишель, глядя по сторонам. – Скорее бы поймать этого мерзавца Понтия и сдать, куда надо – бейлифу в тюрьму, если Джонни его прежде из своего чудесного арбалета не “пришьет”, как он странно выражается. Хотя, если правда, что от тех стрел-шариков дырочки получаются, то похоже будет... Теперь еще за этим бастардом Ломбардским в Руан ехать! Но нет худа без добра – в Руане можно добрыми доспехами и оружием разжиться».

...Рано утром, с превеликим трудом соображая, где находится и какой нечестивец так назойливо трясет его за плечо, сэр Мишель приподнял тяжелую, будто налитую густым горячим маслом голову и с отвращением подумал о предстоящей неблизкой дороге. Спать бы сейчас да и спать, так нет, не спится Джонни, знай себе толкается да гавкает что-то на своем странном языке.

– Изыди, нечистый! – попытался отмахнуться сэр Мишель и уронил голову на свернутый меховой плащ, но тут же вздрогнул от пронзительного крика.

– Поднимайся! – завопил Гунтер, потеряв терпение. Сам он не спал с того момента, как в тяжелый хмельной сон вонзился дребезжащий звук упавшего на деревянный пол медного таза с водой – какой-то идиот безрукий нес его по коридору... Разлепив веки и оглядевшись, он обнаружил себя лежащим на жесткой широкой деревянной лавке, застланной шкурами, напротив на таком же ложе мирно посапывал сэр Мишель, трогательно свернувшись калачиком и свесив одну руку, из-под плаща-подушки виднелись ножны меча.

В окно небольшой комнаты протянулись солнечные лучи, освещая выскобленный стол, сплошь изрезанный кинжалами прежних постояльцев, огромный кувшин с водой, небрежно отброшенные в угол сапоги – оба Мишелевых, и один свой, – два тяжеловесных табурета и откатившуюся в угол пузатую глиняную бутылку в плетеной корзинке. Пустую, как печально

констатировал Гунтер, осторожно поднявшись и едва не на четвереньках добредя до нее. После чего он принялся будить сэра Мишеля.

Рыцарь, издав недовольный рык, оттолкнул назойливого оруженосца и сел, угрюмо глядя по сторонам.

– Дай-ка мне... – Он протянул руку, указывая на валявшуюся в углу бутылку, но Гунтер отрицательно помотал головой:

– Не дождешься, вчера все вылакал. На-ка, водички попей.

Гунтер взял со стола кувшин и подал сэру Мишелю, но тот, нагнув голову, молча указал на свой взлохмаченный затылок. Намек был понят с полуслова, и поток холодной воды щедро оросил голову страдающего очередным похмельем рыцаря. Отфыркиваясь и протирая лицо ладонями, сэр Мишель прогудел хриплым басом:

– М-м-м... Хорошо...

Вчера, когда все так замечательно разрешилось, рыцари, собравшиеся в трактире, как водится, начали пить за знакомство, потом за знакомство оруженосцев, потом за знакомство рыцарей с оруженосцами, а дальше за все, что только на ум приходило.

– Слушай, я вечером сильно напился? – озадаченно потер лоб норманн, – Ничего не помню.

– Не злоупотребляй вином, тогда и память прояснится. Ты мне лучше ответь, куда дел мой сапог?.. – проворчал Гунтер, шаря под лавками.

– Я? Какое мне дело до обуви моего оруженосца? – возмутился сэр Мишель и, вытянув тяжелый яловый сапог за голенище из-под скрученного в ком плаща, служившего Гунтеру подушкой, швырнул его на пол.

Так, мирно беседуя, они собрались, позавтракали и закупили провизии на два предстоящих в пути дня. Только выехав за городские ворота сэр Мишель, собравшись с духом, задал Джонни вопрос, который возник с самого утра и несказанно мучил его:

– Слушай, Джонни, у нас еще много денег осталось? Ну мы вчера случайно не пропили все?

Гунтер потрогал кожаные кошельки на поясе, заметно убавившие в весе, но по-прежнему обнадеживающе тяжелые, и ответил:

– Осталось, на орехи...

– Тебе бы все шутки шутить, а нам еще оружие да доспехи покупать надо, – пробурчал сэр Мишель.

– Не переживай. Денег твой папенька дал, я полагаю, с расчетом на то, что его дружелюбный и любвеобильный сынок захочет продемонстрировать свою щедрость в первом же попавшемся трактире.

Сэру Мишелю осталось только горестно вздохнуть:

– И когда же я научу тебя, как должен оруженосец разговаривать со своим рыцарем... Наверно, никогда...

* * *

Ближе к вечеру между холмами показался замок. Утомленный долгим переездом Гунтер смотрел на серые стены с надеждой – там можно будет подкрепиться и переночевать, если, конечно, сэр Мишель не успел насолить чем-нибудь его хозяину и захочет туда наведаться. Германец сильно устал, несмотря на два привала – один, коротенький, возле перекрестка, где на этот раз они повернули к Руану, и другой, подольше, у небольшой речушки Риль, где сэр Мишель ухитрился изловить парочку форелей из крутящейся на мелководе стаи. Срезав небольшое тонкое деревце и освободив его от веток, он примотал к одному концу кинжал, скинув сапоги, вошел по колено в воду и, дожидаясь, когда какая-нибудь неосторожная рыбина

подплывет к нему поближе, молниеносным движением втыкал под жабры импровизированную острогу, после чего перекидывал сверкающее на солнце рыбе тельце на берег. Большинство форелей срывалось и уплывало, но сэра Мишель не расстраивался, так как делал это больше из удовольствия, чем по надобности – еды хватало вдоволь. Тем не менее, пойманные рыбы были распотрошены и зажарены над костром, который Гунтер разжег своей зажигалкой.

Второй раз увидев это чудо, сэра Мишель не удержался от расспросов и из неохотных объяснений германца, понял, что это странное маленькое огниво работает на той же удивительной жидкости, которую должен пить дракон, чтобы летать. Сэра Мишель возгорелся было желанием разобрать зажигалку, чтобы понять, как же в таком маленьком, плоском металлическом футлярчике уместились и кремний, и кресало, и трут, но Гунтер не позволил, сказав, что делал это огниво один искусный мастер и только он сможет собрать обратно. Сэра Мишель справедливо рассудил, что этот мастер находится сейчас слишком далеко, и оставил зажигалку в покое. Потом, подумав немного, заявил:

– Знаешь, Джонни, отдай-ка это огниво мне, а я тебе взамен свое дам.

– Да ты сумеешь пользоваться им правильно? – Гунтер с сомнением глядел на сэра Мишеля, бережно вертевшего в руках зажигалку. – А что тут уметь-то? Я же видел, как ты это проделываешь! – Рыцарь большим пальцем откинул крышку и невольно отпрянул, когда пропитанный бензином фитилек вспыхнул голубоватым язычком пламени. – Вот и все! – Сэра Мишель с усмешкой захлопнул крышку.

Гунтер, склонив голову набок, слегка залюбовался необыкновенным зрелищем – сидит себе средневековый типчик в кольчуге и поигрывает зажигалкой. Еще бы сигару в зубы для полноты картины... Рука германца сама потянулась к пачке, где оставалось всего три сигареты – как он не экономил, курево катастрофически кончалось, и достать его было абсолютно негде – прикинув в уме, сколько столетий оставалось до путешествия Христофора Колумба, он понял, что *столько* ему не прожить... Вытянув сигарету из помятой пачки, Гунтер отобрал у сэра Мишеля зажигалку и закурил.

– И охота тебе дышать этой дрянью! – Рыцарь помахал рукой перед носом, разгоняя дым. – У вас *там* все этим занимаются?

– Не все, но многие. – Гунтер, щурясь от дыма, с усмешкой посмотрел на сэра Мишеля: – Не хочешь попробовать?

Вместо ответа сэра Мишель встал и отошел к реке, усевшись на травяной кочке и свесив босые ноги в воду. Опыт «воскурения в себя» он уже имел еще по дороге в Аржантан, когда, с удивлением наблюдая за Джонни, который достал откуда-то маленькую белую палочку, запалил один ее конец, а другой вставил в рот, выпустив из ноздрей две струйки дыма (дракон, да и только!), спросил:

– Это ты что делаешь? От дракона своего научился?

– Курю, – лаконично ответил Гунтер и выпустил щегольское колечко дыма, которое тут же было унесено налетевшим ветерком. Некоторое время сэра Мишель, хмурясь и приносясь, наблюдал за оруженосцем, а потом заявил:

– Я тоже так хочу. Дай попробовать!

– Не советую, – сказал Гунтер, припомнив свою первую затяжку в летном училище...

– Делай, что твой рыцарь говорит! – Сэра Мишель надменно задрал подбородок и потребовал: – Дай сюда!

– Как хочешь, мое дело предупредить. – Гунтер протянул сэру Мишелю сигарету, и тот, старательно подражая его движениям, вдохнул дым.

– Я же говорил – не надо... – горестно пробормотал Гунтер, глядя, как сэра Мишель корчится в седле от жуткого приступа кашля, едва не падая с лошади.

– Ну и... га-адость... – выдавил сэра Мишель, отплеываясь и с трудом подавляя рвущийся наружу кашель. Ему казалось, что все внутри пропиталось едким горьким дымом, и

избавиться от этого противного ощущения он смог только приложившись к фляге с вином. После чего мрачно произнес:

– Эти ваши штучки кого угодно в могилу сведут. Ничего хорошего у вас *там*, в будущем нет, это теперь я точно знаю. Так что, считай, тебе крупно повезло...

– А сгущенка? – лукаво улыбувшись, Гунтер вытащил из седельной сумки круглую баночку.

– Ну разве что... – Сэр Мишель протянул руку и бесцеремонно выхватил лакомство из рук оруженосца, который в ответ покатился со смеху...

По мере того, как приближающиеся холмы понемногу расступались, замок, во многом похожий на Фармер, становился виден все лучше и отчетливее. Та же круглая башня-донжон, скучившиеся возле стен деревенские домишки в окружении небольших огородов. По другую сторону тянулись наполовину убранные поля, с которых возвращались усталые жнецы, закинув за спину серпы и немногословно переговариваясь. Завидев сэра Мишеля и Гунтера, они останавливались у дороги, пропуская их, кланялись; крутившиеся возле них детишки и собаки некоторое время сопровождали путников, потом, повинуясь сердитым окрикам взрослых, возвращались наперегонки назад.

Низко нависшее над горизонтом солнце окрасило невысокие стены замка в ярко-охристый цвет, позолотило холмы. Над дорогой вились прозрачными облачками рой каких-то мелких мушек; высоко в небе пролетела стая галок, оглашая тихий вечерний воздух звонкими криками. Сэр Мишель, повернувшись к Гунтеру, сказал:

– Видишь замок?

– Уже давно, – устало выговорил Гунтер.

– Это Ле-Небур, там живет сэр Уилфрид, барон де Небур, старый папин знакомец – приезжал много раз к нам в Фармер. Мы с ним большие друзья, еще в детстве он учил меня соколиной охоте – Эрик-то, сам понимаешь, не стал со мной возиться. Мы вполне можем остановиться там на ночлег, а заодно разузнать кое-что о Понтии, не исключено, что он и там останавливался.

– Идет, – согласился Гунтер.

Они свернули с тракта и поехали по дороге, ведущей к воротам замка. Целиком положившись на дипломатические способности рыцаря, Гунтер не проронил ни слова за все то время, пока сэр Мишель разговаривал со стражей, а потом отвечал на бурные приветствия хозяина – радушного здоровяка с густой светло-соломенной шевелюрой и рыжими щетинистыми усами, который был несказанно рад видеть подросшего и возмужавшего отпрыска своего доброго друга.

За трапезой, после рассказов о своих похождениях, сэр Мишель незаметно перевел тему на интересующего его человека и спросил:

– Сэр Уилфрид, не останавливался ли у вас день-два тому назад некий сэр Понтий Ломбардский... – Он не договорил, потому что хозяин замка сдвинул кустистые светло-рыжие брови и проговорил:

– Бывал, бывал... Черный такой, лицо у него странное, ровно у лошади.

– Да, да! – Сэр Мишель подался вперед, внимательно глядя на сэра Уилфрида, который неохотно продолжал:

– Я его не стал пускать в замок, хотя он и был ранен... Уж больно непочтительно обошелся с моими людьми. А вам-то он зачем?

– Нужен. – Сэр Мишель опустил глаза, показывая, что не хочет говорить большего. – Сэр, не могли бы вы сказать мне, куда он направился потом, если это, конечно, известно вам.

– А как же, известно! – криво усмехнулся барон в жесткие усы и добавил: – Ладно, раз не хочешь говорить дяде Уилфри, почто тебе понадобился эдакий мерзавец, расскажу я тебе все, что знаю.

Выяснилось, что в ту ночь, когда сэры Мишель и Гунтер расположились возле самолета, сэры Понтий Ломбардский в компании жутковатых сарацинов подъехал к замку Ле-Небур, ухватил какого-то крестьянина, имевшего неосторожность возвращаться домой в столь позднее время, и стал выспрашивать у него, кто живет в замке. Видимо, не удовлетворившись почти-тельностью простолюдина, рыцарь отблагодарил его зуботычиной и направился к воротам. Недолго думая, крестьянин бросился к потайной калитке в стене, вроде той в Фармере, куда сэры Мишель спроваживал своих любовниц, и успел предупредить хозяина замка о грубом и злобном господине, который со своими нечестивыми слугами хочет проникнуть в замок. У ворот Понтия встретил вооруженный увесистым мечом сам сэры Уилфрид с четырьмя здоровыми молодцами и посоветовал ему поискать другой ночлег, а заметив, что рыцарь, совершенно неучтиво сыпавший проклятиями, ранен, указал ему путь к лекарю, жившему в ближайшей деревне.

– Нет, ну какой хам! – распалившись воспоминанием о Понтии, возмущенно вскричал сэры Уилфрид и хлопнул кулаком по столу. – Такие выродки недостойны носить рыцарские шпоры и позорят наше высокое звание!

– Именно поэтому мы его и разыскиваем, – подвел итог сэры Мишель и, желая успокоить разбушевавшегося барона, стал рассказывать ему о своем примирении с отцом и этим растрогал «дядю Уилфри» едва ли не до слез.

Сэры Уилфрид предложил гостям устроиться в комнате на втором этаже донжона, в удобных постелях, но сэры Мишель, вежливо поблагодарив, отказался и испросил разрешения отправиться на сеновал, отговорившись привычкой спать на свежем воздухе. Недоумевающему Гунтеру, который был не прочь выспаться на хорошем мягком тюфяке, он со скучающим видом, точно учитель зоологии, перечислил такое количество разнообразных насекомых, которые могут водиться в его вождеденных тюфяках и простынях с одеялами в летнее время, что германец только диву дался, как же остальные домочадцы терпят всех этих клопов, блох, пауков и гусениц. Сам он очень не любил всяческих ползающих тварей и без сожаления расстался с перспективой провести ночь в их кусачем обществе.

«Эх, хорошо иметь знакомых феодалов по всей стране, – подумал Гунтер, блаженно вытягиваясь в душистом сене. – И накормят, и напоят, и спать уложат...»

– Эй, сэры, спишь уже? – окликнул он сэра Мишеля.

– Почти, – сонным голосом откликнулся рыцарь, поворочался немного, шурша сеном, и проговорил: – Завтра с утра поедем к лекарю. – Зачем? – удивился Гунтер. – Все же и так ясно – Понтий был здесь, нагадил, потом в Руан отправился, больше ведь по этой дороге некуда ехать...

– Поедем, – настаивал рыцарь. – Надо выяснить, видел ли лекарь у него татуировку.

– Ну давай съездим, – сквозь зевок сказал Гунтер.

Уже на зыбкой границе сна германцу пришла тревожная мысль, что уж больно гладко проходит их путешествие и стоит держать ухо востро, иначе беда сможет нагрязнуть там, где ее никто не ждет.

* * *

За завтраком сэры Уилфрид безрезультатно пытался уговорить Мишеля остаться хотя бы на недельку – Фармер-младший был непреклонен, сказав только, что находится на службе у короля Ричарда и обязан срочно выполнить данное ему поручение. После этих слов хозяин Ле-Небура оставил уговоры, взяв с сэра Мишеля обещание, что тот обязательно погостит у него в будущем, когда справится со своими важными делами.

Распрощавшись с сэром Уилфридом, сэры Мишель и Гунтер, не теряя ни минуты, отправились к лекарю, жившему в маленькой деревеньке, прижавшейся к самым стенам замка.

Рыцарь без труда сумел разговорить сухопарого старичка, дав ему несколько золотых монет, и тот поведал, что действительно, две ночи назад к нему бесцеремонно ввалился высокий черноволосый рыцарь с неприятным лицом и куда более отвратительными манерами и велел немедленно оказать ему помощь, иначе он, дословно, «разнесет в щепки весь этот вонючий курятник». Лекарю ничего не оставалось делать, как впустить буйного господина. Его спутники остались за дверями, кто они, старик не успел разглядеть, да и не стремился особенно. Видимо, они расположились вокруг дома, потому что то и дело слышался хохот, а потом какое-то странное заунывное пение. Больше всего его удивила странная рана под ключицей рыцаря – две маленькие круглые дырочки с обеих сторон плеча, как будто его проткнули узким раскаленным прутиком – по краям отверстий кожа была сильно обожжена. Разумеется, лекарь не стал интересоваться, какое оружие смогло нанести такую рану, а просто молча наложил тряпочку, пропитанную целебной мазью, туго перевязал, потом по требованию рыцаря сготовил ужин, уступил ему свою постель и провел мучительную ночь на расстеленной возле очага шкуре, слушая ужасающие ругательства, которые бормотал в сонном бреду рыцарь.

Когда старик рассказывал про рану, сэр Мишель покосился на Гунтера, и тот согласно кивнул головой – описание в точности совпадало с виденными им сотни раз пулевыми ранениями.

Сэр Мишель попытался выпросить, не говорил ли рыцарь каких-либо имен или названий, но старик раздраженно отмахнулся и перекрестился:

– Упаси меня Бог повторять то, что слетало с его языка! Не помню я никаких имен, не было у меня желания вслушиваться в его нечестивую брань... Многих я лечил, и многие ругались, терпя боль, но этот...

Тогда сэр Мишель быстро перевел разговор на другую тему:

– Последний вопрос, милейший. Тебе ведь пришлось снять с рыцаря одежду, когда ты обрабатывал его рану.

– Да он сам изволил содрать с себя кольчугу и рубашку, уселся на мою постель и велел: «Лечи!» – Лекарю понемногу начинал утомлять этот непонятный допрос, но выказать неудовольствие он не посмел.

– Так вот, не заметил ли ты какой-нибудь метки на его плече? – осторожно спросил сэр Мишель.

– Метки? – недоуменно переспросил старик. – Не было никакой метки... Может быть, рана эта странная...

– Нет, нет, – нетерпеливо перебил его сэр Мишель. – Татуировка, вот что я имею в виду. Она должна быть небольшой, на правом предплечье.

Лекарь задумался, потом медленно покачал головой:

– Нет, ничего подобного я не заметил, да и не всматривался. К сожалению, господа, точно я сказать не могу. – Лекарь развел руками.

– Что ж, спасибо и на этом, – сказал Гунтер, пресекая дальнейшие расспросы, которые сэр Мишель хотел было учинить старцу. Он уже понял, что здесь ничего путного узнать нельзя.

По дороге к Руану, когда замок Ле-Небур остался далеко позади, сэр Мишель нарушил задумчивое молчание, тянувшееся с того момента, как они покинули деревню и выехали на тракт:

– Выходит, что Понтий не тот, за кого мы его приняли, раз татуировки у него нет.

– Это еще неизвестно, есть ли она у него или нет, лекарь ведь ничего не заметил. К тому же остаются еще его слуги-сарацины, у них-то никто наличие татуировки не проверял, – ответил Гунтер. – А потом Понтий может быть послан вместе с ассасинами тем самым христианским владыкой, что задумал убийство, для отвода глаз.

– Или как их проводник, – добавил сэр Мишель. – Хотя стал бы нанятый для такого дела человек привлекать к себе столько внимания. Возможно, он и сам не знает, с кем связался.

– Или знает, потому и злится, что выхода у него нет, мало ли чем эти нечестивцы могли его запугать, – подхватил Гунтер.

– Никто не может запугать христианского рыцаря! – провозгласил сэра Мишель, гордо выпрямившись в седле. – Никто, даже Саладин или сам сатана... Или ставленник Мессира, черт его дери!

– Не задерет. Мессир же сам его и поставил, – усмехнулся Гунтер. – Кстати, тебе не кажется, что у нас все слишком уж благополучно?

– А иначе и быть не может, – пожал плечами сэра Мишель. – Мы же богоугодное дело вершим. Мы же... – Норманн запнулся, подбирая слова. – Ведь мы настоящие паладины, вот!

– Чего? – поморщился Гунтер. – Какие еще паладины?

– Разве не знаешь? – Мишель сделал паузу, поразмыслив, и сказал. – Разве у вас, через семьсот лет, стало неизвестно само слово «паладин»? Понимаешь ли, это такой благородный рыцарь, принявший обет верности. Деве Марии, Прекрасной Даме, церкви или королю... Неужели никогда не слышал?

– Слышал, – ответил германец. – У нас тоже дают обеты верности и даже часто соблюдают их. Знаешь слово «присяга»? Так вот, в нашей арм... войске положено было присягать на верность стране и ее... повелителю.

– Видишь, видишь, – обрадовался сэра Мишель. – У вас это – положено, а мы делаем от души. Правильно?

– Это все слова, дорогой мой рыцарь, – нерешительно покачал головой Гунтер, не понимая, зачем Мишель завел этот разговор. – Я привык к тому, что слово во все времена держится не слишком хорошо...

– Вот неправда! – крикнул сэра Мишель. – У нас не так! Слово – очень опасное оружие, и его всегда можно обратить против себя или другого человека. Между прочим, норманны, жившие раньше, почитали оскорбление словом почище оскорбления действием, пощечины, например. Скальды иногда складывали обидные ниды – такие короткие стишки, всего на восемь строчек. Хулительный нид был самым жутким оскорблением, и оно смывалось только кровью... Традиция, кстати, по сей час сохранилась.

– Это как? – не понял германец. – У вас еще принято сочинять подобное?

– Не совсем, конечно, – согласился сэра Мишель и прокашлялся. – Ты, наверное, никогда не слышал о Бертроне де Борне? Это самый знаменитый менестрель Аквитании. Его песни даже король Ричард поет. Есть одна история, не знаю, правдивая или нет... Я ее около года назад слышал от самого Бертрона, когда воевал у принца и короля Французского. Спеть?

– Давай, – кивнул Гунтер. Ехать было скучно, а послушать настоящую песню барда раннего Средневековья даже интересно.

Сэра Мишель некоторое время хмурился, вспоминая слова, и затем начал чуть хриловатым баритоном:

*Много есть на свете баллад старинных —
Пели мне их в детстве под треск камина,
Черных королей побеждала лютня,
Белым королем становился скальд.
Замок мой стоит на семи холмах,
Бродит влага винная в погребах,
Плющ коврам зеленым обвил фасад,
А беда случилась пять лет назад...*

*Был осенний вечер, мела пороша,
В двери постучал менестрель продрогший,*

*Он сказал, что бродит давно по свету,
И просил за песни ночлег и кров.
Сталь его зрачков высекала искры,
Лютню он сжимал, словно ствол баллисты,
Я его впустил, обещав за вису
Дать ему и кров, и ночлег, и стол.*

*В пиришественный зал собирались гости,
Пили добрый эль и играли в кости,
Жемчуг рассыпали улыбки женицин,
Винная роса через край лилась.
Сыто я спросил у певца, смеясь:
«А теперь сплети гостям висы вязь!»
Волосы отбросил певец назад,
Боже, как горел его дикий взгляд!*

*Боже, как он лютню схватил свою!
Боже, как проклятие затянул!
На мою главу призывая ад,
И на дом и плющ, что обвил фасад...*

*Вывел я из зала тогда мальчишку,
И спросил: «Наверно, ты выпил лишку?»
Крикнул он в ответ: «Ты меня боишься!
Испугал тебя моей лютни звон!»
Я ему сказал: «Придержи коня!»
Он сказал: «Ты мне пока не патрон!»
Я ему сказал: «Убирайся вон!»
Он ответил: «Нет, ты убьешь меня...»*

*Я его спросил: «Что тебе я сделал?»
Он ответил мне, став белее мела:
«Хватит и того, что ты власть имеешь,
А любой владыка – тиран и вор!
Жизнь твоя проходит во тьме разврата,
И пока не взял тебя демон ада,
Пение мое – вот твоя расплата!
А теперь верши свой приговор...»*

*Я ему сказал: «Не спеши судить»,
Он сказал: «Ты трусишь! Какой позор!»
Я ему сказал: «Так тому и быть!»
И упал он замертво на ковер...
Много есть на свете баллад старинных —
Про зеленый плющ, про хмельные вина,
И про менестрелей, чей век недлинный
Обрывался, как недопетый слог...
Маленький фанатик, зачем же в руки
Лютню ты берешь, а не стрелы с луком?*

*По живой мишени палишь от скуки
На пересеченье больших дорог...*

– Видишь, – грустно сказал сэр Мишель, завершив балладу, – Бертран совершенно прав – слова многое значат. Вспомни, как нечистый тебя охмурил в лесу?

– О, мне можно переломать кости, но слова меня не ранят, – хмыкнул Гунтер. – А тот молодой трубадур сам нарвался. Его, кажется, по-человечески предупреждали!

Неизвестно, какие выводы из сочиненной Бертраном де Борном истории делали жители двенадцатого века, но вот германец, человек в этом времени чужой, был убежден – история не грустная, а поучительная. Только подумайте – человек пришел, напросился в гости, пообещав спеть для друзей хозяина, его честно накормили и попросили блеснуть своим искусством, а он начал откровенно хамить хозяину замка! В балладе прямо говорится – менестреля три раза предупредили по-хорошему... Похоже, нищий и бездомный певец просто завидовал дворянину, к которому пришел!

Сэр Мишель думал прямо противоположное. Рыцарю было очень жалко скальда, зарубленного владельцем замка. Разумеется, беспочвенно оскорблять и проклинать хозяина дома очень нехорошо, но если трубадур сказал, что таковой «подлец и вор», значит, так и было! Не станут в балладе лгать. Выходит, бард пострадал за правду, хотя надо было вызывать хозяина на поединок, а не петь всякие гадости...

– Мишель, – окликнул рыцаря Гунтер. – Между прочим, я много раз просил тебя рассказать о том, что у вас здесь происходит.

– Где – «у нас»? – озадачился Фармер. – Ты сам все прекрасно видел. Неужели в твоём будущем совсем не знают, как мы сейчас живем?

– Знают, – сказал германец. – Вернее, помнят. Но извини, я не слишком усердно занимался историей Франции. Знаю, что у вас сейчас король Ричард, что у него есть брат Джон... А короля-отца звали Генрихом.

– Я сам про это тебе рассказывал. – Сэр Мишель заставил лошадь идти медленнее и поравнялся с Гунтером. – Про что ты хочешь услышать?

– Ну-у... – Гунтер сморщил лоб. – Понимаешь ли, мы теперь будем часто встречаться с разными людьми и я не хотел бы попасть впросак, отвечая на самые простые вопросы. Сможешь рассказать о том, что у вас в королевстве происходило за последние лет двадцать?

– Пожалуйста, – усмехнулся сэр Мишель. – Вообще-то самые интересные события начались, когда мой батюшка пошел в Палестину вместе с крестовым войском короля Людовика Французского... Слышал про такого?

– Нет, – признался Гунтер. – Ты рассказывай, рассказывай.

* * *

Вот о чем поведал Гунтеру сэр Мишель.

Пускай в баронстве Фармер и окружающих его землях, что лежали на склонах Нормандской возвышенности, и было относительно спокойно, но вокруг, в Аквитании, и прочих провинциях континента, подчиненных английскому королю, много лет шла гражданская война, закончившаяся лишь несколько месяцев назад.

Земли английской короны были исключительно обширны – территория, подчиненная скипетру Плантагенетов, простиралась на юг до Арагона и Наварры, на востоке же граничила с Германским Рейхом по реке Рона. Франция, зажата между огромной Германией и соперничающей с нею Англией, между прочим, занимала пространства, в три раза меньшие.

Причины гражданской войны были весьма запутаны и восходили, пожалуй, к событиям более чем тридцатилетней давности, связанным с любовными похождениями короля Генриха

Второго, сына императрицы Матильды и графа Анжуйского. Началось все в 1137 году, когда юная герцогиня Элеонора Пуату – богатейшая невеста Европы, (земли ее отца занимали большую часть Западной Франции от Бретани до Пиренеев, а сам герцог Аквитанский своим влиянием почти не уступал королю Людовику Капетингу, носившему прозвище Толстый), так вот, когда сия Элеонора решила выйти замуж.

Французский монарх не зря получил столь нелестное для короля прозвание, ибо был настолько дороден, что редко поднимался с ложа. Но это ничуть не влияло на государственные способности короля, и, будучи умным политиком, Людовик расстарался, чтобы аквитанская красавица Элеонора была обвенчана с его сыном, наследником французского престола. Унаследовав Францию и права на аквитанские земли, принц, тоже кстати Людовик, принял корону, но вместо обустройства собственного королевства, отправился во Второй крестовый поход.

Неугомонная Элеонора, узнав о намерении мужа направиться в Святую Землю, безмерно обрадовалась и заявила, что пойдет вместе с войском и будет сражаться за Веру Христову с мечом в руке, наравне с мужчинами. Следует заметить, что молодая королева недавно перенесла вторые роды.

Элеонора и те дамы, которых она смогла подвигнуть на это безумное предприятие, собрали целый женский отряд и относились к своей затее с совершенной серьезностью – ежедневно красавицы, среди которых были герцогиня Бульонская и графиня Тулузская, выезжали на луг тренироваться во владении оружием. И, надо сказать, добивались солидных успехов на столь необычном для женщин поприще.

Отряд амазонок после множества приключений добрался таки вместе с основным войском до христианских королевств Святой Земли, и король, которого тяготил громадный обоз, набитый нарядами, парикмахерами, камеристками и прочими трубадурами, заставил Элеонору остаться вместе со своими воинственными красавицами в Антиохии, где правил ее дядя граф Роберт.

Скучающая королева, лишенная возможности лихо рубить сарацин в капусту, пустилась в амурные авантюры, благо супруг воевал где-то далеко на юге. Для начала Элеонора увлеклась собственным дядей, потом едва не вышла замуж за мусульманина – конийского султана, но вовремя одумалась, и свадьба была расстроена. Ну какой, скажите, надо быть дурой, чтобы согласиться оставить французский трон и стать одной из четырех жен сарацина?

Король Людовик, прослышав о любовных приключениях подруги жизни, отправил ее обратно во Францию, затем сам вернулся в Париж и стал угрожать Элеоноре разводом. Однако супруги пришли к обоюдному согласию: если Элеонора вдруг забеременеет и разродится мальчиком, то останется королевой, но в случае рождения девочки или смерти младенца брак будет тихо расторгнут. Стоит ли говорить, что родилась дочь...

Тогда же в Париж явился принц Генрих Плантагенет, надеявшийся на помощь Людовика в своей борьбе против короля Стефана за английский трон.

Генрих, прекрасный рыцарь, исключительно образованный и любезный человек, очаровал любвеобильную Элеонору, несмотря на то, что она была старше его на девять лет. Бурный роман длился несколько месяцев, сопровождался романтическими тайными встречами на охоте и клятвенными заверениями в вечной любви. И кроме всего этого, Элеоноре открывалась великолепная перспектива покинуть постылого мрачного Людовика, обрести новый трон и короноваться в Кентерберийском аббатстве королевой Англии, получая власть над вторым после Германского Рейха по величине и богатству королевством католической Европы. Генрих же приобретал всю Аквитанию, оставшуюся ей в наследство, тем самым расширяя владения английского скипетра почти до размеров Священной Римской Империи Германской Нации. В марте 1152 года Папа Римский дал развод Людовику Французскому и Элеоноре Аквитанской, и последняя немедленно вышла замуж за Генриха Плантагенета.

Вот тогда-то и начались нормандские войны. Принц Генрих, желая отвоевать престол при помощи новой супруги, собрал аквитанских дворян, нормандских рыцарей и отправился на тридцати шести кораблях к берегам Альбиона, дабы силой принудить Стефана вернуть престол законному наследнику. Не будь при нем Элеонора, Генрих так и остался бы лишь принцем – колоссальное богатство жены, ее вассалы, связи при всех королевских дворах Европы сделали свое дело. Потомок Вильгельма Завоевателя короновался, а недовольный авантюрами похождениями бывшей жены Людовик едва не начал войну против его нормандских владений.

Восхитительная Элеонора родила королю трех дочек и пятерых сыновей. И вот именно их действия, а конкретно – Ричарда, ее любимого сына, старшего брата Генриха и Джона (королева родила его в сорок пять лет) послужили одной из причин падения государя Англии Генриха II Плантагенета.

Началось все с того, что король никак не мог похвалиться супружеской верностью. Его длительный роман с красавицей Розамундой Клиффорд стал широко известен, и королевская возлюбленная в глазах англичан превратилась в страдальицу – во-первых, Розамунда была своей, а не иностранкой, как Элеонора, а во-вторых, репутация королевы была изрядно подмочена прошлыми приключениями. Результатом страсти Генриха стало появление на свет Годфри, бастарда, незаконнорожденного сына, ставшего затем архиепископом и канцлером Англии...

С историей английского и французского королевских домов самым неожиданным образом переплелась история некоего «странствующего оруженосца» по имени Мишель де Фармер. Разумеется, что Гунтер, уже отчаявшийся услышать рассказ своего сюзерена о рыцарском посвящении, упросил Мишеля рассказать об этом во всех подробностях.

А было это так.

...Осенью 1188 года король Генрих умирал в крестьянском доме в Нормандии, брошенный всеми, кроме нескольких верных слуг и своего побочного отпрыска Годфри. Умирал долго и тяжело, считая свою жизнь прожитой зря и полной многочисленных ошибок. Прежде всего Генриха II терзала совесть за историю со смертью архиепископа Томаса Бекета. Да, пускай святой Томас пытался поставить церковь над государством, превратился из ближайшего друга короля в непримиримого врага, был виновником смуты, но прежде всего, он был слугой Господа, и народ в тот день, когда рыцари де Тресси и де Бретон убили Бекета прямо на алтаре Кентерберийского собора, справедливо вознегодовал на своего правителя, пускай сам король никогда и не отдавал приказа убить бывшего архиепископа. С тех пор священники произносили имя Томаса Бекета в проповедях, паломники шли в аббатство поклониться его мощам, а вскоре Папа Александр III вместе с Церковным Собором приняли решение о его канонизации; король Генрих же остался в глазах церкви убийцей. Архиепископ Нормандский тогда наложил на все владения Генриха во Франции церковное отлучение – интердикт, закрылись храмы, перестали служить мессу. Ценою огромных трудов король, отправившись в Рим, уговорил Папу отменить интердикт, и отлучение было снято, но с тех пор счастье окончательно отвернулось от стареющего Генриха. Потом же сыновья венценосца восстали против отца.

Причин для конфликта было несколько, и одной из них послужило появление при английском дворе дочери французского короля Алисы, которую изначально прочили в невесты Ричарду. Но когда она подросла, именно Генрих II узнал в Алисе девушку, о которой мечтал всю свою жизнь. Несмотря на многие предосторожности, принимаемые Генрихом для того, чтобы возмутительный роман с юной принцессой не стал общеизвестным, слухи быстро дошли до Элеоноры. Опасаясь, что Генрих, еще не старый, решится на развод и лишит ее короны, Элеонора поделилась своими опасениями с сыновьями. Ричард злился больше всех – как-никак папаша посягнул на его невесту. Наследный принц открыто заявил, что поддерживает королеву-мать и не успокоится, пока не свергнет тирана, неверного мужа и убийцу святого Томаса. По всей Аквитании распространилась песня известнейшего менестреля Бертраана де

Борна, призывавшая честных людей встать на защиту Элеоноры, которая по приказу короля была схвачена и заключена в Винчестерском замке. Там блистательная монархиня, умнейшая женщина XII века, авантюристка, каких доселе христианский мир не видывал, провела шестнадцать лет.

Непримиримая война сыновей со своим отцом длилась все эти годы. Словно забыв о заточенной супруге, Генрих никогда уже не расставался с Алисой, и принцесса отвечала ему взаимностью.

Теперь король не нападал, а больше защищался, пытаясь сохранить то, что еще можно было сохранить.

Ричард, уже тогда заслуживший прозвище Львиное Сердце, не убоившись угроз Папы отлучить от церкви любого, кто нарушит всеобщий мир во время подготовки нового крестового похода, объединился с французским королем Филиппом, вторгся в Аквитанию, где его поддержали преданные Элеоноре рыцари. Генрих, бросив все дела в Лондоне, кинулся в Нормандию, но большая часть войска изменила ему и перешла на сторону мятежных сыновей. Генриху пришлось отступить, а после нескольких поражений бежать к проливу, в надежде вернуться на остров. Единственным, кто не покинул его, был Годфри, поклявшийся не оставлять отца в беде.

Мишель де Фармер, мысленно окрестивший себя «странствующим оруженосцем», успел повоевать на стороне Ричарда Львиное Сердце и французского короля, участвовал в нескольких серьезных стычках, получил еще одну рану, на этот раз едва не сведшую его в могилу – копье пропорол левый бок чуть выше тазовой кости. Поняв, что все остальные сейчас увлечены исключительно войной да междоусобными сварями и ни один из добрых сэров за этими всепоглощающими занятиями не собирается терять время, посвящая никому неизвестного юношу в рыцарский сан, Мишель махнул рукой на оказавшуюся такой неинтересной, ненужной и смертельно опасной войну и решил двигаться назад, к дому. Тем более недавняя рана болела очень сильно и доставляла пытавшемуся вылечить ее Жаку много хлопот.

Никто из сражавшихся на противоположных сторонах не обращал внимания на пробиравшегося через графство Анжуйское на север всадников, и потому Мишель, сам того не заметив, оказался в землях, все еще подвластных королю Генриху. Впрочем, подвластных – сильно сказано. Потеряв остатки войска, король бежалот постоянно преследовавших его отрядов, которыми командовал принц Ричард.

В одну из дождливых осенних ночей, не найдя подходящего ночлега, Мишель вместе с Жаком, впавшим в полнейшее уныние от дурной погоды и болезни хозяина, случайно нагнал в лесу нескольких всадников, двигавшихся к северу. Сначала рыцари приняли неизвестного молодого человека со слугой с подозрением, но Мишель, предусмотрительно скрыв свои похождения в войске Филиппа, представился просто как оруженосец, получивший рану и направляющийся домой отдыхать. Выяснилось, что им по пути, а слова молодого Фармера о неприятии странной войны между отцом и сыновьями убедили неожиданных спутников в том, что этот оруженосец не враг. Наконец один из рыцарей, лица которого Мишель не мог как следует разглядеть из-за наступившей темноты, отозвал его в сторону и тихо произнес:

– Сударь, мы – свита короля Англии Генриха Второго. Если вы знаете обо всем происходящем, то можете догадываться, что путешествовать с нами небезопасно. Если нас настигнут, придется отбиваться...

– Как, и король с вами? – несказанно поразился Мишель и оттер мокрое от дождя лицо. – Где? Я видел его один раз, правда давно, в детстве.

Незнакомый рыцарь кивнул вперед, туда, где в седле одной из лошадей покачивалась темная, по старчески сгорбленная фигура.

– Думаю теперь вы вряд ли узнаете его величество, – сокрушенно вздохнул собеседник Мишеля. – Так вы останетесь с нами или предпочтете другую дорогу и общество своего слуги?

Для молодого Фармера королевский престол всегда был чем-то святым, непоколебимым оплотом власти, данной от Бога, а личность короля, плох он или хорош, не подлежала осуждению. Мигом позабыв, как совсем недавно сражался против своего сюзерена, Мишель немедленно согласился с предложением рыцаря, тем более видел – людей, сопровождавших Генриха было совсем мало, и лишний клинок не помешал бы.

– Простите, сударь мой, – сказал Мишель рыцарю. – Я не знаю вашего имени, и хотел бы...

– Мое имя? – усмехнулся тот. – Годфри, канцлер Англии. И по рождению я могу носить имя Плантагенет.

«Ничего себе, – подумал Мишель. – Надо же, с кем судьба свела! Ну если уж это случилось, значит, так угодно Всевышнему. В конце концов, разве плохо будет, если я останусь сопровождать своего короля и может быть смогу ему чем-то помочь?..»

Мишель не зря помянул судьбу в своих мыслях, ибо за этот вечер она подбросила ему новое приключение, виновником которого стал не кто иной, как сам Ричард Львиное Сердце.

Годфри замолчал и проехал чуть вперед, оставив Мишеля наедине с самим собой и мрачно молчащим Жаком, явно не одобрявшим хозяина, ввязавшегося в очередную авантюру, вместо того чтобы мирно возвращаться в родительский дом.

Холодный мелкий дождь нескончаемо сыпал с темно-серого неба, начинавшего светлеть справа, на востоке. Лошади то и дело проваливались в ямки меж корней, обливая и без того промокших насквозь всадников холодными брызгами.

Мишель впал в полусонную оторопь, сотрясаясь от мелкой дрожи, и пытался отвлечься от непрерывной дергающей боли в боку, бормоча про себя латинские молитвы. Ему уже начинало мниться, будто нет больше в мире солнца, тепла и света, когда чей-то тихий вскрик вывел его из оцепенения. Он вскинул голову и увидел, что всадник, на которого указывал Годфри, склонился вбок, едва не падая из седла. Тотчас же с обеих сторон его лошади пристроилось по рыцарю, они обхватили обмякшее тело короля, не выдержавшего тяжелого пути и бессонной ночи – погоня висела на хвосте, а до ближайшего селения, где можно обогреться, обсушиться и заночевать, еще ехать и ехать.

Мишель попытался помочь свитским, пришпорил лошадь, чтобы нагнать их, но один из рыцарей по имени сэра Уильям Маршалл перехватил его кобылу под уздцы и отдернул назад, без слов давая понять, что услуги случайно встретившегося по пути оруженосца не требуются.

И тогда же позади отряда раздался быстро приближающийся топот копыт, и лесную тишину прорезал резкий свист, а вслед за ним окрик:

– Стоять! Я приказываю всем остановиться! Ну же!

Из полумрака вылетел большой взмыленный жеребец, несущий в седле человека очень высокого роста, крепкого, светловолосого, в потрепанной, но дорогой одежде. Он резко осадил скакуна, едва не подняв его на дыбы. Ехавший чуть впереди Мишеля Годфри выругался сквозь зубы, развернул лошадь и, потянув из ножен меч, бросил остальным через плечо:

– Быстро езжайте дальше! Он тут, похоже, один. Ваша задача, господа, сохранить для Англии жизнь короля.

Мишель оказался ближе всех к неожиданно появившемуся всаднику и, недолго думая, направил кобылку к нему. За спиной слышались удаляющееся шлепанье конских копыт по лужам и дорожной грязи и тихие проклятия незаконного сына короля Генриха.

– Назовитесь, сударь, – прохрипел Мишель, глядя в лицо высоченного рыцаря, на котором, впрочем, не было ни кольчуги, ни шлема, лишь меч на поясе. Тот уже порывался подхлестнуть коня и ринуться дальше, но Годфри, оставшийся с ним сэра Маршалл и Мишель де Фармер полностью загородили дорогу, заросшую по обочинам непроходимыми зарослями крушины. За их спинами маячил Жак, явно раздумывавший, удрать или нет.

– Меня прозывают Ричардом Плантагенетом, – сильным густым баритоном произнес светловолосый, оглядывая невысокого Мишеля, слегка склонившегося на раненый бок, не без иронии. – Я английский принц крови. Пропустите немедленно!

– Зачем? – буркнул де Фармер, смущенный столь высоким саном. Доселе видеть Ричарда лицом к лицу ему не доводилось, и когда вспомнилось, что совсем недавно он бился под его знаменами, смущение усилилось еще более. Но только что Мишель дал самому себе слово защищать короля, а внезапное появление недруга ничего хорошего старику Генриху не сулит. Но это все-таки принц, а не кто-нибудь...

– Вы здесь один? – вдруг раздался позади голос Годфри. – Дорогой брат, не лучше ли вам поехать обратно? Наживете неприятностей...

Ричард скривил губы в презрительной усмешке, когда Годфри назвал его своим братом и, покачавшись в седле, язвительно сказал:

– Дорогой bastard, ваш и мой отец преступил законы Божьи и людские. Мой долг – задержать его и предать суду. Пускай мои друзья и соратники отстали, но я отступить не намерен. Дорогу!

Неукротимый нрав Ричарда и его отчаянная смелость, граничащая с безрассудством, были известны всем, но сейчас даже невозмутимый Годфри был задет за живое. Он собрался было ответить брату-изменнику бурной отповедью, но далее случилось нечто вовсе неожиданное. Странствующий оруженосец показал свои способности.

Мишель де Фармер, окончательно озверевший от холода, сырости и боли в незажившей ране, решил, что препирательства между благородными господами следует немедленно прервать, а то таковые могут продолжиться до самого рассвета. Он чуть поддал коня назад, выдернул из руки Уильяма Маршалла копье и направил острие в грудь задиристого принца.

– Сэр, я предлагаю решить дело поединком, – сипло проговорил Мишель. – Берите в руки оружие и извольте сражаться со мной. Только после того, как я умру, вы проедете дальше.

– И после того, как я, – вставил сэр Уильям, сдвигая брови.

Ричард откровенно растерялся. Тем более что этот наглый мальчишка уже занес копье для удара. Хваленая смелость принца вдруг куда-то улетучилась, к тому же он видел – молодой норманн не шутит.

– Я отказываюсь от поединка, – быстро сказал Ричард. – Вы облачены в броню, а у меня нет даже шлема. Неравные условия, сэр...

– Тьфу, – злобно сплюнул Мишель. – Тоже мне, принц. Сердце у него львиное, понимаешь...

И в сердцах вонзил наконечник в плечо ричардовского жеребца, который жалобно заржал, привстал на дыбы и попятился, мотая головой от боли и сверкая белками глаз. Принц, грубо осадив несчастное животное, ругнулся под нос, развернулся и демонстративно медленно поехал в сторону, откуда явился.

Некоторое время царило изумленное молчание, лишь Мишель сердито сопел, глядя вслед прихрамывающей лошади принца. Наконец сэр Уильям подъехал к нему и забрал свое копье.

– Вы заставили отступить самого Ричарда Львиное Сердце, – как бы невзначай заметил Годфри. – Ладно, сударь, я запомню этот ваш поступок, а память у потомков короля Вильгельма Нормандского крепкая.

Сын короля развернул лошадь, погнав ее рысью вслед уехавшим далеко вперед Генриху и свите. Сэр Уильям и Мишель последовали за ним.

Между тем уже почти рассвело, стало лучше видно раскисшую дорогу и дождь немного поутих, сменившись легкой колючей моросью.

Трое всадников скоро нагнали едущий быстрым шагом кортеж короля, который, совсем обессиленный, полулежал на шее лошади, поддерживаемый с двух сторон рыцарями. Было просто

удивительно, как старик еще не потерял сознания. К счастью, один из рыцарей свиты вспомнил о расположенной недалеко от дороги, за перелеском, деревеньке, и маленький отряд оставшихся верными Генриху дворян свернул с дороги в ту сторону. Мишель, окончательно решивший не бросать короля, отправился с ними, к тому же ехать дальше у него тоже не было сил. И кроме того, Годфри попросил остаться.

В последующие дни Мишель де Фармер, сам того не желая, стал свидетелем отвратительных, по его мнению, интриг членов королевских семейств Англии и Франции.

Короля уложили в крестьянском доме, с ним остался сын, самые приближенные рыцари да напросившийся Мишель. Бедный Генрих, мучимый тяжелым воспалением легких, седой, осунувшийся старик, еще пытался спасти свой трон и земли государства, но король Филипп, быстро выяснивший, где нашел пристанище соперник и в каком он находится состоянии, вместе с Ричардом навестил неприметную северо-нормандскую деревушку, выставив условия мира. Буйный принц, кстати, желая остановить войну в собственных землях и побыстрее отправиться в планируемый крестовый поход, отказался от решения предать отца суду, да надобность в этом уже миновала – вскоре Генрих должен был предстать перед судом, рядом с которым все земные тяжбы теряли смысл...

Когда Филипп и Ричард приехали, Генрих, не желавший выглядеть в их глазах немощным стариком, сел, вопреки протестам Годфри, в седло и выехал им навстречу. Сопровождали его сэр Маршалл, сын и Мишель, который теперь не отходил от канцлера ни на шаг. Одного взгляда на короля было достаточно, чтобы понять – он скоро умрет, но ни француза, ни принца это совершенно не тронуло. Между прочим, Генрих отказался сойти с коня, не надеясь, что сможет вновь забраться в седло.

Он отрешенно выслушал унижительные условия мира, предусматривавшие отказ от многих ленов на континенте, выплаты колоссальных контрибуций и даже требование расстаться со своей последней любовью – французской принцессой Алисой, находившейся сейчас неподалеку, в Руане.

Явно желая окончательно добить отца, Ричард предъявил ему список вассалов, оказавшихся неверными королю. Первым в том манускрипте стояло имя принца Джона, последнего сына, единственной надежды Генриха. И он успел изменить отцу.

Мишель слушал этих напыщенных, разодетых в пух и прах селезней и с горечью вспоминал слова старого конюха из Фармера. Да, прошла эпоха норманнов, тех норманнов, которые жили лишь своим родом и споры решали только мечом. А сейчас они обращаются со словами лучше, чем со сталью, и раны, наносимые ими, куда больнее. Кривясь от отвращения, Мишель проследил, как Генрих подписал постыдный договор, и краем глаза уловил тоскливую досаду, отразившуюся на лице Ричарда. Впрочем, тому было не жаль отца, все оказалось прозаичнее – когда Генрих умрет, ему, Ричарду, волей-неволей придется соблюдать условия этого странного мира.

Посольство отбыло, а старый король вернулся в сельский дом, на свое ложе и никогда больше не встал с него.

Умирал Генрих семеро суток, и все это время возле его смертного одра находились двое рыцарей и непосвященный в этот сан баронет Фармер. Король тихо угасал день за днем, мучимый изнурительной лихорадкой и кашлем, не приносящим облегчения. Ближе к концу сознание Генриха помутилось, в сельском священнике, который навещал умирающего монарха каждый день, ему виделся Томас Бекет, проклятье которого тяготело над Генрихом II уже много лет. В бреду он клялся в своей невинности перед святым, умолял простить его, взывал к христианскому милосердию... Король Генрих II Плантагенет испустил дух на рассвете седьмого дня, миновавшего после подписания мира с Францией. Последние слова, которые он произнес в предсмертную минуту просветления, были обращены к Годфри:

– Ты мой единственный сын...

В тот же вечер обезумевший от горя Годфри напился в компании Мишеля де Фармера и Уильяма Маршалла. Вино обратило тоску в ярость, и канцлер, шатаясь и пиная низенькие скамейки, расшагивал по дому, выкрикивая бессвязные слова о том, сколько хорошего сделал отец для Англии, бормоча в адрес предателей-братьев проклятия, перемежаемые страстными молитвами.

Мишель, впавший в пьяное уныние, слушал, не перебивая, и вдруг исступленно-гневный взгляд Годфри остановился на нем.

– Мишель, ты оруженосец?.. Почему ты посейчас не рыцарь, если верно служил своему королю до последнего дня?

– Вышло так, – угрюмо сказал Мишель. – Все как с ума посходили с этой дурацкой войной.

Годфри неверной походкой подошел к столу, на котором лежало оружие, и вынул из ножен свой меч.

– Колено... преклони, – очень отчетливо, чуть ли не по слогам, как говорят только сильно выпившие люди, вымолвил он. – Посвящаю тебя не я – он.

И сын Розамунды Клиффорд кивнул в сторону покоя, где находилось тело почившего короля.

– Я лишь исполняю его волю, – добавил канцлер.

Меч опустился на плечо Мишеля, он сдавленно пробормотал слова обета, а Годфри, отшвырнув клинок, растянул собственный пояс и своими руками опоясал новоявленного рыцаря. Потом снял шпоры и передал Мишелю, теперь уже «сэру». Маршалл утирал слезы.

– Теперь иди, – сказал Годфри. – В Англии у тебя есть друзья. Завтра придет этот ублюдок Ричард, да гореть ему вечно в аду, забирать тело отца. Уезжай прямо сейчас. Не хочу, чтобы ты попал под Ричардову руку – похоже, он тебя запомнил. Помнишь, я говорил, что у Плантагенетов хорошая память?

Сэр Мишель молча встал, поклонился канцлеру, растолкал Жака, пристроившегося в сенях, и, приказав тому собрать вещи, отправился седлать лошадей, ничуть не думая о том, что отбывает на ночь глядя.

Уезжал он не потому, что боялся Ричарда. Сэр Мишель просто не хотел лишний раз огорчать Годфри. Да в общем и делать ему здесь было больше нечего – короля он не спас, главной цели своей достиг, а рана благополучно заживала. Скоро, очень скоро подберется, подползет тихой змеей скука, заставляя двигаться вперед в поисках новых впечатлений.

Вот так сэр Мишель и стал рыцарем.

Дальнейшая судьба участников этих событий сложилась по-разному. На следующий день после смерти Генриха новый король, Ричард I, послал своих представителей в Лондон с приказом констеблю города: вдовствующая королева Элеонора должна быть немедленно освобождена из замка Винчестер и перевезена в Виндзор. Пока король не вернется в столицу, править страной будет Элеонора Аквитанская. Помогать ей будут принц Джон и мэтр де Лоншан.

Королеве тогда исполнилось семьдесят лет. Выглядела она, даже после шестнадцати лет заточения, на неполные пятьдесят, а ее энергии и ума наверняка хватило бы на завоевание всего Востока вплоть до Багдада.

Годфри был лишен должности канцлера и отправлен в ссылку. Ричард не забыл его верности отцу.

А сэр Мишель, передохнув в отцовском замке и похваставшись барону Александру дарованным самим канцлером Англии рыцарским поясом, отправился путешествовать дальше. Теперь уже в качестве странствующего рыцаря.

Дороги привели его в бенедиктинский монастырь Святой Троицы, откуда благородного рыцаря Фармера-младшего и выставили со скандалом ранним утром 13 августа 1189 года. И

неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба. Дракон Люфтваффе, которому было вовсе нечего делать в Нормандии двенадцатого века, изменил все.

* * *

– Здорово, – пробормотал Гунтер, когда сэра Мишель закончил свой длинный и несколько сбивчивый рассказ. – Весело вы тут живете... Вот никогда бы не подумал, что такой раздолбай, как ты, может быть знакомым с королями, принцами и канцлерами. Меня, например, к нашему канцлеру и близко бы не подпустили.

– У вас в будущем тоже есть канцлер? – поднял бровь Фармер, пропустив «раздолбая» мимо ушей. – А кто он? Родственник вашего императора?

Перед Гунтером на мгновение мелькнуло худощавое лицо с вечно настороженными небольшими глазками, смешными усиками и темной челкой, падающей на лоб. Германец решительно отогнал явившееся так некстати видение и буркнул в ответ:

– Он у нас и канцлер, и император, и принц, и все, что угодно, вместе взятое. Не будем о нем. Помяни беса к ночи...

По обе стороны дороги тянулись убранные поля с возвышавшимися через каждые пятьдесят шагов стожками соломы, левее, на зеленом холме паслось стадо рыжих коров, над которым кружили темные пятнышки птиц. Грунтовая утоптанная дорога шла прямо на восток, к Руану...

Почему-то сэру Мишелю взбрело в голову начать расспросы, для которых прежде времени или желания не находилось. Безусловно, гордый норманн никогда не стал бы связываться с «быдлом», но все одно – происхождение оруженосца сэра Мишеля интересовало до крайности. Конечно, можно поверить и на слово, и Джонни никоим образом не мог обмануть, говоря, будто он родич герцогов Валуа, но он что-то еще говорил о германских маркграфях, имевшихся в его древе родословия... Между прочим, сам сэра Мишель и весь его род происходили от Ивара конунга, по прозвищу Широкие Объятия, владевшего Данией, Швецией и восточной частью страны саксов, а сам Ивар, говорят, возводил свой род к Инглингам, потомкам самого Одина. Хотя гордиться таким происхождением вовсе не следовало – пристало ли христианскому рыцарю вести род не от Адама, а от какого-то языческого божка, вдобавок еще и одноглазого?!

– Слушай, Джонни, – начал рыцарь. – Вот смотри: я и мой папенька, и мои предки до прадедушки в родстве со многими благородными семьями Франции, Англии и Дании. Дедушка еще папеньке рассказывал, будто линия, из которой происходит моя мать, идет от принца датского Амелета из замка Хельсингер... Может, знаешь того принца, который прикидывался сумасшедшим, чтобы отомстить потом за отца?

Гунтер фыркнул, едва подавив громкий хохот. Ничего себе! Оказывается, шевалье де Фармер – прямой потомок шекспировского героя! Во дает! Хотя собственно, к чему это он клонит?

Сэр Мишель продолжал:

– Даже если между моим и твоим рождением прошло семь с лишним столетий и множество поколений, ты должен помнить своих предков. Как дворянин...

– Ну-у... – скривился Гунтер. – Понимаешь ли... Просто у нас дворяне не являются – *вернее, не являлись* – такой силой и не блистали таким положением, как у вас. Вот в России, например...

– Где? – не понял сэра Мишель. – В чем? Это страна такая?

– Ну да, далеко на востоке. За Германией и Польшей. Разве не знаешь? А вообще-то да, здесь о России мало слышали.

– За Германией и Польшей... – размышляя, пробормотал сэр Мишель и вдруг радостно улыбнулся, видимо, вспомнив: – Лет сто назад принцесса именем Анна, дочь великого герцога Ярицлейва из города Киева вышла замуж за французского короля Генриха Капетинга. Киев – это и есть Россия?

– Это такая... – Гунтер запнулся, – крепость. И город тоже. Но, в общем, ты прав. Так вот, про тамошних дворян. Однажды, лет двадцать пять назад по счету моего времени, там случился бунт. Власть забрали всяческие холопы-крестьяне и ремесленники, если по-здешнему выражаться.

– Холопы? – изумленно переспросил сэр Мишель. – Да разве так может быть?

Гунтер кивнул:

– Конечно. А всех дворян выгнали или перебили. Те, которые уцелели, успели убежать...

– Убежать? – возмутился рыцарь. – От холопов? Что, и рыцарского ополчения не собрали?

– Не перебивай! Ополчение, конечно, было, но его разбили. А те, кто переселился в другие страны, стали работать, как все остальные. Водителями такси, кучерами то есть, прислужниками в трактирах, ну и так далее...

– Сказки! – уверенно заявил сэр Мишель. – Чтобы дворянин, благородный, с родословной, восходящей к римским цезарям... Бегать с кружками в вонючем трактире? Нет, такого не может быть никогда! Дальше я и слушать не хочу, тем более мы сейчас не про этих дворян говорим, а про тебя. Ты-то от кого род ведешь?

– От мамы с папой, – рассмеялся германец. – Чего ты пристал?

– Видишь ли, – серьезно начал сэр Мишель. – Если ты действительно хочешь стать рыцарем, то хорошее родство обычно дает больше прав на шпоры и пояс. Можешь сходить к кому-нибудь из родственников, например...

«Великолепно! – усмехнулся про себя германец. – Значит, это будет выглядеть так: прихожу это я к каким-нибудь „родственникам“, если таковые здесь найдутся, и заявляю – я ваш дальний потомок, появлюсь на свет через семьсот пятьдесят лет, а сейчас я здесь проездом; мимо шел – дай, думаю, зайду... Да, кстати, не окажете ли протекцию для поступления в рыцари?.. Интересно, сумасшедшие дома здесь есть?»

– Знаешь, – начал Гунтер. – Все мои предки, имеющие хоть какой-то вес, еще пока не родились. Смешно звучит, правда? Если вспоминать самых далеких пращуров, то считается, будто наша семья происходит от одного из норманнских ярлов, саксонца или аллемана по происхождению. Звали его, кстати говоря, тоже Гунтером. Он служил у какого-то норвежского конунга, по имени Торин Путешественник, а потом сам завел себе дружину и взял в лен у короля германского земли, на которых выстроили наше семейное поместье. По-моему, это случилось ближе к концу девятого века.

Сэр Мишель, счастливо улыбнувшись, хлопнул германца по плечу:

– Ого! А говоришь, родственников нету! Можно будет съездить и навестить их!

«Действительно, – подумал Гунтер. – Райхерт уже наверняка существует, так почему бы однажды не проведать собственное поместье? Было бы любопытно посмотреть...»

– Ладно, съездим туда потом, – сказал он сэру Мишелю. – Сейчас времени нет и другие дела, правильно? Кстати, посмотри, с этого пригорка очень хорошо видна река. Это Сена?

Дорога проходила через гряду невысоких пригорков, поросших вереском, а далее спускалась напрямик к видневшейся (по оценке Гунтера, километрах в восьми) голубой полоске реки. Таким образом, до Руана оставалось ехать всего ничего.

Два всадника, миновав стоявший у подножия холма большой деревянный крест, поставленный, как следовало из надписи, в честь освобождения города Иерусалима от магометанских язычников в 1099 году, направились в сторону реки.

Глава одиннадцатая

Как стать архиепископом

– Послушай, неужели так необходимо с ними знакомиться? – недовольно проворчал Гунтер, с подозрением оглядывая десяток всадников, поднимавших пыль в двух сотнях шагов впереди. Шедшие быстрой рысью лошади германца и сэра Мишеля понемногу нагоняли небольшую кавалькаду. – Опять нарвемся на неприятности...

– Если эти рыцари ехали по дороге, наверняка они могли повстречать Понтия, – рассудительно заметил сэр Мишель. – И вообще, каких бед можно ожидать от таких же дворян, как и мы, тем более под самыми руанскими стенами?

Гунтер промолчал, хоть и желал сказать что-нибудь наподобие: «Понтий твой – дворянин, а такая скотина...» В одном Мишель был прав – тракт шел по левому берегу Сены, впереди, за рекой виднелись башни Руана, а путников на дороге было предостаточно. Сейчас напасть на двоих мирных путешественников никто бы не осмелился. Но благородные господа всегда найдут повод сцепиться – это Гунтер за последние дни уразумел как нельзя лучше. И никакая стража да бумаги от бейлифа не помогут, тем более что Руан не относится к графству Аржантан, и в городе должен быть свой королевский наместник, которому, скорее всего, начхать на приказы своего коллеги из захолустного Аржантана.

Еще хорошо, что большинство воинственных и нахрапистых рыцарей уже давно отправлены на юг, к Ричарду, и потому ежедневные поединки из-за косога взгляда или случайного толчка локтем отменяются. Как ни странно, сэру Мишелю пока и единого разу не пришлось даже в шутку обнажать клинок.

Вот и теперь, по мнению Гунтера, его рыцарь откровенно стремился нарваться на неприятности. «Бьюсь об заклад, догоним тех дворян, сэр Мишель полезет спрашивать, его попытаются вежливо отшить, он истолкует неправильно, схватится за оружие... И готово дело. А мне потом волочь обратно в Фармер бездыханный труп...»

На всякий случай Гунтер проверил, на месте ли кобура с «вальтером». Во время последней ночевки на сеновале у сэра Уилфрида, он исхитрился приделать к ней ремешок, с помощью которого кобуру теперь можно было вешать на плечо так, чтобы выхватить пистолет мгновенно.

Отряд дворян был уже совсем рядом. Семь человек, а не десять, как показалось вначале. Не видно, чтобы кто-то был при полном вооружении и доспехах. Одеты недурно, оружие дорогое. Сразу видно – знать. У Гунтера сложилось впечатление, что это не просто несколько приятелей, собравшихся проехаться в город, а свита некоей важной особы, хотя непонятно, почему эта самая «особа» совершает променады в сопровождении всего шести приближенных. Впрочем, сейчас эти вопросы наверняка будут разъяснены.

– Я буду с ними разговаривать, – тихо сказал сэр Мишель, оборачиваясь к германцу. Они двигались уже почти ровень с отрядом. – А ты помалкивай.

Гунтер только вздохнул. «Ну да, я буду помалкивать, как положено благовоспитанному оруженосцу, но потом наверняка именно мне придется вытаскивать шевалье де Фармера из заварухи и долго извиняться. Между прочим, мое знание норманно-французского, пусть и хорошее, не позволяет вести изысканно-куртуазную беседу, насыщенную сложными оборотами, принятыми в здешнем непостижимом обществе...»

– Простите, господа, что отвлекаю вас, – твердым голосом уверенно начал сэр Мишель, поравнявшись с всадниками, замыкавшими цепочку. – Нельзя ли поговорить с вами?

Двое рыцарей оглянулись, окинули Фармера несколько подозрительным взглядом, один отъехал чуть в сторону, ближе к сэру Мишелю и со сдержанной вежливостью в голосе спросил:

– Что вам угодно, сэр?

– По поручению королевского бейлифа мы разыскиваем... – серьезно сказал сэр Мишель, но тут его перебил другой рыцарь:

– Шевалье де Фармер! Мишель, ты ли это, или я обознался?

Ехавший в голове отряда дворянин с короткой черной бородкой обернулся на разговор, а теперь и вовсе приостановил лошадь. Его сопровождающие тоже натянули поводья, и отряд рыцарей встал у края дороги.

«Понятно, – подумал Гунтер. – Либо бывший собутыльник, либо Мишель когда-нибудь дрался с ним на поединке. Вот интересно, проиграл он этот поединок или победил в нем? Надеюсь, все обойдется...»

Сэр Мишель застыл в седле с открытым ртом, и только когда чернобородый подъехал совсем близко, изумленно выдавил:

– Милорд?.. Это вы? А говорили, будто вы... вас...

– Правильно говорили, – улыбаясь, кивнул рыцарь. На вид ему было лет тридцать пять, одет значительно лучше других, а на груди красуется серебряный крест, ровно у священника.

«Интересно, – подумал Гунтер, – если этот человек лицо духовное, то почему он разъезжает в компании рыцарей в мирской одежде?»

– Я не ожидал вас здесь встретить, – растерянно говорил сэр Мишель. – Куда вы направляетесь, милорд?

«Он называет его „милордом“, – мелькнула у германца мысль. – Значит, этот красавец – личность известная. Представился бы...»

– Господа, – сказал чернобородый, обращаясь к своим спутникам. – счастлив вас познакомиться с шевалье де Фармером, нормандским рыцарем, – изящным движением отклонив назад голову, он доброжелательно посмотрел на Гунтера и добавил: – Мишель, позволь узнать, а кто тебя сопровождает?

– Гунтер фон Райхерт, оруженосец, – представился германец.

– Отлично! – приятная улыбка не сходила с лица рыцаря. – Мы прежде не были знакомы, сударь?

Гунтер подавил назревавший приступ идиотского смеха, но удержаться от двусмысленности не смог:

– Я мог слышать о вас или читать...

– Годфри, граф Клиффорд, – внезапно став серьезным, представился дворянин. – В настоящий момент волей короля нашего Ричарда назначен архиепископом Кентерберийским. Вы в Руан, господа? Значит, нам по дороге. Мишель, поехали со мной, попутно расскажешь, что делал и чем жил все то время, пока мы не виделись?

– Архи... кем? – только и смог выдавить из себя сэр Мишель. – Простите, сэр, я плохо расслышал...

– Поехали, поехали, – отмахнулся Годфри. – Все вопросы проясним по дороге...

«Ну ничего себе! – Гунтер тронул лошадь с места, пристраиваясь слева от рыцаря. – Вот это встреча! Сам сыночек короля Генриха Второго, пускай и незаконнорожденный! Ведь только Мишель о нем вспоминал! Он наверняка собирается в Англию... Жаль, я не помню, в какую именно историю Годфри попадет на Альбионе. А ведь читал когда-то».

Пока добирались до берега Сены, где должны были сесть на паром, который переправил бы их через реку, сэр Мишель увлеченно рассказывал графу Клиффорду о своих приключениях, случившихся за последний год, прошедший с его посвящения. Вообще-то ничего особо любопытного в похождениях Фармера не было, но Годфри вежливо выслушивал байки о поединках со всяко-разными рыцарями, достоинствах вин в различных нормандских трактирах и последних новостях из графства Анжуйского, Аквитании и Гиени. Мишель же за неприкрытой болтовней хотел скрыть свое замешательство: опальный сын Генриха теперь вдруг стал вторым лицом в королевстве и на время отсутствия Ричарда превращался в фактического

повелителя Англии. Но что архиепископ Кентерберийский делает в Нормандии, да еще с такой скромной свитой? Непонятно...

Гунтер, соскучившись от пространных и местами совсем непонятных *приезжему* речей сэра Мишеля, принялся разглядывать поднимавшиеся совсем рядом высокие стены крепости Руан и довольно крупный порт, видневшийся ниже по течению реки. Гавань была забита галерами и торговыми судами, название которых германец позабыл – широкие, вместительные парусные корабли с высокими носовыми и кормовыми палубами. Сквозь лес мачт и такелажа с трудом можно разглядеть песчаный берег, по которому, подобно муравьям, сновало множество людей, громоздились непонятные серые тюки, пузатые бочки, огромные деревянные коробки. Прежде Гунтер видел гавань *этого Руана* только с высоты, пролетая над ней утром тринадцатого августа.

Отряд как раз успел прибыть к отправлению очередного парома. Спешившись, люди ввели лошадей в поводу на палубу, сложенную из огромных широких бревен, где без труда могло разместиться несколько больших подвод. Принадлежащие Годфри и его свите кони, должно быть, по привычке уже к переправам и без страха взошли на паром, но никогда в жизни не ступавшие на такую зыбкую почву лошади сэра Мишеля и Гунтера поначалу заартачились. Многих трудов стоило сэру Мишелю успокоить своего скакуна, а заодно и Гунтерова, потому что оруженосец сердитыми окриками только еще больше напугал животное.

Наконец был дан знак к отправлению, и перевозчик подхлестнул могучую холеную лошадь, крутившую широкое колесо, приводившее паром в движение.

Сэр Мишель, усевшись у самого края палубы и прислонясь спиной к фальшборту, задумчиво смотрел на медленно удаляющийся под натужный скрип колеса берег. Понемногу клонящееся к западу солнце горячо пригревало ему голову, легкий речной ветерок шевелил волосы, но в мыслях сэр Мишель сейчас был в темном ноябрьском лесу, под холодным нескончаемым дождем, с пульсирующей болью в боку – лицом к лицу с Ричардом Львиное Сердце, неожиданно нагнавшим короля Генриха на его пути к своему последнему пристанищу.

Потом в памяти всплыли низкое студенистое небо, быстро летящие клочки сизых облаков, пронизывающий ветер и сгорбленная фигура короля, из последних сил державшегося в седле перед своим сыном, зачитывающим равнодушно-скучающим тоном список вассалов, предавших своего сюзерена... Дальше – семь суток, слившихся в один тяжкий нескончаемый день, когда жизнь тягучими каплями неумолимо исходила из старого короля; глухое ожесточенное горе, тяготевшее над Годфри, Уильямом Маршаллом и Мишелем, сидевшими втроем за липким от пролитого вина столом; холодное прикосновение меча к плечу и слова графа Клиффорда: «Посвящаю тебя не я, а он... Я лишь исполняю его волю».

Да, раз впутавшись в сложнейшие переплетения судеб сильных мира сего, невероятно сложно выбраться из них, а понять и вовсе невыносимо...

Наконец круглые бревна парома мягко ткнулись в песчаный берег, гладко вылизанный мелкими волнами речного прибоя, и епископ Кентерберийский со своей свитой и сэром Мишелем с оруженосцем двинулся к Руанской крепости.

Запрокинув голову, Гунтер разглядывал суровые неприступные крепостные стены. В сравнении с Аржантаном Руан выглядел куда более солидно, а Фармер теперь и вовсе мыслился укрепленным сарайчиком. Высота мощных каменных стен была не меньше, по мнению Гунтера, метров пятнадцати, в сером граните пробито множество узких бойниц, ворота укреплены двумя башнями, а на мосту, перекинутом через глубокий, заполненный мутной цветущей водой, ров, околачивались господа в кольчугах и при копьях. Надо полагать, городская стража.

– Ну вот, почти приехали, – сказал Годфри своим попутчикам. – Лорд Вустер, пожалуйста, сообщите страже...

«Так, – подумал Гунтер, – вот интересно, сколько в его свите лордов, графов и других принцев с виконтами? Какая досада, что эти люди не представились сразу! Совершенно не

знаю, как следует вести себя в подобном обществе! Придется изображать скромного слугу и молчать, пусть рыцарь треплется за обоих...»

Сэр Мишель словно подслушал мысли оруженосца, приблизился к нему и тихо проговорил:

– Ты чего робеешь? Они все такие же дворяне, как и мы. А Годфри – замечательный человек, хотя и архиепископ...

– Лучше скажи, сколько придется выложить за въезд в Руан, – сменил тему Гунтер, твердо помнивший просьбу барона Александра не тратить слишком много и попусту. Позавчерашняя попойка в счет не шла... – Подожди, – усмехнулся рыцарь. – Похоже, сегодня нам не придется тратиться.

В это время на мосту в город происходили любопытные вещи. Сэр Мишель и Гунтер не услышали, что именно говорил страже лорд Вустер, но буквально сразу несколько блюстителей кинулись к рассевшимся у края моста коробейникам, погнав их прочь, а к лошади Годфри подбежал человек, заметно пьяный, пока еще твердо державшийся на ногах, но уже туго соображавший.

– Сэр, – икнув, браво прокричал сей субъект. – Тот рыцарь сказал, будто вы лондонский архиепископ... Выходит, мне нужно пропустить вас без пошлины?

– И еще доплатить, – проворчал сэр Мишель. Свитские посмотрели на Фармера неодобрительно, а Годфри фыркнул. Выдержав многозначительную паузу, он посмотрел на стражника и, вынув из кожаной сумки на поясе пергаментный свиток довольно внушительного вида, протянул ее.

– Тебе знакома королевская печать или ты не знаешь, что это такое?

– Не видел, – признался стражник, мучительно сдерживая рвущуюся наружу отрыжку. – Но, если посмотрю, узнаю.

Тут уж даже строгие спутники графа Клиффорда позволили себе сдержанно рассмеяться, покашливая и окидывая незадачливого стража надменно-любопытными взглядами.

Довольно долго блюститель рассматривал бумагу – что характерно, держа ее вверх ногами – потом, почтительно прикрыв рот рукавом, все-таки рыгнул, и вернул манускрипт Годфри со словами:

– Не извольте гневаться, ваше при... пре... освященство...

После чего развернулся на каблуках и, громко топая по доскам моста, кинулся к своим, выкрикивая точно глашатай на башне замка городского правителя:

– Дорогу архиепископу Кентерберийскому! Именем короля! Роже, дубина, беги к господину коннетаблю, доложись! И быстрее! Дорогу архиепископу...

Сэр Мишель довольно улыбнулся Гунтеру и сказал:

– Я же говорил – ничего платить не надо!

«Везде одно и то же, – вздохнул про себя Гунтер. – Пьяные в лежку часовые, бесплатный проезд только потому, что у тебя в знакомых важная шишка... Порядки почти как у нас».

Годфри вместе со свитой, в которую теперь негласно входили сэр Мишель с оруженосцем, проследовал по мосту, сопровождаемый туповато-восторженными взглядами стражи и столпившихся неподалеку простолюдинов, уже каким-то таинственным образом прослышавших, какая честь оказана славному городу Руану. Когда проезжали тоннель, образованный стенами башен и надвратным укреплением, Годфри глянул на сэра Мишеля, по-прежнему ехавшего рядом, и сказал:

– Мишель, я завтра утром отплываю в Англию. Если хочешь, приходи поговорить до заката. Мы расположимся в доме руанского епископа. Или, если тебе негде остановиться, едем с нами.

Рыцарь, не раздумывая, ответил:

– Милорд, у нас есть некоторые дела в городе, но, как только будет возможность, я обязательно навещу вас сегодня. Кстати, милорд, если вас назначили архиепископом, то наверняка вы должны знать о посланиях короля Иерусалимского Гвидо в Англию и королевским наместникам в Нормандии и Аквитании...

– Вот как? – Годфри изумленно поднял брови. – Я знаю кое-что о предостережениях Гвидо, но ты-то каким образом проведал об этой истории?

– Давайте поговорим вечером, сэр, – сказал сэр Мишель. – Может быть, сейчас я сумею узнать немного побольше и потом доложу вам.

– Хорошо, – кивнул новоявленный архиепископ. – Жду вечером. Годфри вместе со свитой двинулся прямо по улице, а Мишель, окликнув Гунтера, махнул рукой направо.

– Если Понтий собирается в Англию, то искать его надо в порту. Согласен?

– Согласен, – ответил Гунтер. – А как на предмет чего-нибудь пожевать и выпить?

– Выпить? – задумался сэр Мишель. На лице его явственно отразилась борьба с искушением.

Спустя совсем немного времени рыцарь просиял:

– В гавани должны быть трактиры! Там и подкрепимся. А вечером, если придется, Годфри угостит нас хорошим вином!

* * *

– Это бесполезно, – вздохнул сэр Мишель. – Мы никогда никого здесь не найдем. Я бы выпил доброго эля, а ты?

Рыцарь вместе с оруженосцем стояли на пристани, держа лошадей под уздцы, и тоскливо озирали невероятную сутолоку, царившую в порту. Руан был самым крупным портом, связывавшим владения английской короны на континенте с островом, а теперь вдобавок служил еще и главным пунктом, из которого отправлялись грузы на юг, в Марсель и Сицилию, крестоносному воинству короля Ричарда. Если большинство припасов, подготовленных в Англии для армии, переправлялись из Дувра, то в Руан стекался поток продовольствия, оружия и ценностей со всей Нормандии, севера Франции и части Аквитании. Соответственно и неразбериха стояла невероятная. А тут еще корабли с ополчениями норвежцев, датчан и шведов зачастую останавливались в руанском порту на отдых и северные молодцы добавляли в беспокойную жизнь города свой норманнский колорит – больше половины драк и пьяных выходов было на совести славных крестоносцев из полуночных стран...

Король Ричард требовал, чтобы флот и армия были полностью обеспечены всем необходимым, и уже сейчас богатства, сосредоточенные на флоте английского короля, давали ему возможность оплачивать колоссальное войско, сосредоточивавшееся на юге Европы и готовое по первому приказу короля-рыцаря двинуться к берегам Палестины. Вот и опустошались богатейшие земли Анжуйского графства, выбивалась церковная десятина, а, как помнил Гунтер, кардинал Иоанн из Ананьи собрал с Лиможской и Пуатевинской епархий денег больше, чем они могли стоить...

– Как ты думаешь, кто здесь главный? – Гунтер решил прибегнуть к логике. – В порту, я имею в виду?

Сэр Мишель задумался, несколько отрешенно взирая, как на борту стоявшей возле деревянного причала галеры двое господ, явно северян, ругались на чем свет стоит из-за какого-то якобы не вовремя возвращенного долга. Вслушиваться особо было неинтересно, но множество ярких и запоминающихся оборотов речи привлекали свой новизной и необычностью внимание рыцаря.

– Главный?.. – Сэр Мишель с трудом оторвался от созерцания выяснения отношений между северянами, грозившего перерасти в драку на ножах. – Капитан порта, наверное...

– Кто дает разрешение на выезд в Англию или такого разрешения у вас не положено?

– Откуда я знаю? – развел руками рыцарь. – Когда года полтора назад я ездил в Уэльс, на турнир, который устраивал Овейн Гуиннедский, никакого разрешения не нужно было. Просто сел на корабль и поплыл!

– Тогда, – Гунтер потер лоб тыльной стороной ладони, соображая, каким еще способом можно отыскать этого проклятого Понтия, – тогда давай спросим, когда уходил последний корабль в Англию. Понтий опережал нас не меньше, чем на сутки, и, если уехал, а не остался в городе, то, глядишь, кто-нибудь его запомнил.

Мимо рыцаря протолкалась пара каких-то мрачных личностей, облаченных в совершеннейшие рубища и тащивших по увесистому тюку. Судя по всему, эти люди работали в гавани на погрузке. Оба согнулись чуть ли не пополам под тяжестью тюков, на перемазанных, темных от загара лицах застыло выражение равнодушной тупости, и они сильно смахивали на двух заморенных осликов, нагруженных поклажей. Сэр Мишель, мигом ухватив мысль оруженосца, словил одного за рукав, так что работник пошатнулся, с трудом удерживая равновесие, и спросил:

– Эй, ты, какой корабль недавно ушел в Дувр?

Выражение лица человека тускло осветилось вниманием и всеогласием, которое свойственно самым низшим кастам общества при разговоре с благородными.

– Корабль?.. А как же, корабль... Судно. Ушло. В Дувр. – Работник ронял слова бесцветным хриловатым голосом, потихонечку отодвигаясь от рыцаря. Его товарищ продолжал неторопливое движение к галере. – Когда? – рявкнул сэр Мишель, дернув засаленный перелатанный рукав. Гунтер наблюдал за сценой с умилением. Картина маслом: «Рыцарь и простолюдин».

– В Дувр ушло. Как же... Судно. Парусное. Вчера. Не извольте гневаться... – Несчастный говорил все тише и тише, будто собирался упасть в обморок со страху.

Правая ладонь сэра Мишеля непроизвольно сжалась в кулак.

– Название? – учтя манеру собеседника разговаривать, тихо, но угрожающе спросил рыцарь.

– Так оно же сейчас в Дувре, – пролепетал бедняга, явно не понимая, чего от него хочет благородный рыцарь.

– Мишель, пойдем отсюда. – Гунтер потянул рыцаря за плечо, но в этот момент в разговор вмешался второй грузчик, остановившийся поодаль и крикнул:

– Медведь.

Сэр Мишель повернулся к нему:

– Ты кого имеешь в виду, ублюдок?

Названный ублюдком грузчик грустно поморгал глазами на рыцаря и пробормотал:

– «Медведем» корабль назывался, сударь.

Первый добавил:

– Не извольте гневаться...

«Страна идиотов, – мелькнула мысль у Гунтера. – Вот теперь это больше походит на Средневековье, знакомое мне по книгам. Ужас!»

На том разговор с работниками гавани и закончился. Оба потасканных типа понесли свои тюки по сходам на галере, беспрестанно оглядываясь. Там уже слышались громкие подбадривающие крики, а цветистая ругань перешла в гортанное рычание – северяне все-таки передрались.

Потом рыцарь вместе с оруженосцем толкались по всему порту, выпрашивая о корабле, именовавшемся «Медведь», но ничего путного не добились. Ну да, стоял такой торговый когг, имя хозяина его было Робин Саутем, а постоянно квартировал он в Дувре, возя товары и пас-

сажиров из Англии во Францию. Отплыл вчера вечером, повез груз льна и бочки с вином. Пассажиры были, а какие – никто не помнит. Вот и все.

* * *

Вполне естественно, что бестолковая прогулка по руанской гавани закончилась в мрачном и прокопченном трактире с вдохновляющим названием «Голова сарацина». Таковая голова, вырезанная из дерева каким-то умельцем, обладавшим ярким воображением, торчала прямо из вывески, будто охотничий трофей – жутковатые глаза навывкате, ярко-красные губы, обнажающие волчьи клыки, и косматые кочья черной овечьей шерсти, приляпанные на корявый череп. Выражение лица «сарацина» говорило со всей определенностью: «Не надо сюда ходить – обманут, обворуют и отравят!»

Но сэр Мишель, пребывавший в расстройстве чувств от постигшей его неудачи, не глядя, перебросил поводья лошади однорукому старику, прислуживавшему у коновязи, и рассеянно прошествовал в помещение. Шедший позади Гунтер, критически оглядев темный и воняющий соленой рыбой полуподвал с земляным полом и десятком почерневших от времени и чада столов, только глаза воздел в тоске. Это был самый мерзкий кабак из всех, какие пришлось видеть за минувшие с явления дракона Люфтваффе в двенадцатый век дни. Между прочим, упитанные, возмутительно осмелевшие тараканы, шнырявшие по столам, ничуть не отличались от своих собратьев из далекого будущего.

Нельзя сказать, что трактир был забит до отказа – сейчас немногим за полдень и большинство людей занято повседневными делами, но в то же время около половины столов оказались несвободны, за ними сидели в основном люди военные – с полдесятка захудалых и, видимо, очень бедных, рыцарей, какие-то крепкие мужики с откровенно крестьянскими рожами, но в кольчугах и при оружии (Мишель потом объяснил, что это йомены, набранные в войско), да еще несколько очень пьяных, но имевших несомненно уголовный вид, личностей.

Устало рухнув на скамью у одного из свободных столов, сэр Мишель саданул кулаком по крышке стола и воззвал:

– Хозяин!! Пива! Много!

Гунтер и сам был не прочь слегка промочить горло, но для порядка проворчал:

– Опять пьянствовать?

– Разумная необходимость, – вытянув кверху указательный палец, ответил сэр Мишель. – Думаю, пара кружечек нам не повредит. Ты был прав – в этом проклятом городе найти кого-нибудь невозможно...

– Ерунда, – отмахнулся Гунтер. – Сходим к... Кто главный в городе?

– Коннетабль, – пояснил рыцарь, с недоверием оглядывая грязные, покрытые липким слоем жира кружки с пивом, которые пожилой и хмурый хозяин невежливо бухнул на стол. – Но к нему просто так не попадешь. Кто мы такие?..

Гунтер вздохнул:

– Два авантюриста на службе короля Ричарда, это я уже понял. А насчет «не попадешь» – это ты зря. Во-первых, у нас бумага от господина д'Эмери, во-вторых, ты знаком с самим архиепископом Кентерберийским. Если что – он поможет. Сходим к коннетаблю, объясним, если он не знает о случившемся, пусть поднимает городскую стражу. Найдут нам Понтия в два счета!

– Посмотрим, – поморщился сэр Мишель, сбивая щелчком крупного таракана, взбравшегося на край кружки и, воинственно шевеля усищами, оглядывавшего оккупированную территорию. – У меня один вопрос – каким образом Годфри вдруг стал архиепископом? Невежливо! Ричард его терпеть не может, особенно после истории со старым королем Генрихом. Кажется, я тебе рассказывал? Или нет... Годфри больше года провел в ссылке, в графстве Анжуйском, а теперь... Чудеса, да и только.

– Вечером узнаем, – лениво протянул германец и, наконец решившись, отхлебнул пива. Приложился он к кружке только когда убедился, что в ней ничего не плавало, а боевой таракан позорно ретировался с поля сражения. Пиво оказалось на редкость кислым и вдобавок изрядно разбавленным.

Некоторое время рыцарь и оруженосец сидели в молчании, и Гунтер от скуки начал изучать прочих посетителей «Головы сарацина». Местные жулики особого внимания не привлекали – подобных личностей полно во все времена, что в Нормандии, что в Германии. А вот рыцари за столом напротив представляли собой исключительно любопытную картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.